
ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Октемберянский хлопкоочистительный завод (Армянская ССР). Прием хлопка нового урожая.

На первой странице обложки: Хороший урожай собрали в этом году колхозники сельхозартели имени Свердлова, Арташатского района, Армянской ССР. На снимке: передовые люди колхоза (слева направо) сборщица винограда Моро Эванян, тракторист Петик Петросян и сборщица хлопка Роза Саакян. Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: Город Ереван. Фото А. Левитана

№ 48 (1225) 26 НОЯБРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

16 ноября в Варшаве в «Доме польского слова» открылся Второй Всемирный конгресс сторонников мира. На снимке вверху: председатель Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира Ф. Жолио-Кюри открывает конгресс. На снимке внизу: советская делегация на конгрессе.

Фото В. Егорова и В. Соболева (ТАСС)

НЕПОБЕДИМАЯ АРМИЯ МИРА

(Письмо из Варшавы)

А. СУРКОВ

Среди многих незабываемых дней эти ноябрьские дни останутся в нашей памяти как самое светлое воспоминание.

Мы ехали братской семьей советских, китайских и корейских делегатов по осенним полям и лесам Российской Федерации и Белоруссии. Мы ехали по дороге, глубоко вспаханной железным плугом войны. И радостно было видеть, как мирный, созидательный труд наших соотечественников поднял из развалин города, поднял из пепла пожарищ села и деревни нашей Родины. Картины великой стройки, как в кадрах кино, сменялись за окнами нашего поезда, несущегося на запад, к границам дружественной народной Польши.

В Бресте мы пересекли границу. И уже на первой польской станции — Тересполь — нас подхватила волна народного энтузиазма и горячего братского гостеприимства, которыми в эти дни окружена наша жизнь в Польше.

Несмотря на моросящий мелкий дождик, встречать нас на станцию Тересполь, ярко украшенную эмблемами мира, плакатами, приветствующими СССР, новый, демократический Китай и героическую Корею, собралось множество горожан и железнодорожников. Гул восторженных оваций встретил наш состав, остановившийся у перрона. Едва мы ступили на землю — сотни рук протянулись к нам, вручая делегатам живые цветы. Крепкие братские рукопожатия, дружеские слова, проникающие в самое сердце, — все это было ярким выражением братства народов в великой борьбе за мир.

Был короткий митинг. Приветственные возгласы заглушали звуки оркестра. Были трогательные сцены: встречающие узнавали среди делегатов известных советских музыкантов, артистов, ученых, писателей, знаменитых стахановцев. Была изумительная по своей сердечности манифестация дружбы польского народа к великому китайскому народу и к народу Кореи.

Так началось в Тересполе, на первой остановке. А там, от станции к станции, раскрывались перед нами просторы новой Польши, где так же, как и у нас, неутомимо кипит творческий, созидательный труд. На каждой остановке мы видели флаги и призывы, видели тысячи польских граждан, пришедших приветствовать посланцев мира.

Еще одна короткая остановка и короткий, но грандиозный по числу участников митинг около вагонов, прямо на рельсах и перроне.

Спускается вечер. Окна вагонов рябят дождем. На западе вырастает созвездие огней Варшавы. Мы у цели нашего путешествия.

В слепящем свете юпитеров, по перрону, тонущему в пестром море флагов всех наций, сквозь сетку мелкого дождя делегации выходят на Вокзальную площадь Варшавы. Буря приветствий и кликов несется над толпой, кажущейся бесконечной, уходящей в бескрайность раннего осеннего вечера. Шумно и горячо, от всего богатырского сердца, возрожденная Варшава приветствует нас, уполномоченных одной третью человечества заявить на Всемирном конгрессе сторонников мира о непреклонной воле наших народов к миру и дружбе между народами.

После короткого митинга мы сквозь сплошные шпалеры варшавян, приветствующих делегатов, осыпающих машины цветами, едем в город. Здесь все живет подготовкой к великому акту изъявления всечеловеческой воли — отстоять мир в борьбе против темных сил, стремящихся развязать новую войну.

Дни перед конгрессом дали нам возможность увидеть, почувствовать, с каким энтузиазмом и безграничным желанием помочь делу мира поляки и особенно варшавяне готовились к встрече гостей. Вся Варшава, от мала до велика, в эти дни была согрета радостью хозяев по поводу того, что их городу, жестоко измученному войной, выпало высокое счастье стать всемирной трибуной народов, жаждущих мира.

Варшава строится стремительно и неустанно. И этот высокий, звучащий, как патетическая песня, темп стройки, вся деловая жизнь возрождаемого города делают особенно выразительными улицы польской столицы, расцвеченные бело-красными национальными флагами и голубыми, увенчанными голубем флагами мира.

Делегаты, откуда бы они ни приехали, еще до начала конгресса воочию увидели в Варшаве и то чудовищное и страшное, что принесла городам и людям минувшая война, и то радостное и светлое, что дает народам окрыленный верой в счастливое будущее мирный, созидательный труд.

16 ноября под сводами огромного прямоугольного зала «Дома польского слова» собрались воедино посланцы всемирной армии борцов за мир. И все, кто сошлись в этом зале, приехали поездами, пролетели самолетами тысячи миль, пересекли океаны и материки, — все они еще на пути в Варшаву от восточных, западных, северных и южных границ Польской республики, как и мы, испытали светлое чувство радости перед лицом радушия и братского гостеприимства, которыми окружил посланцев мира польский народ.

Больше четырех тысяч людей в зале и несчетные тысячи людей на улицах и площадях, примыкающих к Дому слова, дружно, исступленно аплодировали в момент, когда на украшенной флагами, надписями, эмблемами мира эстраде президиума появились члены Постоянного Комитета. Мощно, как бы окрыляя сердца, зазвучали в зале звуки гениального «Полонеза» Шопена.

Приветствуемый овациями, поднялся на трибуну мужественный борец за мир профессор Жолио-Кюри и открыл первое заседание конгресса. От имени польского народа, от имени героической Варшавы сказал взволнованное слово конгрессу председатель президиума Рады Народовой Варшавы Ежи Альбрехт. Конгресс начал свою работу.

И все мы в эти первые часы работы конгресса с особенной остротой почувствовали, какой высокой чести и какой чистой радости лишили прислужники Уолл-стрита из лейбористского правительства старый английский город Шеффилд, провокаторски запретив проведение конгресса в Англии...

Когда я пишу это письмо, кончается третий день работ конгресса.

Один за другим поднимаются на трибуну посланцы миллионов людей доброй воли. Аплодисменты, приветственные клики, твердые и мужественные слова. Ораторы зовут к борьбе за мир, гневно обличают поджигателей войны, они выражают ненависть народов к темным силам империализма.

Доклады Фредерика Жолио-Кюри и Пьетро Ненни были прослушаны с напряженным вниманием, в котором слышалось биение сердец миллионов людей, жаждущих мира. Докладчики нарисовали широкую картину деятельности сторонников мира за полтора года после Парижского конгресса. Они дали глубокий анализ современной международной обстановки и направили внимание конгресса на огромные задачи, которые стоят перед борцами за мир в связи с активизацией сил войны, в связи с тем, что американские претенденты на мировое господство от провокаторских криков и угроз перешли к актам прямой агрессии.

Устами Жолио-Кюри и Пьетро Ненни, советского делегата Александра Фадеева и других делегатов движение сторонников мира сказало осуждающие слова в адрес Организации Объединенных Наций, давшей превратить себя в послушное орудие агрессивной политики Соединенных Штатов. Единодушное одобрение конгресса встретило заявление о том, что если эта организация, которой поручено охранять мир, не будет выполнять этой своей священной обязанности, то народы мира найдут способ договориться и помимо нее. Бурные аплодисменты всего зала подтвердили и утвердили правоту и действенную силу этих слов.

Профессор Жолио-Кюри говорил в своем докладе о том, как широко развернулось движение за мир в последние полтора года, какое огромное значение для объединения сил мира имел сбор подписей под историческим Стокгольмским Воззванием, как остро и актуально стоит вопрос о дальнейшем расширении рядов сторонников мира.

И надо приглядеться к составу присутствующих в зале, к поднимающимся на трибуну ораторам-делегатам из всех уголков земного шара, чтобы воочию убедиться в огромных успехах, достигнутых движением сторонников мира. Лгуны и клеветники из лагеря поджигателей войны от президентов, премьер-министров и парламентариев до продажных писак из буржуазной прессы в тщетных попытках очернить и задержать это величайшее движение нашей современности обрушивают на головы борцов за мир репрессии, лгут и клевещут, изображая движение сторонников мира как «коммунистический заговор». Достаточно походить по кулуарам конгресса, вглядеться в людей, сидящих в зале на делегатских местах, чтобы понять, как жалки и беспомощны эти ухищрения врагов мира.

Кого-кого нет среди делегатов конгресса! В рядах почти каждой делегации вы увидите и рабочих, и крестьян, и моряков, и ученых с мировым именем, и знаменитых артистов, и писателей, и бывших министров и сенаторов, и представителей почти всех церквей, начиная от иерархов и кончая скромными сельскими священниками. Есть среди делегатов и представители средних классов, и представители деловых слоев, которых военная истерия, распространяемая из-за океана, не лишила здравого смысла.

Съезд с одинаковым и дружелюбным вниманием слушал доклад итальянского социалиста Ненни и речь советского писателя Фадеева, выступление католического священника Гердьеро и стихи 75-летнего индийского поэта Валлатола, и выступление молодого английского консерватора Вударда, который под аплодисменты делегатов поведал историю своего изгнания из клуба консерваторов за свое честное стремление к миру.

Самые широкие общественные слои во всех странах охватило движение борцов за мир. И только матерые поджигатели войны и их наемные писаки из кожи лезут вон, отрицая его могучий, всемирно-человеческий размах. Каины из империалистических монополий всеми силами стремятся стравить народы, посеять между ними рознь и ненависть. Но в народных массах идет неудержимый процесс собирания живых сил стран и наций, сил, которым ненавистны подлые замыслы поджигателей войны. Эти силы неудержимо растут, окрыленные верой в будущее человечества, убежденные в возможности сосуществования и соревнования различных общественных систем, в возможности разрешения всех международных споров без помощи оружия...

Таковы первые, еще не оформившиеся впечатления, которые сложились в сердце в первые дни работ конгресса. Над всем господствует радостное чувство укрепления воли народов к борьбе за мир, сплочения и расширения самой армии борцов за мир. В человечестве уже созрели такие силы, которые могут стать крепким барьером на пути поджигателей войны и их преступных замыслов.

У входа в зал заседаний конгресса на высоких треножниках пылают светильники мира. Пламя этих светильников рассекает мрак осенней ночи в минуты, когда мы вечером выходим из зала заседаний.

Так и конгресс, происходящий в Варшаве, ярким пламенем своего энтузиазма и решимости, своей верности делу мира и дружбы между народами, как мощный, неугасимый светильник, рассекает мрак, которым хотят окутать земной шар поджигатели войны!

Встреча на одной из железнодорожных станций Чехословакии советских делегатов, направляющихся в Варшаву, на Второй Всемирный конгресс сторонников мира.

Фото В. Егорова и В. Соболева (ТАСС)

Воля к миру

Борис ПОЛЕВОЙ

Мы летели из Москвы в Англию, не зная еще о подлом намерении английского правительства сорвать в последнюю минуту Второй Всемирный конгресс сторонников мира. Поднявшись с Пражского аэродрома, самолет взял курс на северо-запад, и мы думали о том, как в городе Шеффилде, граждане которого сковали меч в подарок героическим защитникам Сталинграда, зазвучат слова мира и дружбы между народами.

Но вот самолет совершил свое первое приземление во Франкфурте-на-Майне. В этом древнем немецком городе, который американские наследники Гитлера превратили сейчас в центр сколачивания остатков разбитых фашистских банд для новой агрессивной войны, мы сразу почувствовали, что идеи мира расцениваются здесь как преступление, а самое движение сторонников мира гонимо и ненавистно.

Американские власти на аэродроме сразу же постарались изолировать советских делегатов. Нас проводили в какой-то загончик, отгороженный от общего зала стеклянной стеной, и весьма открыто позаботились о том, чтобы никто не мог к нам подойти. Но уже тут мы могли наглядно убедиться, что и под игом американских оккупантов движение сторонников мира растет, крепнет и множится в народе Западной Германии.

Двое немецких рабочих пришли чинить батарею парового отопления в загончике, где нас блокировали. Они, казалось, были целиком поглощены своей работой и не обращали на нас ни малейшего внимания. Но вот нас позвали к самолету. Оба рабочих вдруг положили свои инструменты, тоже пошли к дверям, и, когда выходившие стиснули нас, один из рабочих торопливо сказал на ломаном русском языке: «Привет от немцев русским людям. Вечно жить Сталину!»

Я почувствовал, что мне что-то вложили в руку. Когда самолет оторвался от земли, я рассмотрел неожиданный подарок. Это был значок мира, все тот же пикассовский голубь, который стал теперь так широко известен на всем земном шаре...

И потом, в Англии, правительство которой позорно изобличило себя, показав свой страх перед идеей мира и свою приверженность к войне, мы на многих и многих примерах могли убедиться, что, вопреки гонениям и преследованиям, несмотря на террор и провокации, движение сторонников мира неудержимо растет среди англичан. Люди разных профессий, разных вероисповеданий, различного общественного положения участвуют в этом великом и благородном движении.

В празднично украшенной шеффилдской ратуше, отлично подготовленной к конгрессу, состоялся митинг. Свободолюбивые йоркширцы, гордость и честь которых столь беззастенчиво попраны действиями лейбористского правительства, прекрасно продемонстрировали на этом собрании свою верность делу мира. Разные люди говорили с трибуны. Говорил священник, выступала престарелая леди, которая не только напоминала о юношах, погибших в дни мировой войны, но и боролась за жизнь своих внуков и правнуков. Говорили рабочие-металлисты, неуверенно державшиеся на трибуне, и ораторы, умудренные многолетним опытом. Говорили гости — американцы, русские, болгары, и весь огромный зал, битком набитый людьми, заполнившими все проходы, горячо и радостно аплодировал призывам к миру и столь же шумно и бурно выражал свою ненависть к поджигателям войны.

— Усилиями свободолюбивых народов выиграна битва с фашизмом, теперь общими усилиями народов мы должны выиграть и выиграем битву за мир, — сказал, выражая общее мнение собравшихся, профессор Кроутер, президент Британского комитета сторонников мира.

Позорные полицейские меры британских правящих кругов, пытавшихся сорвать Второй Всемирный конгресс сторонников мира, вызвали бурное противодействие простых людей Англии. Движение сторонников мира крепнет в стране, ряды его становятся сплоченнее и шире.

Вся весьма многочисленная английская делегация, прибывшая на конгресс в Шеффилд, заявила о своем желании выехать на конгресс в Варшаву. Это было смелое решение, так как многих из рабочих ожидало увольнение, а представителей интеллигенции — гонения и преследования реакционных властей. И все же англичане выехали на конгресс.

Мы летели из Лондона на одном из последних делегатских самолетов. Летчик-чех шутя сказал нам, что он уже вторые сутки не отрывается от штурвала и что между Лондоном и Варшавой образовался воздушный мост. Это — очень меткое и верное слово. Подлые маневры англо-американской реакции, пытавшейся сорвать Конгресс сторонников мира, только укрепили волю народов к миру. Эта воля ломает границы и барьеры, воздвигаемые поджигателями войны. Прибыв в Варшаву, мы убедились в этом воочию.

Великая ассамблея мира работает, и голос ее звучит громко и авторитетно, и голосу этому жадно внимают сотни миллионов честных людей во всех уголках земли.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира в Варшаве, его работа и решения ознаменуют собой провал империалистических агрессоров и их лейбористских и иных лакеев. Конгресс в Варшаве — это новый взлет могучего движения народов за мир.

В президиуме конгресса. Слева направо: Анежка Годинова-Спурна, Луи Сайян и Эжени Коттон.

Члены советской делегации на конгрессе. Справа налево: мастер московского завода «Калибр» Н. А. Российский, мастер Краснохолмского камвольного комбината А. С. Чутких и народная артистка СССР Л. П. Александровская.

Трудовой день Второго Всемирного конгресса сторонников мира.

В ДНИ ВАРШАВСКОГО КОНГРЕССА

В эти знаменательные дни в «Доме польского слова» звучали речи посланцев мира из всех уголков земного шара. В братском сотрудничестве здесь работали 1756 делегатов, представляющих 81 страну. Делегаты говорили от имени народов далекой Канады и Эквадора, Западной Африки и Индии, Болгарии и Англии, Венгрии и Италии, героической Кореи, освобожденного Китая, великого Советского Союза.

Они говорили на разных языках, но думы их были едины, их помыслы были устремлены к одной общей цели — предотвратить войну, добиться прочного и длительного мира для народов.

В эти дни делегаты хорошо узнали друг друга, в сердечных беседах они почерпнули новую уверенность в правоте священного дела борьбы за мир.

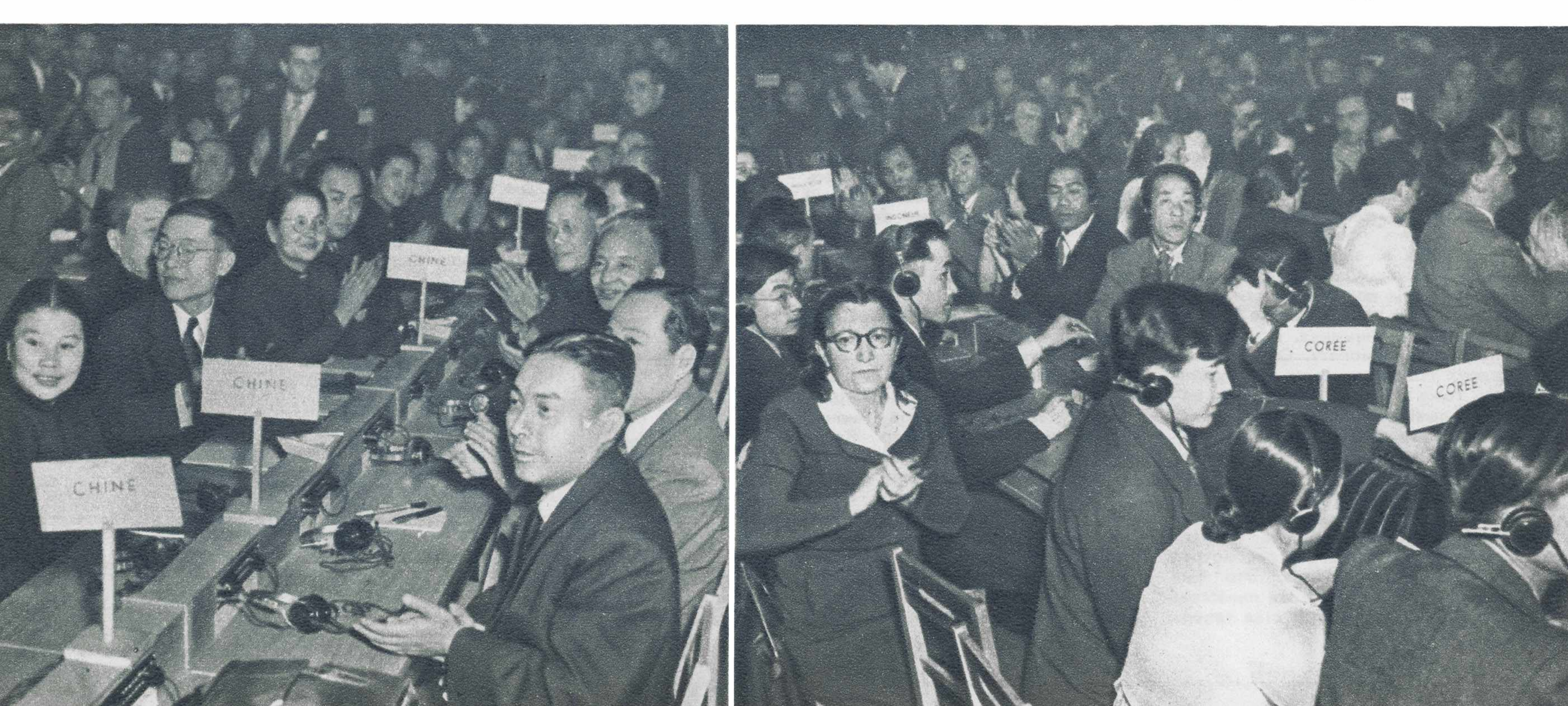
Чувство боевой братской солидарности с изумительной силой проявилось в той встрече, которая была оказана Конгрессом представительнице мужественного корейского народа — Пак Ден Ай. В бурном, единодушном порыве делегаты разных национальностей, цвета кожи, политических взглядов и верований, приветствовали героический корейский народ, борьба которого стала знаменем освободительного движения для угнетенных народов.

Могучим призывным набатом на весь земной шар прозвучал голос Варшавского конгресса, голос прогрессивного человечества, которое полно решимости сорвать черные замыслы поджигателей войны.

Работа и решения Конгресса отразили волю и чаяния всей неисчислимой армии сторонников мира.

Делегаты освобожденного Китая на конгрессе.

Представители героического корейского народа.

В перерыве между заседаниями делегаты осматривают стенды выставки, посвященной движению сторонников мира.

Члены советской делегации — писатели Константин Симонов и Илья Эренбург.

Фото Вл. Славны.

Делегация польских женщин преподнесла президиуму яркие платки.

Борьба за мир братски объединяет людей всех рас и наций.

На всех языках печатаются книги призывающие к борьбе за мир. Делегаты конгресса у книжного киоска.

СОВЕТСКАЯ АРМЕНИЯ

С. К. КАРАПЕТЯН,
председатель Совета Министров Армянской ССР

В дни юбилея обычно вспоминают всю историю народа, его тернистый путь борьбы за свое счастье.

Мы отступим от этой традиции, ибо армянский народ с помощью русских братьев за 30 лет советской власти создал свою новую историю, которая по ее величию не может идти ни в какое сравнение с прошлым Армении. Эти тридцать лет дали армянскому народу гораздо больше, чем вся известная до того история Армении. Осуществилась многовековая мечта народа. Большевистская партия и советская власть открыли перед ним широкие пути к экономическому, политическому и культурному подъему. Некогда нищая, голодная страна превратилась в цветущую, мощную социалистическую республику с хорошо развитой промышленностью, с передовым сельским хозяйством, с высокой культурой и богатым искусством, национальным по форме и социалистическим по содержанию.

Свободный армянский народ вдохновенно трудится на полях, на виноградниках, на строительстве Севанского каскада, на фабриках, заводах, рудниках.

«Армения, измученная и многострадальная, отданная милостью Антанты и дашнаков на голод, разорение и беженство, — эта обманутая всеми «друзьями» Армения ныне обрела свое избавление в том, что объявила себя советской страной», — писал товарищ Сталин, приветствуя установление советской власти в Армении.

С тех пор прошло 30 лет.

За это время армянский народ создал в долине Арарата, в горах Зангезура, на берегах озера Севан, в Алаверди, Ленинакане крупные промышленные предприятия, оснащенные первоклассной техникой. По всей республике протянулись линии высоковольтных электропередач. Введены в эксплуатацию сотни фабрик, заводов, мастерских, появились новые отрасли индустрии — металлообрабатывающая, энергетическая, химическая и другие.

Великие вожди советского народа Ленин и Сталин поставили перед коммунистами и всеми трудящимися Армении задачу широко использовать гидроэнергетические ресурсы республики. Большевики Армении с воодушевлением осуществляют эти указания. Уже сейчас создана прочная энергетическая база для промышленности и сельского хозяйства, но работа в этом направлении продолжается.

Послевоенный пятилетний план развития народного хозяйства республики выполнен досрочно. Валовая продукция всей промышленности Армении увеличилась в два с лишним раза по сравнению с 1940 годом. Особенно успешно развивались за это время цветная металлургия и металлообрабатывающая промышленность.

За годы послевоенной сталинской пятилетки в Армянской ССР построено более 50 новых промышленных предприятий, расширено и реконструировано 27. Среди новых заводов электромашиностроительный, компрессорный, электроламповый, моторемонтный, кабельный, часовой и гидротурбин, камвольный комбинат, предприятия пищевой, текстильной и мясо-молочной промышленности.

В 1921 году Ленин писал кавказским большевикам:

«Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

В первые же годы существования советской Армении началось строительство оросительных каналов. Были проложены каналы имени Ленина, имени Сталина, имени Микояна, Сардарабадский, Лорийский, Адиамский, Горнинский, Нижне-Зангинский и другие. В результате всех этих мероприятий орошаемая площадь в республике удвоилась.

Колхозный строй преобразил сельское хозяйство Армении. На ее полях появились тысячи тракторов, комбайнов, молотилок и других машин. Значительно поднялась доходность сельского хозяйства. Широко развиты виноградарство, плодоводство. Армения богата ценными техническими культурами: хлопком, табаком, сахарной свеклой, эфироносами. Недавно руководители армянской республики докладывали товарищу Сталину о досрочной сдаче государству хлопка-сырца.

Однако существующая система орошения не вполне отвечает современному уровню развития сельского хозяйства. Густая сеть постоянных внутрихозяйственных каналов разделяет орошаемые земли на мелкие, обособленные поливные участки и тем самым препятствует механизации работ. Поставлена задача замены постоянных оросительных каналов временными. Республика осуществит переход на новую систему орошения в течение 1950—1952 годов на площади 150 тысяч гектаров, из них в нынешнем году — на 20 тысячах гектаров.

Сельское хозяйство Армении идет в ногу с промышленностью республики и сейчас переживает новый подъем. Валовой сбор зерна значительно выше, чем в 1940 году, сбор хлопка-сырца, табака, сахарной свеклы и картофеля также заметно возрос. В этом году в республике получен наибольший за последние десять лет урожай хлебов.

Рациональное использование богатых альпийских пастбищ и создание прочной кормовой базы способствовали развитию животноводства. Поголовье общественного скота заметно увеличилось. Поголовье продуктивного скота намного превышено по сравнению с 1940 годом.

Перед республикой стоит задача развить свое зерновое хозяйство. Мы должны удвоить его урожайность и в ближайшие 5—6 лет обеспечить республику хлебом собственного производства. Уже в этом году значительно увеличивается площадь посева зерновых культур, в частности пшеницы.

Немалых успехов добилась республика также и в области просвещения, здравоохранения, науки, искусства, литературы. Отсталая при царизме и дашнаках, Армения стала в годы советской власти страной сплошной грамотности. В нашей республике существуют ныне тысячи учебных заведений — школ, техникумов, вузов.

В столице республики Ереване 13 высших учебных заведений, 48 техникумов. Невиданный размах получила научная работа. Академия наук Армянской ССР, созданная в годы войны, руководит деятельностью 50 научно-исследовательских учреждений.

Ученые Армении неустанно трудятся над разрешением актуальных теоретических и народнохозяйственных проблем и добились определенных успехов. Они не жалеют сил и энергии, чтобы внести свой вклад в общее дело советской науки, которая выполняет задачу, поставленную товарищем Сталиным, — догнать и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Культура глубоко проникла в армянскую деревню. Широко разветвлена сеть сельских клубов, библиотек, читален, домов культуры, кинотеатров и других просветительных учреждений.

Во всех районных центрах есть кинотеатры и радиоузлы, большинство районов имеет и драматические театры. Созданы все условия для медицинского обслуживания и охраны здоровья трудящихся.

Бережное собирание всего ценного из богатого культурного наследия армянского народа послужило прочной основой для сегодняшнего бурного расцвета культуры советской Армении.

Быстро и многообразно развивается искусство советской Армении. Благоприятные условия для развития народных дарований принесли свои результаты. Многочисленные творческие и исполнительские кадры подняли на новую ступень искусство армянского народа. Музыкальные и драматические театры Армении своими постановками выдвинулись в число передовых театров Советского Союза. Армянские драматурги создали за последние годы ряд значительных произведений.

Следует отметить, что большинство этих произведений говорит о современной жизни нашего народа. Таковы, например, новая опера А. Степаняна «Героиня» по поэме Наири Зарьяна «Арменуи»; пьеса Г. Боряна и Т. Капланяна «Чудесный край» — о жизни молодых геологов; пьеса М. Чеманова «Наши дорогие гости» — о социалистическом соревновании; пьеса М. Овчинникова «Широкий горизонт» — о передовиках животноводства.

Успехи, достигнутые советской Арменией в области народного хозяйства, культуры, науки, в области укрепления национального государства, — яркий пример, подтверждающий мудрость ленинско-сталинской национальной политики, торжество советской системы.

Преданность нашей Родине, советской власти и большевистской партии армянский народ с особой силой проявил в суровые дни Великой Отечественной войны. Как один человек, стал он на защиту социалистического Отечества. Более 42 тысяч воинов-армян было награждено боевыми орденами и медалями СССР, около 100 удостоились высокого звания Героя Советского Союза. В рядах Советской Армии сражалось свыше 50 генералов-армян.

Велики успехи армянского народа, но он не останавливается на достигнутом. Трудящиеся Армении полны решимости множить свои успехи, добиться, вместе со всеми братскими народами, нового подъема могущества Советского Союза — надежного оплота мира во всем мире.

Все взрослое население Армении единодушно подписалось под Стокгольмским Воззванием. Люди Армении тем самым еще раз показали свою верность миролюбивой политике советского правительства, свою сыновью преданность великому знаменосцу мира Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Граждане Армении готовятся к знаменательному дню — 24 декабря 1950 года — дню выборов в местные Советы своей республики. Они готовятся к этому дню, как к величайшему празднику подлинной народной демократии, являющейся драгоценным даром социалистического строя и мудрой ленинско-сталинской национальной политики.

Армянский народ прошел славный путь возрождения, приведший к расцвету его национальной культуры и государственности. В могучей семье советских народов армяне обрели свободу, мирную, радостную жизнь и уверенно идут к светлому коммунистическому будущему.

В дни тридцатилетия своей республики армянский народ первое слово безграничной признательности и благодарности обращает к своему великому освободителю, любимому вождю товарищу Сталину.

Встречи и впечатления

Мариэтта ШАГИНЯН

Журналист терпеливо сидит с карандашом и блокнотом перед молодой и красивой женщиной. Он допытывается у нее ответа на такой, казалось бы, простой вопрос: за какие заслуги мерцает у нее на груди красный флажок депутата Верховного Совета республики?

И долго, долго длится молчание, прерываемое ответами, явно не удовлетворяющими журналиста. Он знает, что перед ним крупный химик родной страны. У доктора химических наук Аракси Томасовны Бабаян 17 научных работ. Она сумела, применив методы академика Фаворского, разработать простой способ получения одного интересного класса органических соединений, исходного для целого ряда других полезных веществ, и этот простой способ получил в нашей отечественной химии название «метод Фаворского — Бабаян». Все это так, и это — большая заслуга перед Родиной. Но химиков, и очень талантливых, крупных химиков, сделавших ценные новые открытия, в Армении немало: ведь Армения — это страна развитой химической промышленности. Однако не все они депутаты верховного органа. И опять настойчиво допытывается журналист у Аракси Томасовны, нет ли еще чего-то, какой-нибудь страницы биографии, небольшого с вида факта.

Наконец, вскинув на слушателя красивые спокойные глаза, молодой химик-ученый находит в памяти эту страницу, в которой сама она не видит, впрочем, «ничего особенного»...

Разверните осенние номера армянских газет за нынешний год и поищите в них сведения о приеме в вузы. Огромное количество заявлений. В один только Ереванский университет подано их 1130. Но даже и осенью 1950 года львиная доля этих заявлений падала на исторический факультет. А пять лет назад те, кто шел на химический, исчислялись единицами. Профессору химии Аракси Бабаян это не могло быть безразлично. Химическая промышленность развивалась в Армении бурно, ей нужны были кадры, а в аудитории так мало студентов! Десятки причин подсказывали объяснение: история увлекала ребят еще со школьной скамьи — увлекала и с помощью армянских исторических романов и наличием древних архитектурных памятников, музеев, знаменитым «Матенадараном» — собранием летописей, постановками в театрах. Но одно, главное объяснение вытесняло все прочие: не умеют **так** преподавать химию, чтоб она зажгла, увлекла, потянула заниматься ею все глубже, все дальше; не умеют раскрыть перед школьниками эту интереснейшую из наук!.. Для Бабаян она была интереснейшей; Бабаян видела в ней все, чем можно было зажечь и увлечь.

И вот она пошла к директору той школы, где училась ее дочь, с необычной просьбой: нельзя ли ей бесплатно руководить кружком для желающих более глубоко познакомиться с химией? Директор ответил: нельзя. Не было такого случая. Нет таких правил. Не получено указаний.

Аракси Бабаян не отступила. Школа отказывает — есть еще Дворец пионеров. В Ереване, как и всюду у нас в Союзе, замечательный Дворец пионеров, ему, как это принято у нас, отведен прекрасный особняк; и в нем — это также общая для нашей Родины черта — легко и охотно подхватывается всякая умная инициатива по части самодеятельности; ведь сами ребята влияют в этом отношении на руководителей. И ереванский Дворец пионеров гостеприимно отозвался на предложение Аракси Бабаян.

Обратились в школы с просьбой выделить лучших, наиболее интересующихся химией учеников, отвели отдельный уголок, создали свое лабораторное оборудование, назначили часы — три раза в неделю. Так начались занятия Аракси Бабаян по химии с двумя десятками ребят. Не месяц, не два и даже не год длилось глубокое и серьезное увлечение молодого ученого своей добровольной нагрузкой. Она работала так три года, с 1945 по 1947. Она не порывает связи с Дворцом пионеров и в последующие годы и сейчас. В результате почти все из ее учеников стали студентами химического факультета, одна ученица — у нее в лаборатории и уже подготовила кандидатскую работу.

Глаза у Бабаян зажигаются, когда она вспоминает свою любимицу, способную молодую химичку, которой нет еще и 21 года:

— Это талант! Очень одаренная. Большая будет польза родине от нее. Уже сейчас она ведет нужную, интересную работу...

Маленький как будто факт — вести кружок во Дворце пионеров. Но для него нужно много: нужно государственно взглянуть на связь своей науки с промышленностью; нужно захотеть помочь Родине, захотеть, не дожидаясь ее особого зова; нужно страстно любить свое дело, чтоб передать эту любовь ребятам; нужны стойкость, терпение, постоянство в проведении задуманного в жизнь — из месяца в месяц, из года в год. И все это добровольно, от себя, вот именно — «без установленных правил», «без данного свыше указания».

В маленьком факте видны большое начало, зеленый росточек коммунизма, отраднейшее явление новизны, той новизны, которая открывает для нас двери в завтрашний день.

Я привела для читателя этот рассказ об Аракси Бабаян, чтоб яснее показать, какие новые люди выросли в молодой советской республике Армении за истекшие 30 лет. Новизна этих людей, подчас и незаметная для них самих, проявляется не в чем-нибудь одном для всех, а у каждого по-своему, в самых разных делах и поступках, и надо много привести случаев, о многом рассказать, чтоб подойти наконец для самого себя к какому-то обобщению, провести под этими делами итоговую черту.

Возьмем, например, большой показатель выросшей культуры республики — данные Министерства здравоохранения и Министерства просвещения. Обычно их называют вам уже в виде результатов или в виде растущей колонки цифр. В 1950 году около

При царизме и во времена господства дашнаков Армения была отсталой страной. В Эривани насчитывалось всего несколько учебных заведений, а в армянском селе школа была редкостью. Неграмотная, темная деревня не имела представления о культуре.

Советская Армения — страна сплошной грамотности. В Ереване существуют школы, институты, Академия наук. Сейчас трудно найти село, в котором не обучались бы все дети, где не было бы библиотеки, клуба.

Совсем недавно в армянской деревне были лишь начальные школы. XIV съезд коммунистической партии (большевиков) Армении решил ввести обязательное семилетнее обучение на селе.

В нынешнем учебном году в районах республики открылось более 50 семилетних школ, а также восьмые, девятые и десятые классы в некоторых неполных средних школах.

Учебный год начался в Армении организованно. Все школы были подготовлены к зиме, обеспечены учебниками и пособиями.

Тысячи людей, гордясь своим благородным трудом, воспитывают счастливое молодое поколение будущих строителей коммунизма.

На снимке: школьницы ереванской школы имени Н. К. Крупской.

45 процентов всего бюджета в Армении предназначено на просвещение. Почти половина всех расходов целой республики! Ясное дело, как должно двинуться вперед образование,— ведь сейчас в Армении обязательно не только всеобщее начальное обучение, но и 7-летнее для сёл и 10-летнее для городов! Если представить себе, на что будут потрачены ассигнуемые деньги, то в воображении сейчас же встанут светлые здания, вновь построенные или ремонтируемые, встанет рост числа школ, числа учебников, лабораторий, вспомогательных пособий, школьной мебели, спортивного инвентаря и т. д.

Ну, а теперь зададим себе вопрос: что происходит в школьном деле Армении **вне** бюджета, как говорится, «бесплатно», без особых ассигнований, в рамках обычного течения жизни? И тут встаёт прежде всего тот новый факт, который в последние годы становится все заметнее, а раньше был почти невидим, не бросался в глаза. Факт этот — культурный рост самого учителя, армянского учителя городских и сельских школ. Группа кировоканских учителей использовала свой летний отдых на познавательные экскурсии по родной республике, на познавательные поездки в образцовые школы Ленинграда и Москвы, 160 аштаракских районных учителей получают заочно высшее образование, а 11 сельских учителей уже окончили заочно Ереванский пединститут. И это уже не единицы, не исключения. Людей тянет учиться, образовывать себя, расти дальше, а государство дает им эту возможность.

Но культурный рост учителей резко повышает и культурный рост учащихся. В итоге — повышение знаний учителей, к которому сами они с пробудившейся любознательностью тянутся, отдавая ему законные часы своего отдыха, законный летний отпуск, идет на пользу общего подъема культуры в республике, на улучшение преподавания, на возросшую содержательность и интересность урока, на пробуждение интереса к знанию в учениках. Могучим условием движения к будущему становятся такие личные усилия советских людей, которые не предусмотрены бюджетом или предусмотрены только отчасти.

Заглянем и в цифры Министерства здравоохранения. Вот любопытная страничка. Армения, несмотря на свой здоровый горный климат, всегда сильно страдала от малярии. Болезнь эта заносилась в нее с личинками комаров из Ирана, приживалась на стоячих болотцах, на рисовых полях, затопляемых водой. Но по сравнению с тем, что было до революции, малярия в Армении сейчас сократилась в 40 раз, а по сравнению с прошлым годом — в 3 раза. Откуда же получилось число три, как его расшифровать? Разумеется, тут играют роль общие меры, огромные гидромелиоративные работы, которые ведутся в Армении из года в год и особенно усилились в нынешнем году, вместе с могучим движением за преобразование природы, охватившим весь наш Союз. Немала роль и самого Министерства здравоохранения, применившего ряд лечебно-профилактических мер. Из них, как известно, большое место в бюджете занимают специальные малярийные научные учреждения, диспансеры, заливка болот нефтью, хинизация населения и т. д. Но спросим опять, нет ли тут чего-нибудь **вне бюджета**, чего-нибудь **добровольного** или хотя бы требующего самой небольшой затраты средств? Да, есть.

Вот эчмиадзинское село Зейва. Болото возле него всегда было рассадником малярийных комаров. Но в этом году малярия в Зейва исчезла. Жители, привыкшие, чтоб их «трепало», видят — нет и нет лихорадки, ничто их не «треплет», не клонится голова ко сну. Да и в жилье нет досадного комариного ззу-ззу, тоненько звеневшего день-деньской в прошлые годы. Чем же спаслось село от малярии? Осушением болота? Ничуть. Болото стоит, как раньше стояло. И личинки злостного комара водятся в нем попрежнему. Но жилье крестьян свободно от комара, в него он не залетает. Оградил деревню Зейва от комара раствор ДУСТ-ДДТ: им были опрыснуты наружные и внутренние стены жилья, и комар, а с ним москиты и другие вредные насекомые бесследно исчезли. Этим раствором обрабатываются сейчас с блестящими результатами многие села и города Армении.

Но я хотела рассказать читателю о новых общественных чертах, которые проявляются в области охраны здоровья народа. Эти общественные черты можно увидеть в борьбе с детской дизентерией. Два года назад среди школьников и пионеров было поднято массовое движение по сбору и уничтожению сонных зимних мух. Охота на мух велась со всею детской «приключенческой» страстью. И те, кто просыпается сейчас в жаркий летний день, не чувствуют досадного ползания мух по лицу, этой пытки, начинавшейся с первых слабых проблесков рассвета. Мух в комнате нет. И те, кто идет на базар с корзинкой, спокойно подходят к виноградному ряду, — золотистые гроздья лежат чистые, сухие, они не шевелятся от несметного полчища мух, как это было еще совсем недавно. Уничтожены мухи — и будут уничтожены навеки, как энергично обещает министр здравоохранения.

Массовое движение школьников не совсем бескорыстно: ребята знают, что получат в подарок тетрадки, карандаши, школьные пособия. Но они и другое знают: счастье большого общественного дела, прелесть настоящей, полезной борьбы, в которой они, ребята, освобождают свою республику от одного из ее бичей.

Тридцать лет назад над Арменией высоко взвилось светлое знамя Советов. Это была измученная, разоренная дашнаками, залитая кровью, опустошенная страна. Предатели и изменники, именовавшие себя партией дашнакцутюн, продавали армянский народ Англии, Америке, любой зарубежной державе, лишь бы самим удержаться у власти. И, отступая, они жестоко мстили восставшему народу, жгли и обращали в пепел жалкие крестьянские жилища.

Сейчас на месте прежних убогих жилищ чистые каменные дома деревень, где живут зажиточные, культурные колхозники. Сколько Героев и Героинь среди них — с золотыми звездочками, поблескивающими на груди! Армянские города, выросшие числом, неузнаваемы даже для тех, кто побывал в республике 10 лет назад. Свой рабочий класс вырастили крупные промышленные предприятия республики, и на этих предприятиях есть немало рабочих, выполнивших план на 10 лет вперед, а Арам Мурадян, как он сам говорит, «живет уже в 1961-м году».

Свою новую, блестяще одаренную молодую интеллигенцию воспитал армянский советский народ. Когда-то (десятка два лет назад!) Нор-Баязетский район считался одним из самых отсталых, самых глухих в республике. А сейчас туда едут соседи послушать замечательное слово двух лекторов — Героев Социалистического Труда товарищей А. Григоряна и С. Карапетяна — о том, как они организуют труд в своих колхозах. Организация труда — самая ответственная, самая сложная наука. Уменье почувствовать свои кадры, знать, кто на каком месте хорош, и расставить людей так, чтобы каждый развернулся в полноту своей силы,— это редкое уменье стало достоянием рядовых работников, завоевано ими в повседневном труде, воспитано в них великой партией Ленина — Сталина.

Я начала эти заметки с женского образа, и мне хочется закончить другим женским образом.

Один крупный армянский писатель попросил разрешения изучить метод работы молодого секретаря ЦК КП(б) Армении. Несколько дней подряд он только сидел и смотрел, смотрел и слушал. Секретарь казался очень молодым, почти юным, но за плечами его был уже немалый жизненный опыт: школа, техникум, политехнический институт, диплом инженера-технолога; работа на стройке крупнейшего армянского завода; два года в Госплане. С самой ранней юности — комсомол, потом партия. И постепенное освоение, ступень за ступенью, трудных высот партийной работы. Сперва инструктор ЦК, потом — заведование отраслевым отделом, замещение заведующего промышленным отделом, в который слились все отраслевые, потом — секретарь райкома самого крупного, Сталинского района, охватывающего почти 60 процентов всей республиканской промышленности, и наконец с лета 1950 года — один из пяти секретарей ЦК. Этот секретарь — совсем молодая женщина Берсабэ Александровна Григорян.

Наблюдая методы ее работы, силясь разгадать секрет ее прямого жизненного пути, писатель увидел перед собой нового для него человека. Новизна была и в огромном, комплексном знании хозяйства, в широком экономическом охвате и увязывании отдельных вопросов, и в быстром улавливании всего полезного, и в уменье сразу выделить главное, и в открытом, очень душевном подходе к людям, сразу вызывающем ответную искренность и доверие.

Каждое из этих свойств в отдельности встречается не так уж редко, соединенные вместе, они нечасты. И главная, решающая сила, слившая эти свойства в одно,— это острое **чувство современности**, глубокое **знание своего поколения.** Молодой секретарь учился, работал, рос, преодолевал трудности — в школе, в вузе, на стройках, в комсомоле, в партии — плечом к плечу с молодежью республики двадцатых, тридцатых и сороковых годов, он шел с ними одним путем, знает их слабости и достоинства, мечты и надежды, как знаешь и чувствуешь родную среду, в которой ты дышишь. И он научился работать со своим поколением, нашел, как уже сказано, душевный «подход» к нему.

Эти черточки нового — близость к своему поколению, отдача себя, своего времени, своей энергии и способностей не «жертвенно», как делалось в далеком прошлом, а естественно и просто, как бы находя свое призвание в этом щедром выходе за рамки обычного труда,— эти черточки нового служат великим мостом для перехода из сегодняшнего дня в завтрашний, и они отличают новых людей — людей наступающего Коммунизма.

Весна в Армении

Геворк ЭМИН

Весна пришла желанная,
Как гостья долгожданная,
Знакомая
И новая,
Дарить сады обновами.

Повсюду птицы вольные
Летят домой, довольные,
Везде звучит их пение
Над солнечной
Арменией.

Не птицы, неба странники,
Твои сыны-изгнанники,
Забыв свои лишения,
Пришли к тебе, Армения.

Зима, шурша подолами,
Бежит в горах, над долами,
Везде ручьи весенние
Гремят в полях
Армении.

Севана волны
Синие,
От пены словно
В инее,
И даже камни черные
Цветут, как травы горные.

Все в зелени, нарядные,
Долины виноградные,
Везде весны цветение,
По всей земле
Армении.

В ее кудрях нет проседи,
В ее весне нет осени...
Зеленая,
Весенняя,
Цвети, моя Армения!

Перевела с армянского
М. ПАВЛОВА

Герои Социалистического Труда Ювараш Акопович Авчян и Нигуш Амаяковна Мелконян. Колхоз «III Интернационал», Октемберянского района, Армянской ССР.

Готовая продукция Ереванского электромашиностроительного завода.

Черты столицы

М. МЕРЖАНОВ

Если вам доведется когда-нибудь въезжать в Ереван по крутому спуску со стороны Канакерского плато, остановитесь у парка, где высится величественный монумент Победы, и взгляните на лежащий внизу большой и светлый город. Сквозь тонкую солнечную дымку вы увидите очертания красивых домов, площадей, садов, а за ними, словно нарисованный, двуглазый Арарат, окутанный плотной шалью снегов.

Особенно хорош этот новый город в дни, когда дыхание осени подрумянит широкие листья платанов и кленов и позолотит сады и скверы.

Вы медленно спускаетесь к Еревану, и яснее становятся его черты, рельефней выступают формы национальной архитектуры и цвет, определенный розовыми оттенками туфа, серым трахитом и базальтом. Нежные краски армянских камней, плавные арочные своды, узорчатая резьба орнаментов придают городу какую-то легкость и прозрачность.

Некогда по этой дороге спустился из родного села Канакер творец новой армянской литературы, автор нашумевшего романа «Раны Армении» Хачатур Абовян. Он полюбил маленькие, кривые улочки Эривани, плоскокрышие домики, пышные сады и постоянное видение Арарата. Однажды он даже забрался на его вершину. Нищая, голодная, изможденная нуждой страна лежала внизу. Рыжими пятнами расплывались сухие солончаки, высились голые склоны Арагаца. А пламенный сын страстно любил жизнь и мечтал о будущем.

У подножья Канакерского плато начинается широкая, усаженная деревьями улица. Она носит имя Хачатура Абовяна. Это самая тенистая, самая обжитая и уютная часть города.

Густые кроны деревьев здесь дружески заглядывают в открытые двери и окна, а по вечерам, когда резко дует ветер из ущелья, они шумят, волнуются и слозно кланяются Хачатуру Абовяну, застывшему в сером камне.

Эта улица, как, впрочем, и весь город, создана заново. Она пересекает центр столицы и несколько площадей. И куда бы вы отсюда ни посмотрели, первое, что бросается в глаза,— строительные леса. Это едва ли не самое характерное в Ереване. Вы видите стройки на площади Ленина, на новом, широком проспекте Сталина, на улицах Амиряна, Московской, Налбандяна, Гнуни. Отовсюду слышен характерный звук ударов по камню. Это каменотесы укладывают фигурные плиты, подправляют их форму и грани. Среди них есть подлинные мастера, художники. Их опытная рука чувствуется и в тонкой резьбе армянского орнамента на доме Совета Министров, и в тщательной отделке фасада Театра оперы и балета, и в оригинальных архитектурных деталях домов на проспекте Баграмяна.

Ереван строится главным образом из туфа. Туфы различных тонов преобразили облик города. Они отличаются прочностью и в то же время легко тешутся. Артикский туф можно пилить, как дерево, в него можно забивать гвозди.

Туф — это застывшая пена некогда горячих горных масс. Запасы его в республике неисчерпаемы. Он очень красив и богат оттенками.

Самый любимый — розовый артикский камень. Он добывается на склонах Арагаца. Мне приходилось бывать на этих разработках. Красно-розовой стеной подымаются они над городком Артик. Там же я видел маленькую церквушку из туфа, существующую тысячу триста лет.

Построенные из туфа жилые дома и общественные здания Еревана являются образцом современной армянской архитектуры. К ним прежде всего относятся творения покойного академика Александра Ивановича Таманяна — дом Совета Министров и Театр оперы и балета имени А. А. Спендиарова.

И если вы внимательно рассмотрите эти великолепные здания, похожие на дворцы, то заметите, как древненациональное зодчество умело сочетается в них с требованиями нового, социалистического города. Типичные арочные своды, сдвоенные колонны, карнизы хорошо ужились здесь с простотой и монументальностью русских классических форм. Эти черты современного армянского зодчества можно наблюдать и у последователей Таманяна. Они чувствуются в красивом здании ЦК КП(б) Армении, в новом доме треста «Арарат», в особняках на проспекте Баграмяна и даже в оградах города.

«Оград узор чугунный» вы видите у оперного театра, у скверов, парков, памятников. Их много, они украшают Ереван.

Архитектурные ансамбли города хорошо продуманы. Может быть, поэтому Ереван оставляет на редкость цельное впечатление. Столица молодой республики построена по плану, с учетом растущей социалистической промышленности, бытовых и культурных навыков горожан.

Тем не менее этот план испытания временем не выдерживает.

Жизнь властно перечеркивает проекты и

Аветик Исаакян — любимый поэт армянского народа. Многие его стихотворения стали песнями Популярная «Ивушка» была переведена Александром Блоком и положена на музыку С. В. Рахманиновым.

Аветик Исаакян — автор многих отличных поэтических и прозаических произведений.

Исаакян принимает деятельное участие в литературно- общественной жизни республики. Он председатель Союза советских писателей Армении, действительный член Академии наук Армянской ССР.

За стихотворения, написанные в дни Отечественной войны, Аветик Исаакян награжден Сталинской премией первой степени.

На снимке: Аветик Исаакян.

смелой рукой творца расширяет улицы, создает новые площади, великолепные парки, украшает город платанами, цветниками, разводит сады на широких дворах заводов.

Маленький губернский городишко, утопавший в грязи и пыли, известный лишь производством коньячных изделий да кутежами в губернаторском доме, вырос в большой красивый промышленный город — столицу социалистической республики.

Ереван ширится во все концы. Он поднимается вверх к Канакеру, тянется к Нор-Арабкиру, простирается к югу, где дымят трубы заводов, наконец, он двумя тоннелями выходит к скалистому базальтовому ущелью, в котором шумит голубая Занга.

И когда стоишь на берегу Занги и слушаешь всплески ее волн, то невольно вспоминаешь недавнюю историю земли, которая томилась под зноем, трескалась под солнцем и ждала влаги.

Вода — это счастье Армении. Вся ее народная поэзия проникнута чувством любви к воде. И если знаменитый греческий герой Антей силу свою черпал у матери-земли, то герои армянских легенд эту силу получали от волшебного горного ключа.

Ключ этот — озеро Севан. Его воды уходят по Занге. Направленные в канал, они торопятся к сухим полям, а пущенные на лопасти турбин, рождают энергию, которая приводит в движение станки и трансмиссии, дает свет городу и селам. Ажурные мачты высоковольтных передач бегут от Еревана красивой чередой в долину и горы. Теперь уже трудно представить армянский пейзаж без этих металлических конструкций. Они стали составной частью пейзажа, как тополь, раскидистый пшат или румяный персик.

Ереван — центр. Он шлет селу воду и свет, машины и книги.

На фабриках и заводах столицы работают люди, которые раньше не знали ни станков, ни других машин. Сейчас в городе есть квалифицированные рабочие, мастера, инженеры самых сложных специальностей. Они совершенствуют стахановские методы труда, поднимают культуру производства, чутко прислушиваются к голосам новаторов Москвы, Ленинграда, Горького...

Молодой закройщик ереванской обувной фабрики Степан Мнацаканян довел свой труд до высокого мастерства. И как только ему стал известен почин ленинградки Ольги Муштаковой, он тотчас же открыл лицевой счет экономии материалов, сберегая государству большое количество сырья.

Стахановец ереванского шинного завода Жора Карапетян, узнав о достижении ярославца Виктора Виноградова, одного из лучших в стране сборщиков автопокрышек, завязал с ним регулярную переписку.

Но этого было мало.

За ответами на волнующие и, казалось, неразрешимые вопросы производства Жора Карапетян поехал в Ярославль к своему новому, еще незнакомому ему лично другу. И там вместе с Виноградовым, стоя за одним станком, они нашли ответы на все волнующие вопросы.

Ереван ежедневно выпускает сложные станки для обработки металла, трансформаторы, автопокрышки, генераторы, турбины, компрессоры, стекло, алюминиевые изделия, точнейшие измерительные приборы. В городе производится тонкое сукно, готовое платье, обувь, консервы, вино, папиросы...

Если раньше Ереван перерабатывал лишь фрукты и виноград, то теперь на первый план вышли иные, энергоемкие производства.

Это стало возможным лишь после того, как город получил энергию. Вместе с керосиновой лампой ушла навсегда в прошлое примитивная промышленность.

Сейчас рабочие Еревана гордятся тем, что они помогают строительству грандиозных гидросооружений на Волге. Электромашиностроительный завод досрочно изготовил и отправил в Куйбышев трансформаторы разных мощностей. Это лишь первая партия. Впереди большая программа. В частности, заводу поручено создать новую конструкцию передвижных трансформаторных подстанций. Инженеры, техники, рабочие счастливы, что им оказано такое доверие. В конструкторских бюро, в лабораториях началась напряженная творческая работа.

Ереванский завод «Автодеталь» выполняет заказ для транспорта Куйбышевской и Сталинградской строек. Часть автомобильных деталей уже отправлена на Волгу. Рабочие гордятся этим. Все же это кажется им недостаточным. Они хотят, чтобы скорее зажглись огни электростанций, и шлют телеграмму:

«Ждем дополнительных заказов!»

* * *

Вечер спускается над городом. Последний красный блик солнца погас на белом куполе Арарата, но воздух еще полон розовых вечерних сумерек.

Из раскрытых окон слышатся песни, звуки рояля, скрипки. Ветер разносит мелодии. Это так типично для Еревана — города, любящего музыку!

Под сенью густых крон идут нарядные девушки. Они спешат в театр и тихо поют любимые арии из оперы «Ануш». И чем ближе вы подходите к театру, тем чаще доносятся до вас эти знакомые, мягкие мотивы творения Армена Тиграняна.

И вот они звучат со сцены. Их мелодическое богатство, задушевность, лирическая напевность, понятые и прочувствованные молодой солисткой Гоар Гаспарян, возвышают трагический образ армянской девушки.

Гоар Гаспарян несколько лет назад кончила Каирскую консерваторию. Училась и мечтала о далекой родной Армении.

Она не выступала на сценах Каира, но она вдохновенно поет на сцене ереванской оперы.

Кто-то хорошо заметил:

— Если вы слышали Гоар Гаспарян, значит, вы поняли: это поет ее душа, полная счастья.

А днем в Ереванской государственной консерватории и в музыкальных школах вы услышите будущих певиц, пианистов, скрипачей. Они учатся на классических образцах музыкальной культуры. Они любят Баха и Спендиарова, Чайковского и Тиграняна.

...В Публичной библиотеке имени Мясникяна, в ее больших, красивых, облицованных мрамором залах вы всегда найдете читателей: студентов, ученых, рабочих.

Два миллиона книг — таков фонд этой замечательной библиотеки. Но Ереван славится не только этим книгохранилищем.

Пятьсот лет хранились драгоценные старинные рукописи в религиозном центре армян — в Эчмиадзинском монастыре. Теперь собрание рукописей, именуемое «Матенадараном», перенесено в столицу Армении. Это редкий музей. В нем более десяти тысяч экспонатов. Среди них вы увидите рукописи на пожелтевшем пергаменте, которым более тысячи лет, увидите лазаревское евангелие, рукописи древних поэтов и философов и другие драгоценные реликвии древней культуры.

Трудно рассказать о всех примечательностях Еревана, но хочется упомянуть о богатой картинной галерее, где имеются портреты кисти Репина и Серова, пейзажи Шишкина и Левитана, незабываемые морские просторы Айвазовского, работы Венецианова, Васильева, Поленова.

Армянские художники представлены произведениями Мартироса Сарьяна, солнечные краски которого так хорошо передают яркость араратского пейзажа; картинами Зардаряна, Исабекяна, пейзажиста Башинджагяна...

Долго вы будете ходить по залам галереи, и каждая из картин привлечет своеобразием и высокой культурой художественного мастерства.

* * *

Главный архитектор города Марк Владимирович Григорян, человек, влюбленный в Ереван, в его дома и орнаменты, создавший проекты нескольких прекрасных зданий, работает над воплощением в жизнь новой планировки города. Направляющей идеей в его работе является сталинский план реконструкции Москвы.

Столица Армении должна вырасти больше чем в два раза. Появятся новые проспекты, площади, кольцевые магистрали. Зелень окутает городские кварталы, шеренгой встанет вдоль улиц, защитит от ветров. Парки и сады украсят рабочие районы города.

Комнаты в горсовете заставлены новыми проектами многоэтажных домов, планами кварталов. Нежные краски туфа проступают в акварельных набросках архитекторов.

Вы выходите на улицу. Огни. Фонтаны. У избирательного участка веселая, говорливая молодежь. Она любит свой город, знает, что в ближайшие годы он станет еще краше, еще просторнее. Это город веселых, жизнерадостных, трудолюбивых людей.

В их голосах, в их звонком смехе сама молодость советской Армении.

В СТРАНЕ ГОРНЫХ ОРЛОВ

Е. ЛЕОНТЬЕВА,
председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР

Когда пассажирский самолет Москва—Тирана пересекает границу Албании, внизу под крылом, всюду, куда хватает глаз, тянутся горы. Островерхие хребты, крутые склоны, золотящиеся в лучах осеннего солнца, и меж ними зелеными пятнами — долины. Куда бы ни поехали вы из Тираны, всюду дороги вьются по каменистым уступам, то взлетая на крутые перевалы, то стремительно сбегая вниз, в ущелья. Недаром албанцы зовут свою родину страной горных орлов. Орел украшает государственный герб Народной республики Албании, символизируя мужество и непреклонную волю свободолюбивых жителей гор.

Небольшой по численности албанский народ, населяющий западную окраину Балканского полуострова и побережье Адриатического моря, имеет славную историю. Еще в XV веке боролись албанцы против турецкого ига и под руководством легендарного народного героя Скандербега одерживали победы над войсками поработителей — султанов.

Ныне именем Скандербега названа центральная площадь Тираны. Большой монумент в начале улицы Баррикад изображает крестьянина-партизана, героя победоносной освободительной борьбы, которую вел албанский народ против оккупантов — итальянских и германских фашистов.

Теплым сентябрьским утром, на другой день после приезда в Тирану, мы, советские делегатки, проходя по улице Баррикад, любовались этой скульптурой. Нашу группу заметили прохожие. Не прошло и десяти минут, как вокруг нас образовалась большая толпа. Мужчины, юноши, женщины с детьми, тесным кольцом окружив нас, восторженно восклицали:

— Башкими Совьетик! Сталин! Энвер!

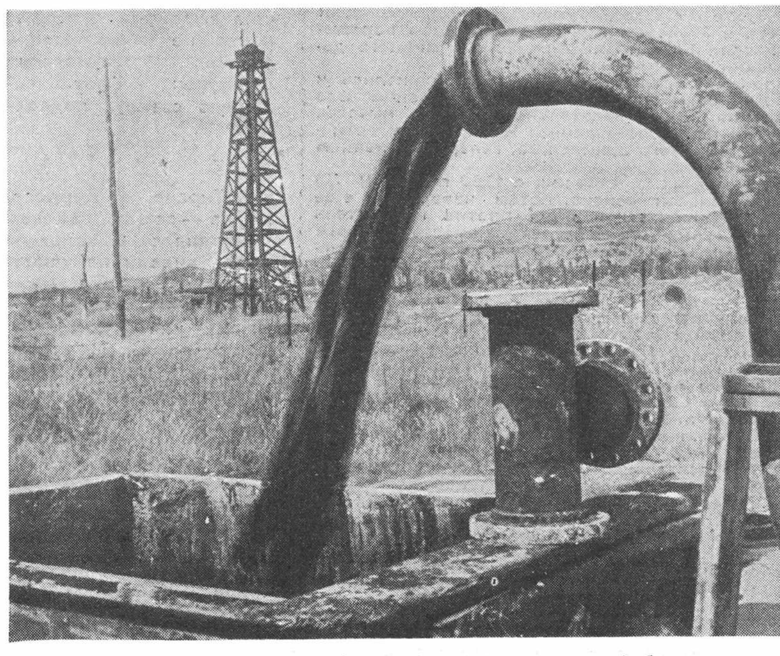
Незнакомые люди крепко пожимали нам руки, тепло улыбались, стараясь выразить чувства самой горячей, самой искренней симпатии к Советскому Союзу. Взволнованно и задушевно говорили тиранцы о том, как любят и чтут они великую страну социализма, как благодарны великому Сталину за отеческую заботу и помощь их родине.

Эта стихийно возникшая встреча на площади послужила для нас как бы прологом ко всему последующему знакомству с Албанией — молодой народной республикой, которая 29 ноября отмечает шестую годовщину освобождения своей территории от оккупантов.

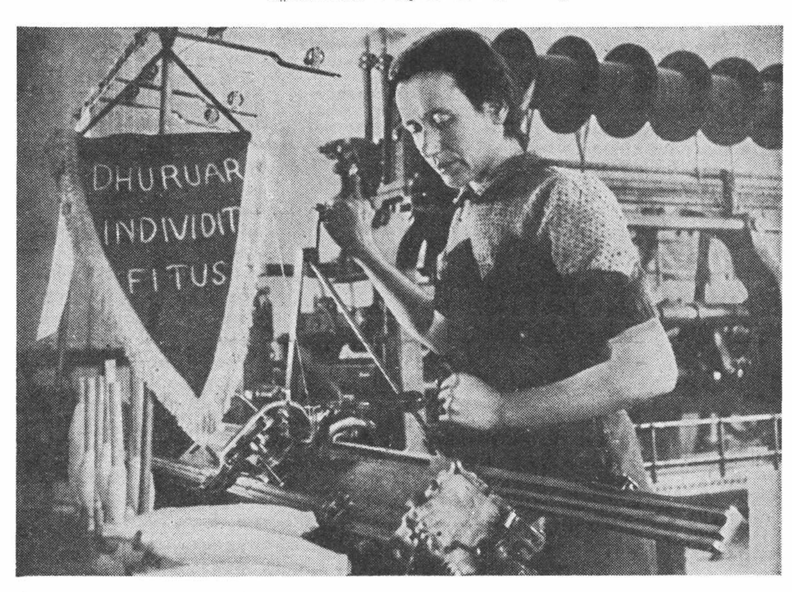
* * *

Наша делегация в составе доктора медицинских наук Н. А. Джавахишвили, Героя Социалистического Труда зоотехника Е. В. Алексеевой и меня, участвовавшая в работах конгресса Союза албанских женщин, посетила многие предприятия и стройки, земледельческие кооперативы, социально-культурные учреждения.

Всюду, где ни приходилось бывать нам, в глаза бросалась характерная черта сегодняшней Албании — трудовой энтузиазм, патриотическое воодушевление народа, отдающего все силы мирному строительству.

Разрушенная оккупантами нефтяная промышленность Албании восстановлена, с каждым годом увеличивается добыча нефти. На нефтяном промысле в Кучево. Идет нефть.

На предприятиях Албании широко развернулось трудовое соревнование, и слово «сульмунис» — ударник — стало одним из самых популярных слов в стране. Среди шахтеров медных рудников Рубик много ударников. Немало их в текстильной, в табачной и других отраслях промышленности.

Неподалеку от Тираны, на пустыре, весной прошлого года начали рыть котлованы, закладывать фундаменты. А теперь здесь высятся корпуса текстильного комбината имени И. В. Сталина. Это — крупнейшее в республике промышленное предприятие, стройка двухлетнего народнохозяйственного плана. После пуска начиная с 1951 года, комбинат будет вырабатывать 20 миллионов метров тканей в год. Соревнуясь за досрочное окончание строительства, рабочие к началу октября уже на 80 процентов выполнили двухлетний план.

По соседству с производственными корпусами строится жилой городок текстильщиков: двухэтажные каменные дома со всеми удобствами, школа, клуб. Строители комбината и городка — в недавнем прошлом рядовые крестьяне — показывают высокие темпы и отличное качество работы.

— Мобилизованы для мира и свободы. Потому и работаем больше и лучше, — сказал в беседе с нами Шакар Скендер, чья бригада изо дня в день вдвое перевыполняет задания.

«Учимся у советских стахановцев!», «Будем трудиться так, как трудятся наши товарищи в СССР!» — такими лозунгами пестрят стены цехов предприятий, леса строек. Нередко можно видеть у станков красные флажки. Это значит, что здесь работают ударники.

Создание собственной отечественной индустрии стало в Албании поистине всенародным делом. Тысячи людей самоотверженно трудятся на стройках двухлетнего народнохозяйственного плана. Близ Корчи, в осушенной от болот низине, сооружается крупный сахарный комбинат, неподалеку от Тираны — мощная гидроэлектростанция Селита, которая будет снабжать энергией всю промышленность столицы.

За шесть лет, прошедших со времени освобождения Албании от оккупантов, промышленность республики, ставшая общенародным достоянием, шагнула далеко вперед. Добыча нефти, например, возросла в 1949 году в сравнении с 1945 годом на 400,8 процента, добыча угля — на 557 процентов, производство текстильных изделий — на 732,4 процента, кожевенных и обувных изделий — на 1725,4 процента, цемента — на 522,2 процента и т. д. Ни по количеству выпускаемой продукции, ни по технике, ни по производительности труда довоенная промышленность Албании, принадлежавшая иностранному капиталу, не может идти в сравнение с современной промышленностью народной республики.

Народно-демократический строй изменил лицо албанской деревни. Прежде, когда страной пра-

вил вассал иностранного капитала Ахмет Зогу, лучшими землями владели помещики — беи и ага. Семи богатейшим помещичьим семьям принадлежало 14 554 гектара, 128 951 крестьянской семье — 237 661 гектар, а 21 544 бедняцкие семьи вовсе не имели земли. В результате аграрной реформы помещичье землевладение было ликвидировано. Было распределено 320 тысяч гектаров земли. Все крестьяне Албании имеют теперь свою землю.

Подобно тому, как передовые рабочие республики стараются овладевать методами советских стахановцев, албанское крестьянство начинает перенимать опыт нашего колхозного строительства, объединяясь в земледельческие кооперативы.

Между Тираной и морским портом Дуррес расположено село Маминос. На улице нас приветливо встречали крестьяне. Один из них отрекомендовался:

— Селим Коки, председатель земледельческого кооператива.

Вот уж три года, как по-новому хозяйство ведем, — рассказывал он. — Хорошо помогает нам государство: и тракторы присылает и агрономов. В умелых руках и земля богаче родит...

Урожай пшеницы на землях кооператива — 19,7 центнера с гектара, а на полях индивидуальных хозяйств по соседству — только 7 центнеров. Поголовье скота в кооперативе за три года увеличилось почти в полтора раза.

Деревенскую тишину нарушает резкий гудок паровоза. Мимо села прошел товарный поезд Дуррес — Тирана.

Эта железная дорога — первая из выстроенных в республике за годы народной власти.

В республике организованы первые десять МТС. Из среды крестьян, не знавших прежде иных орудий, кроме деревянной сохи, готовятся кадры трактористов. За один год земельная площадь, обрабатываемая тракторами, возросла в несколько раз.

— Хорошие, замечательные тракторы привозят к нам из Советской страны! — говорят крестьяне.

Албанский крестьянин все более и более убеждается в преимуществах коллективного ведения хозяйства. В селе Рембеце (район Корчи), например, из 53 крестьянских семей, еще ведущих единоличное хозяйство, 33 семьи уже подали заявление с просьбой принять их в кооператив.

Успехи сельского хозяйства находят свое яркое выражение в неуклонном расширении посевных площадей.

Выполняя двухлетний народнохозяйственный план, крестьяне-единоличники, земледельческие кооперативы и государственные хозяйства выращивают новые, ранее не известные в стране технические культуры: хлопок, сахарную свеклу, подсолнух.

* * *

В Тиране, в Дурресе, Корче — всюду, где нам приходилось бывать, мы везде видели на улицах детвору с книгами — школьников, идущих в школу или возвращающихся домой. В старой Албании общее количество учащихся в школах не превышало 10 тысяч человек, теперь их до 200 тысяч. Наряду с общеобразовательными начальными и средними школами открыты среднетехнические, медицинские училища. Четвертый год работает в Тиране Педагогический институт.

В красных уголках, которые созданы на каждом предприятии, мы видели газеты и журналы, музыкальные инструменты, небольшие сцены для художественной самодеятельности. В залах Национального музея собраны интересные произведения живописи и скульптуры, старинные реликвии, связанные с многовековой историей народа.

Сотни тысяч тружеников прежде, в старой Албании, обреченные на темноту и невежество, теперь приобщаются к культуре.

Народное правительство неустанно заботится об охране здоровья трудящихся. Открыты новые больницы, поликлиники. Выстроенная в прошлом году в Гьирокастре больница на тысячу коек, оборудованная по последнему слову медицинской науки, обслуживает сейчас всю южную Албанию. Широко развернутые лечебно-профилактические мероприятия привели к тому, что за годы народной власти в Албании втрое снизилась заболеваемость малярией.

О растущем благосостоянии народа свидетельствует проведенное минувшей весной снижение цен, благодаря которому покупательная способность населения возросла на 300 миллионов лек.

Народ Албании, завоевавший с помощью Советского Союза свободу и независимость, беспредельно предан своей партии труда, своему правительству, возглавляемому Энвером Ходжа. В последних выборах в Народное собрание участвовало 99,43 процента общего числа избирателей. 98,18 процента участвовавших в голосовании отдали свои голоса кандидатам Демократического фронта, который представляет все прогрессивные силы страны.

* * *

Двухнедельное пребывание в Албании было для нас, советских женщин, большим, волнующим событием.

Приятно и радостно видеть, как уверенно идет вперед по социалистическому пути свободолюбивый албанский народ. И в первых рядах этого неодолимого всенародного движения плечом к плечу с мужчинами шагают трудящиеся женщины. Еще недавно почти поголовно неграмотные, скрытые под чадрой, закрепощенные феодальными пережитками, женщины Албании теперь активно участвуют в индустриализации республики, в переустройстве сельского хозяйства, в культурном строительстве.

На трикотажной фабрике «Серп и молот», за исключением директора и нескольких техников, все работающие — женщины. Четыре женщины руководят цехами, 18 работниц овладели одновременно всеми специальностями трикотажного производства. Фабрика выполняет план в среднем на 120 процентов.

В артели по переработке шерсти в Корче, где три года назад было всего 7 женщин, сейчас их 290. Производительность труда работницы в среднем возросла почти в семь раз.

Женские бригады мы встречали и на механическом заводе имени Энвера Ходжа и на стройтельствах.

Начальник цеха спичечной фабрики в Тиране депутат городского совета Азбия Узнова в беседе с нами заметила:

— Борьба за мир у нас тесно связывается с перевыполнением планов. Наши рабочие это очень хорошо понимают. Коллектив нашей фабрики решил выполнить годовой план досрочно, ко дню национального праздника — 29 ноября.

* * *

На конгрессе, где мы присутствовали, было представлено 240 тысяч членов Союза албанских женщин. Ярко прозвучала на конгрессе речь Милии Велии — члена земледельческого кооператива имени народного героя Василия Шанто. Она сказала:

— Наши женщины все, как одна, заявили своим мужьям: идите на строительство, помогайте стране — мы выполним сами все работы по сельскому хозяйству.

Шестидесятилетняя Тоте Мекси, мать героя, погибшего в боях с оккупантами, активная общественница, сказала нам:

— Свобода Албании завоевана кровью наших сыновей. Мы должны беречь это завоевание, быть бдительными!

С трибуны конгресса и в частных беседах женщины Албании не раз высказывали нам заветные мысли и чаяния своего народа:

— Мы будем неуклонно бороться за мир, за счастье наших детей. В этой борьбе мы идем рука об руку с могучим Советским Союзом. Пусть живет мудрый Сталин столько, сколько живут горы!

Документы нерушимой дружбы

Издавна крепкая дружба связывает советский и албанский народы. Ее истоки в истории прошлых веков и, в частности, в истории войн XVIII века.

Недавно обнаружены интересные документы, рисующие славное боевое содружество народа Албании с великим русским народом. Документы эти ныне находятся в Центральном государственном архиве древних актов. Они относятся к русско-турецкой войне 1768—1774 годов, начатой Турцией по наущению французского правительства, стремившегося ослабить Россию путем развязывания войны на Балканах. Эта война в результате блестящих побед русского оружия на суше и на море — при Ларге и Кагуле, в Чесменской бухте (1770 год), Туртукае (1773), Козлуджи (1774 год) и успешных действий русского флота в Эгейском море — закончилась поражением Турции и заключением выгодного для России Кучук-Кайнарджийского мирного договора, облегчившего положение народов Молдавии, Валахии и Албании.

Вместе с русскими моряками против турок доблестно и мужественно сражались и отважные сыны албанского народа, восставшего против турецкого ига. В архивном деле № 2503 «О ходатайстве албанского войска майора Стата касательно Турции» имеется «объяснение» боевых действий албанских добровольцев, составленное начальником артиллерии русского флота, оперировавшего в районе Эгейского архипелага, генералом Иваном Ганнибалом, сыном знаменитого прадеда А. С. Пушкина:

«...майор Анагности Стата дед, бывший в тех местах (в Албании, в 1769 году. — *В. Д.*) главным начальником... вооружа сперва 10.000 человек войска, потом навербовав еще 700 человек, которых содержал собственным иждивением и имел против неприятеля (турок. — *В. Д.*) одиннадцать жестоких сражений. Внук же его майор Стата вместе со своим родным дядей и двумя братьями, подражая примеру деда своего, вербовали в разные времена, через все течение минувшей с Портой Оттоманской войны, собственным своим коштом немалое число людей и сражаясь с оными неоднократно, получали за одержанные ими победы золотые и серебряные медали».

Наряду с семьей Статы генерал Ганнибал отмечает славную боевую деятельность капитана Анастасия Николаева, начавшего свою службу в русских войсках в 1770 году, капитана Марка Дика, навербовавшего 50 албанских добровольцев и «находившегося во всех баталиях», капитана Михаила Стаматия, во главе 70 албанских добровольцев «находившегося на баталиях в Архипелаге», капитанов Аргирия Папахристо, Алексея Карокизы, Дмитрия Каливани, Анагности Папы, поручика Сарандия Ходжи и других албанских офицеров, отважно сражавшихся во главе отрядов албанских волонтеров вместе с русскими войсками против турок. Все они за боевые отличия были награждены русским правительством золотыми и серебряными медалями.

Особо генерал Ганнибал отмечает доблестную деятельность майора Константина, который в ходе войны сформировал из греческих и албанских добровольцев батальоны, «каждый по 584 рядовых... и служил везде с похвалою. При крепости Метелине, будучи сам командиром, овладел неприятельскою батареей и цитаделью, где взято шесть пушек... В Стантсиотской баталии получил он три раны, но не взирая на оные взял у неприятеля с батареи пушку...»

В продолжение всей войны албанцы храбро сражались вместе с русскими воинами. В той же записке генерал Ганнибал пишет, что албанский моряк Димитрий Срепо «...был во всех нужных делах в Морее при некоторых важнейших случаях, отправляя часто на судах командирскую должность. И как он из Мореи выехавши следовал за российским флотом и жил в Порт-Аузе, то оказывал там такие услуги, за которые заслуживает желаемого удовольствия... Сверх же того рекрутовал он немалое число через своих поверенных и привез их на свой кошт, за которых издержал в разных случаях 555 червонных и находится ныне депутатом с майором Константином в Санкт-Петербурге. Он никогда не требовал ни награждения, ни чина...»

Албанские добровольцы отважно воевали в рядах русских войск в сражениях у крепости Негропонт; при занятии мыса Ливиси и турецких портов Финийского и Кастель-Россо, во время осады Лемноской, Метелинской, Кудрумской и Станчиотской (Стантсиотской) крепостей. После окончания военных действий многие из албанских добровольцев навсегда остались в России.

...Выступая на 8-й сессии Народного собрания Народной республики Албании, председатель Совета министров Албании генерал армии Энвер Ходжа говорил: «Наш народ с уверенностью смотрит в будущее и строит это будущее с огромным энтузиазмом. Это происходит потому, что наш народ питает в своем сердце безграничную любовь к СССР и великому Сталину, потому что он пользуется их неограниченной поддержкой во всех областях жизни, потому что он связал свою судьбу и жизнь с судьбой и жизнью дружеских, братских народов Советского Союза».

Обнаруженные архивные документы — еще одно яркое свидетельство того, что уже в давнюю пору русско-турецкой войны зарождалась и крепла дружба албанского и русского народов.

В. ДЖИНЧАРАДЗЕ

ВЕСЬ НАРОД ЗА СТАЛИНЫМ ИДЕТ

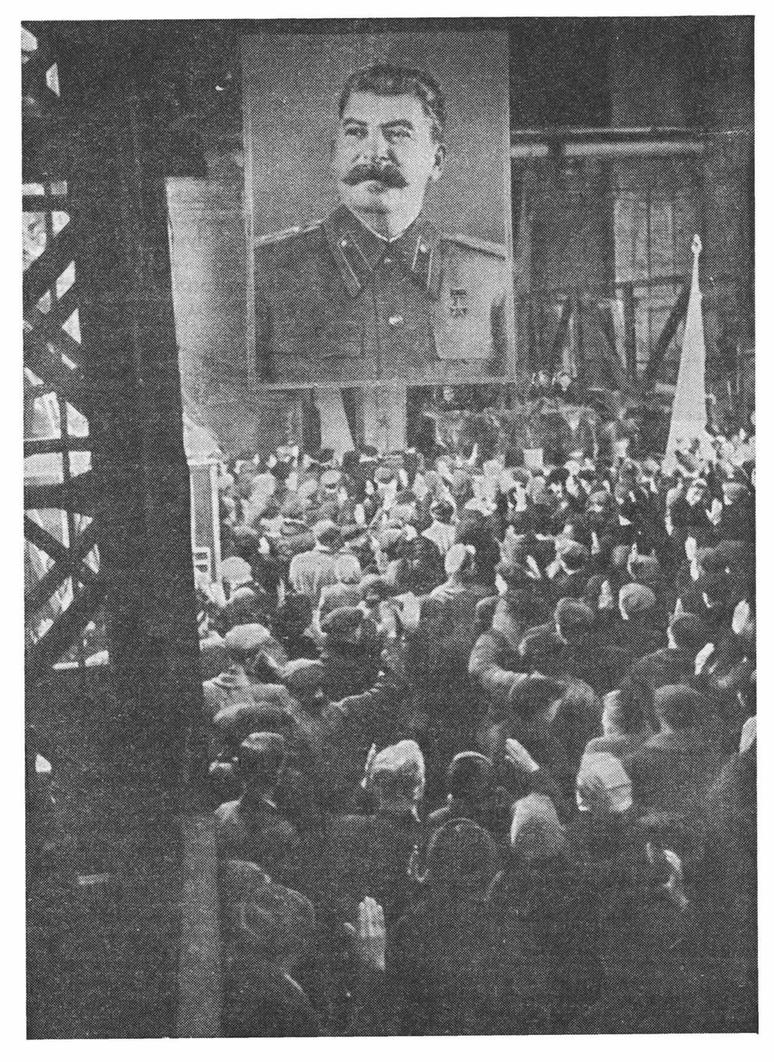
Чем ближе знаменательная дата, тем больший размах принимает кампания по выборам местных Советов депутатов трудящихся. Десятки тысяч агитаторов рассказывают избирателям о кандидатах сталинского блока коммунистов и беспартийных, о самом демократическом в мире избирательном законе.

В эту пору с еще большей силой чувствуешь кровную связь народа со своим вождем, с героической партией большевиков. В эти дни советские люди обращают свои мысли и думы к Сталину. Они знают, что неодолимой мощью социалистической Родины, радостью, красой и счастьем нашей мирной жизни, самой разумной и справедливо устроенной жизнью на земле мы обязаны сталинскому гению. Сталин — наша надежда, непоколебимая вера в победу светлых сил мира над темными силами поджигателей войны.

Весь народ за Сталиным идет! Сталин — кандидат миллионов. Есть в городах Отчизны избирательные округа, где гражданам выпало великое счастье: они опустят в урны бюллетени с именем безмерно близкого их сердцу человека — Сталина.

Сталинский избирательный округ по выборам в Московский областной Совет депутатов трудящихся. Все здесь живет радостной вестью: Иосиф Виссарионович Сталин дал свое согласие баллотироваться в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся по Сталинскому избирательному округу № 2. Всем здесь известно: имя Сталина уже включено в избирательный бюллетень.

Каждому хочется поярче выразить все то, что у него сейчас на сердце. С душевной теплотой говорит старейшая работница Электролампового завода Елена Сергеевна Сорокина: «День выборов я буду проводить в прекрасном санатории под Москвой, но в этот день я обязательно приеду сюда, в Сталинский округ, чтобы отдать свой голос за товарища Сталина. Он дал нам, рабочим людям, счастье, с ним связана вся наша жизнь, все наши успехи».

Предвыборное собрание коллектива Кировского завода в Ленинграде. Кандидатами в депутаты Ленинградского областного Совета единодушно выдвинуты И. В. Сталин, Н. А. Булганин, Н. М. Шверник и И. С. Семенов.

Фото Б. Уткина

Страстную речь произносит мастер Электрозавода И. Голядин. Он говорит то, о чем думают все в его цехе, доме, городе, стране: «Сталин — знамя борьбы за мир, знамя грядущего торжества коммунизма».

На собрании молодых избирателей района, носящего имя Сталина, выступает десятиклассница Ира Широкова: «Я счастлива, что, голосуя впервые 17 декабря, отдам свой голос за того, кто сделал нашу жизнь такой светлой и радостной,—за товарища Сталина».

Ведь в мире нет любви неизмеримей
И нету благодарности сильней,
Чем та, что мы несем стране любимой,
Вождю великой партии своей.
Пусть здравствует, победами прославлен,
Прославлен миллионами сердец,
Любимый и родной товарищ Сталин,
Наш мудрый и заботливый отец!

Такое же празднично-приподнятое настроение в Сталинском избирательном округе Ленинграда. 16 ноября здесь в торжественной обстановке состоялось заседание Окружной избирательной комиссии Сталинского избирательного округа № 26 по выборам в Ленинградский областной Совет депутатов трудящихся. Бурными аплодисментами были встречены слова заместителя председателя комиссии тов. Г. М. Дубинина:

— Получено согласие от великого вождя советского народа товарища Иосифа Виссарионовича Сталина баллотироваться по нашему избирательному округу.

Большая радость и у киевлян. В столице Украины Окружная избирательная комиссия Сталинского избирательного округа № 6 по выборам в Киевский областной Совет депутатов трудящихся постановила зарегистрировать И. В. Сталина кандидатом в депутаты Киевского областного Совета.

Зарегистрированы кандидатами в депутаты областных Советов Москвы, Ленинграда, Киева и ряда других городов верные соратники товарища И. В. Сталина — руководители партии и правительства.

Старший мастер Кузнецов

Когда в нашей стране с особенной силой началось движение за бережливость, старший мастер Московской государственной фабрики кожаных изделий Ф. М. Кузнецов решил, что надо и ему сказать свое слово.

На четвертом этаже фабрики помещается закройный цех. Люди с бритвенно-острыми ножами в руках быстро раскладывали на кусках кожи свои лекала, стараясь найти наивыгоднейшую комбинацию, чтобы использовать каждый дециметр материала. А Кузнецов вдруг выступил с обвинением. Он обвинял фабричных конструкторов в перестраховке. Федор Максимович утверждал, что, создавая лекала, они оставляют слишком большие припуски, и брался это доказать. Речь шла о «пустяке»— 3—4-миллиметровых полосках.

Доказать удалось не сразу. Многие соглашались, что припуски, по существу, страхуют небрежность: покрывают перекосы, перегибы и иные дефекты. В то же время детали портфеля в процессе склейки, сушки или тиснения сжимались и давали усадку.

Не все опыты Федора Максимовича проходили гладко. Но Кузнецову по поручению парткома помогли работники фабричной лаборатории. Они вместе с ним исследовали и определили точные размеры усадки для каждого сорта кожи и каждого заменителя.

На изготовление портфелей из деталей без припуска перешла первая группа в десять человек. И тут началось с неприятностей: у рабочих резко понизилась производительность труда. Но десять энтузиастов, как и их мастер, не отступили, доказав свою правоту.

Когда весь цех стал изготовлять портфели так, как это предложил Кузнецов, появилась статья, в которой утверждалось, что распространение нового метода позволит фабрике сэкономить за год 1757 тысяч рублей. Жизнь оказалась щедрее: только за десять минувших месяцев сбережено государству 2549 тысяч рублей, а из сэкономленного материала выпущено 110 тысяч штук всевозможных кожаных изделий.

Теперь цех портфелей ежедневно работает один час и двадцать четыре минуты за счет сбереженных материалов. Это один цех одной фабрики. А почин кандидата ВКП(б) Кузнецова давно уже подхвачен и московскими швейниками, и тбилисскими обувщиками, и медеплавильщиками из Красноуральска, и сталеварами Сталинграда. К Кузнецову едут пытливые люди из многих городов. И сам он побывал уже в Ленинграде и Львове, побуждая всех, с кем встречался, начинать борьбу с припусками, которые Кузнецов попрежнему называет перестраховкой.

...Его стол стоит посредине цеха. А стула у него нет. Этот высокий седой человек или ходит по цеху или стоит, склонившись над своим столом, и что-то кроит, что-то снова перекраивает.

— Понимаете,— говорит он, поправляя очки в легкой оправе.— Есть еще одна возможность. Вот я тут и соображаю. Не терпится! Хочется больше хорошего сделать!

Этого человека, стремящегося сделать больше хорошего для своей страны, для своего народа, мастера Федора Максимовича Кузнецова, коллектив фабрики выдвинул кандидатом в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся.

Э. АРКАДЬЕВ

Софья Ивановна Мепаридзе на уроке.

Учительница из Тержолы

Оказалось, что шофер, который вез нас со станции Зестафони в Тержолу, отлично знал Софью Ивановну Мепаридзе.

— Как не знать! — воскликнул он. — Ведь я был ее учеником...

«Я был ее учеником». Эту фразу мы слышали потом много раз. Секретари районного комитета партии, председатели колхозов, колхозники, врачи, педагоги — десятки тержольцев, стоило только спросить их о Софье Ивановне, находили самые сердечные слова, какие только могут быть сказаны благодарными людьми о любимой учительнице.

В колхозе имени Ф. Махарадзе шло предвыборное собрание. Обсуждались кандидатуры в депутаты районного Совета. Их имена стояли в одном ряду: беспартийная учительница Софья Ивановна Мепаридзе и передовая колхозница Варвара Семеновна Макаридзе, 20-летняя комсомолка.

— Не случайно это у нас вышло, — сказал, выступая на собрании, председатель артели Константин Иванович Дзоценидзе.—Учительницу выдвигаем вместе с ее ученицей!.. У нас, куда ни глянь, везде найдешь учеников и учениц Софьи Ивановны. Вот и я, например, тоже лет пятнадцать назад сидел за партой на уроках нашей старейшей учительницы...

— И я! — сказал с места Герой Социалистического Труда Дидим Гайозович Макаридзе.

— И мы тоже! — раздалось со всех концов сельского клуба, где шло собрание.

На груди заслуженной учительницы Грузинской ССР орден Ленина. Весть о высокой награде, которой удостоилась учительница за долголетний труд, с радостью была встречена ее учениками и в Москве, и в Тбилиси, и в Кутаиси. В маленьком сундучке, с которым тридцать лет назад приехал в Тержолу молодой педагог, хранится около двухсот телеграмм и писем, полученных ею от воспитанников. Прислали поздравительные телеграммы студенты многих вузов Тбилиси и Кутаиси. Не забыли Софью Ивановну и те, кто постарше, кто уже давно ведет большую партийную, хозяйственную, научную работу.

А вот трогательно составленный адрес. Написан он учителями Тержольской средней школы, той самой, где Софья Ивановна и поныне преподает русскую и грузинскую литературу. Когда Мепаридзе начинала здесь свой учительский путь, она была одна-одинешенька. Сейчас в этой большой школе тридцать педагогов. И, что самое замечательное, почти все учителя, включая директора, — тоже бывшие ученики Софьи Ивановны. Получив высшее образование, они вновь вернулись в родное село Тержола.

Круг интересов и забот С. И. Мепаридзе давно вышел за пределы школы. В тот день, когда ее кандидатура в депутаты районного Совета выдвигалась на собрании в колхозе имени Ф. Махарадзе, она после уроков направилась в другой колхоз — имени Ленина. Здесь, в третьей бригаде, колхозники горячо любят своего агитатора — Софью Ивановну. Сегодня она ведет разговор об осенних работах на поле. И когда слушаешь ее, то кажется, что это говорит не педагог, а агроном.

Тержола — центр самого молодого района Грузии, образованного всего два — три месяца назад. На ровном предгорном плато живописно раскинулись дома. Все они построены меньше чем за два года. Село быстро превращается в город. В исполкоме районного Совета нам сказали:

— Только за один ближайший год предстоит построить Дом культуры, кинотеатр, разбить большой лесопарк, соорудить с десяток многоквартирных жилых домов, достроить здания больницы и школы. В Тержольском районе это будет двадцать пятая по счету школа. А ведь тридцать лет назад, когда Софья Ивановна приехала к нам, у нас была всего одна начальная школа.

Много еще дел предстоит Тержольскому райсовету и всем его двадцати девяти депутатам, кандидатуры которых в эти дни выдвинуты на собраниях трудящихся района...

И. РЯБИНИН

Золотой дождь

В этот на редкость ясный и теплый день, выдавшийся после долгого осеннего ненастья, на Минской выставке было многолюдно. Одна за другой подъезжали машины, доставляя гостей со всех концов Минщины. Мы направились в павильон, пользовавшийся всеобщим вниманием. Надпись у входа гласила: «Укрупненный колхоз «Большевик», Червеньского района».

— Этой замечательной зерновой культуре лучшего названия и не придумать, — услышали мы ровный, неторопливый голос. — Золотым дождем падают зерна с каждого колоса. Овес «золотой дождь» — прекрасный сорт, выведенный советскими селекционерами.

Говорил худощавый, невысокого роста мужчина. Рассказав об овсе, Владимир Иванович Зиновенко, агроном колхоза «Большевик», перешел к экспонатам озимой ржи и пшеницы, давшим невиданно большие урожаи. Он говорил о великой битве на колхозных полях.

...Мы услышали продолжение этого увлекательного рассказа через несколько дней в селе Дубок, Червеньского района. Шло собрание колхозников, посвященное выдвижению кандидата в депутаты Минского областного Совета. Люди, поднимавшиеся на трибуну, вспоминали 1945 год. В ту пору вернулся с войны офицер Советской Армии Владимир Иванович Зиновенко. Приветливо встретили крестьяне своего земляка, колхозного агронома, но тяжко было ему смотреть вокруг. Оккупанты уничтожили все, что было добыто трудом долгих лет.

Борьбу за возвращение земле былого плодородия в артели «Большевик» возглавил демобилизованный воин В. И. Зиновенко. 80 гектаров клевера было посеяно для возрождения правильного севооборота. Большим праздником был первый послевоенный урожай семян многолетних трав. А на выставке 1950 года колхоз «Большевик» уже демонстрировал девятипольный образцовый севооборот.

Кипучая деятельность колхозного агронома не ограничивалась заботами о плодородии полей. Он душа всех сельских дел. Его интересовало и строительство избы для семьи воина, павшего в боях за Родину, и работа больницы, школы. В 1947 году труженики полей избрали Владимира Ивановича Зиновенко депутатом в Минский областной Совет.

Шли годы. Чудесные перемены происходили на опустошенной войной белорусской земле. И вот сейчас, на предвыборном собрании, колхозники с радостью отмечали:

— Как далеко шагнули мы вперед! Есть в этом и доля труда нашего депутата.

Выступавшие обратили внимание на характерную деталь: с какими нуждами шли избиратели к своему депутату несколько лет назад и с какими — сейчас. Тогда речь шла о жилье колхозников; о питании и одежде детям-сиротам; о строительстве животноводческих ферм для скота, находившегося под открытым небом; о приспособлении временного помещения под сельскую школу. Ныне другие заботы у колхозников, новые требования предъявляют они своему депутату. Посылают они его в Минск, в проектный институт, где разрабатывается план будущего агрогорода. Спрашивают у Зиновенко, скоро ли будет готова новая планировка колхозного центра и как движется постройка дома сельскохозяйственной культуры.

На селе знают, что Владимир Иванович — человек общественный, энергичный, ему по плечу крупные дела. Вот почему избиратели Домовицкого избирательного округа вновь оказали высокое доверие непартийному большевику В. И. Зиновенко и выдвинули его кандидатом в депутаты Минского областного совета.

А. ЭВЕНТОВ

АРТИСТКА ИЗ НАРОДА

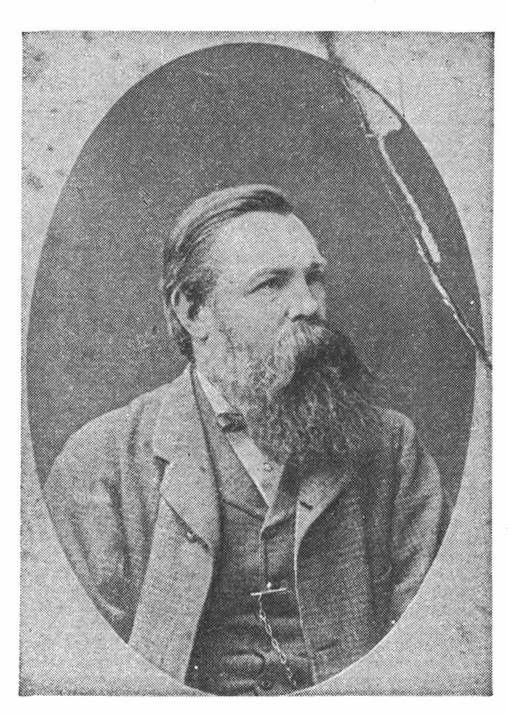
— Артистка из народа! — так говорят на Украине о народной артистке СССР дважды лауреате Сталинской премии Наталье Михайловне Ужвий.

Талантливая актриса ведет и многогранную общественную деятельность — она депутат Киевского областного Совета депутатов трудящихся. Коллектив Киевского музыкального комбината в Горьковском избирательном округе столицы Украины вновь назвал Н. М. Ужвий кандидатом в депутаты областного Совета.

На снимке: Н. М. Ужвий (слева) на занятии с молодыми актрисами Театра имени Ивана Франко.

Фото Н. Козловского

Редкая фотография Фридриха Энгельса

Недавно Австрию посетила делегация Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Член делегации писатель Аркадий Первенцев выступал на собрании рабочих стекольного завода в Брунне, близ Вены. Среди участников собрания находился Джозеф Стрэбл, коммунист, бургомистр Брунна.

Стрэбл произнес взволнованную речь о великом примере, который показывает трудящимся всего мира Советская страна. В заключение он заявил, что решил передать в дар Институту Маркса — Энгельса — Ленина семейную реликвию, которую бережно хранили три поколения Стрэблов: портрет Фридриха Энгельса с его собственноручной подписью. И он вручил советскому делегату маленькую, пожелтевшую от времени фотографию.

— Энгельс был другом моего деда,— сказал Стрэбл,— в свое время он подарил ему эту фотографию. Перед смертью дед оставил ее мне со словами: «Портрет должен попасть в ту страну, где раньше всего восторжествует коммунизм за победу которого всю свою жизнь боролся Энгельс». Сейчас я хочу выполнить этот завет деда.

— Как вы видите, один из углов фотографии отломан. Это случилось во время обыска в моей квартире, когда ночью неожиданно нагрянули гестаповцы. Безграмотный гитлеровец взял карточку, но не узнал, кто изображен на ней. А жена, испугавшись, что фашист может уничтожить портрет, выхватила его из рук гестаповца и со слезами на глазах сказала: «Это единственная фотография моего отца». В момент, когда жена схватила портрет Энгельса, уголок карточки отломался.

Портрет передан в Институт Маркса — Энгельса — Ленина.

Так родилась песня

Федосью Алексеевну Звереву хорошо знают на Урале. Она происходит из знаменитой семьи Зверевых, которые занимались поисками драгоценных камней в горах. Сама Федосья Алексеевна — опытная горщица. Она хранит много заветных «секретов»: по каким приметам можно найти зеленый камень — изумруд, кровавый рубин или топазы глубоких тонов... Впрочем, «хранит» — не то слово. За долгие годы труда старая горщица собрала у себя множество образцов самых редких минералов. Этот своеобразный музей ее открыт для всех желающих. К Федосье Алексеевне приходит молодежь, желающая поучиться у нее ремеслу горщика, приходят и бывалые геологи. Она охотно раскрывает им свои «секреты».

Но не только за этим ходят в дом Федосьи Алексеевны. Хозяйка — прекрасная рассказчица. У нее неистощимый запас сказов, в которых волшебные выдумки чудесно переплетаются с живыми воспоминаниями о тяжкой доле горного люда до революции, о ярких характерах «горных мастеров».

Искусство рассказчицы и привело Федосью Алексеевну на семинар сказителей, песенников и собирателей фольклора, созванный свердловским областным Домом народного творчества. Приехала сюда и Ксения Григорьевна Каштанова, мастерица сочинять песни и частушки. Пенсионерке Ксении Григорьевне шестьдесят четыре года, а Гале Истоминой — токарю из Верхней Туры — восемнадцать лет. Они сидели рядом, слушая лекции по вопросам литературы и искусства. Вместе с ними на семинаре были техник комсомолец Павел Грудин, бухгалтер Иван Васильевич Балакин, семидесятидвухлетний песенник Иван Яковлевич Стяжкин, старый большевик Андрей Ильич Немчинов. Они не только слушали лекции, но и сами поднимались на трибуну, чтобы передать товарищам свое искусство, свой творческий опыт.

В перерывах возникали разговоры о том, что больше всего волнует сейчас каждого советского человека: о мире. И кому, как не самым искусным песенникам, рассказчикам, съехавшимся из разных уголков Урала, выразить то, что думает народ!

Не ходите, хмуры тучи,
Над советскою землей.
Наш народ, народ могучий
Возликует над войной! —

раздалось где-то в одном углу зала.

Не пугайте нас войной,
Палачи Америки.
Не помогут вам ни в чем
Вопли и истерики...—

подхватили в другом конце. Несколько десятков частушек было создано участниками семинара.

Народные поэты и певцы решили создать и свою, новую песню. Тема пришла сразу, все та же: мир. Первой заговорила Галя Истомина:

Слушайте, люди! Слушай, народ!
Урал свою песню о мире поет.
Поют эту песню леса и поля,
Поет весь Урал — золотая земля.

Четверостишие всем понравилось. Появились новые четверостишия. Все вместе, коллективом, выбирали слова наиболее яркие и точные.

Прозвучали последние слова песни — и текстом завладели песенницы. Они стали подбирать мотив. Присутствовавший здесь уральский композитор Николай Хлопков записывал наиболее удачные напевы.

Так родилась песня. А вечером она уже торжественно звучала со сцены конференцзала Дома искусств. Вольной и широкой вышла песня «Урал голосует за мир».

Кончился семинар. Сказители, певцы, фольклористы разъехались по домам. Они понесли новую песню во все уголки Урала.

А. САЛЫНСКИЙ

Участник семинара сказителей, песенников и собирателей фольклора Андрей Ильич Немчинов рассказывает о гражданской войне на Урале.

Фото Ю. Добронравова

«ЗИМ»

7 ноября 1950 года в голове празднично украшенной колонны горьковских автозаводцев прошли легковые автомобили новой советской марки. Красивая обтекаемая форма отличает их от уже известных машин. Над облицовкой радиатора — эмблема города Горького: настороженный олень. Под ним три буквы: «ЗИМ».

«ЗИМ», что означает «Завод имени Молотова»,— шестиместный автомобиль среднего класса. Он имеет шестицилиндровый двигатель мощностью 95 лошадиных сил, позволяющий развивать скорость до 125 километров в час. Новая машина весьма экономична: она расходует 17—18 литров бензина на 100 километров пути. Это всего на 3,5—4 литра больше, чем расходует на то же расстояние автомобиль «Победа», и на 9—10 литров меньше, чем «ЗИС-110».

В ходе длительных испытательных пробегов, проведенных горьковчанами в самых разнообразных дорожных и климатических условиях (осенью, зимой и летом), а также в тяжелых горных условиях Крыма и Кавказа, выявились высокие скорости, экономичность, устойчивость на быстром ходу, легкость управления, маневренность и комфортабельность автомобиля «ЗИМ».

Новая модель машины утверждена к производству с двумя вариантами кузова — закрытым цельнометаллическим и открытым, типа «фаэтон».

В конструкции «ЗИМ» много технических новшеств Они обеспечивают ему превосходство перед машинами иностранных марок того же класса.

Автозавод имени Молотова должен был начать производство автомобилей новой марки с четвертого квартала нынешнего года. Это задание автозаводцы с честью выполняют: в октябре и ноябре ежедневно, точно по графику, машины «ЗИМ» выходят из ворот завода и направляются на склад готовой продукции.

В начале ноября первая партия в 30 автомобилей «ЗИМ» была отправлена в Москву. Москвичи уже любуются новыми машинами на улицах столицы. Скоро они появятся и в других городах Советского Союза. Коллектив Горьковского автозавода переводит выпуск нового автомобиля на массовый поток.

«ЗИМ» — яркое свидетельство технического прогресса автостроения страны социализма.

А. КОЛЧИН

На правобережной трассе

Земля изрыта гусеницами мощных тракторов. Они подтягивают к месту сборки многотонные части экскаваторов. Здесь, на правом берегу Волги, идет скоростное строительство дорог к Куйбышевскому гидроузлу.

Сборку машин производят днем и ночью. Молодежной бригаде Владимира Савчука, приехавшего из Краматорска, осталось укрепить на своей машине только стрелу и ковш. Старейший механизатор Алексей Степанович Глущенко заканчивает монтаж другого экскаватора. А чуть подальше машины уже вступили в строй. С бугра хорошо видно, как острозубые ковши вгрызаются в глину.

Указывая на широко развернувшийся фронт работ, начальник механизированной колонны А. П. Костик говорит:

— Это наиболее трудный участок трассы. Машины нашей колонны должны вынуть 78 тысяч кубометров грунта, переместив его в сторону, где образуется 16-метровая насыпь. Она уже обозначается, видите? Механизаторы обязались закончить работу за три недели. Трудятся с большой энергией. Обратите внимание на тот скреппер, что выезжает из выемки. Это скреппер стахановца Федоровских. Его дневная выработка — 500 кубометров, 180 процентов нормы.

По почину колхозников Ставропольского района на работу вышло больше 6 тысяч куйбышевских и ульяновских хлеборобов. Колхозы предоставили в распоряжение дорожников около полутора тысяч подвод.

Нет в Куйбышевской области района, который не прислал бы своих людей сюда, на стройку дорог. Из Камышлинского приехали лесорубы, из Шигонского — столяры и плотники, из Елховского, Петровского, Кутузовского, Новодевичинского и других районов — землекопы, каменщики, дизелисты. Коллективы колхозников соревнуются на досрочное окончание задания.

Начальник строительства правобережной трассы Д. И. Синтюрин рассказывает:

— По первоначальному проекту дорогу предполагалось сдать в эксплуатацию в июне будущего года. Но теперь ясно, что она вступит в строй значительно раньше.

Н. БОРИСОВ

Дом-музей Н. И. Пирогова.

Здесь жил Пирогов

25 ноября исполнилось 140 лет со дня рождения гениального русского хирурга и анатома, великого ученого и патриота, создателя военно-полевой хирургии — Николая Ивановича Пирогова. Последние 20 лет его жизни неразрывно связаны с усадьбой Вишня, расположенной у села Шереметка, в нескольких километрах от города Винницы.

К западу от Винницы тянется асфальтированная магистраль, окаймленная четырьмя рядами могучих лип. В одном месте они как бы расступаются. В сторону отходит проселочная дорога. На стрелке-указателе надпись: «В музей-усадьбу Пирогова».

Здесь великий русский ученый поселился, когда происки реакционных профессоров и царских сановников вынудили его оставить государственную службу. Но и в деревенской глуши Пирогов не прекращал научной работы. Отсюда в 1870 году он выезжал по предложению Красного Креста для обзора госпиталей на театре франко-прусской войны, а в 1877 году, во время русско-турецкой войны, отправился в такую же экспедицию в Болгарию. В усадьбе Вишня написан один из крупнейших трудов Пирогова — «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии». Здесь же 5 ноября 1879 года начал он писать свои воспоминания — знаменитый «Дневник старого врача».

В этой усадьбе все напоминает о великом ученом. Белый дом с полукруглой верандой, выходящей в парк. Тут нередко сиживала вся семья в часы вечернего отдыха. А вот и окно, у которого стоял письменный стол Пирогова. Сейчас в доме музей, созданный по решению советского правительства. Мы переходим из зала в зал. Документы и фотографии, скульптурные изображения, картины и гравюры рассказывают о жизненном пути гениального хирурга.

Недалеко от дома-музея в семейном склепе покоится в стеклянном гробу набальзамированное тело Пирогова. Множество посетителей спускаются в этот склеп, чтобы поклониться праху прославленного хирурга. В книге посетителей оставили свои записи тысячи колхозников и врачей, учителей и военнослужащих, рабочих и учащихся.

В селе Шереметка есть несколько стариков, которые хорошо помнят Пирогова. Они охотно рассказывают о великом земляке.

Ю. АННЕНКОВ

Солнце русской сцены

Общественность отмечает 150 лет со дня рождения великого трагического актера Павла Степановича Мочалова, одного из основоположников русского театрального искусства. Театральная общественность широко отмечала знаменательную дату.

17 ноября в московском Доме актера состоялся торжественный вечер, посвященный памяти великого артиста. Вечер открыла старейшая русская актриса, председатель Всероссийского театрального общества А. А. Яблочкина.

После кратких выступлений профессоров С. Дурылина и В. Филиппова, которые рассказали о значении творчества Мочалова в развитии русской культуры, начался концерт «Воспоминания о Мочалове».

С волнением перелистывали актеры страницы воспоминаний современников великого артиста. В прочитанных отрывках из писем, статей, мемуаров, в стихах, навеянных вдохновенной игрой Мочалова, наконец, в стихах самого артиста и его записках отчетливо предстал перед собравшимися образ гениального трагического актера, выражавшего с театральных подмостков передовые идеи того времени.

Мы видим, как упорно стремится Мочалов поставить на сцене Малого театра пьесы русских драматургов, как мечтает он играть в «Борисе Годунове» и в маленьких трагедиях Пушкина, пытается поставить в свой бенефис запрещенный «Маскарад» Лермонтова.

В огненных строках Белинского, прочитанных на вечере, предстали шекспировские герои в гениальном исполнении Мочалова: Гамлет, Отелло, Ричард III, король Лир. Эти образы Мочалов насытил плотью и кровью и, нарушив ложноклассические каноны декламационного исполнения, показал в них прежде всего человека, а не отвлеченную театральную маску.

«Мы видели Гамлета, художественно созданного великим актером,— раздаются в зале слова Белинского,— следовательно, Гамлета живого, действительного, конкретного...»

Так в воспоминаниях современников все ярче и ярче вставал перед собравшимися на торжественном вечере светлый образ гениального актера.

И. СЕМЕНОВА

КОРОТКО

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ китайского искусства открылась в Иркутске. Представлено более 450 произведений живописи, графики, скульптуры и прикладного искусства.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ домов сельскохозяйственной культуры открываются в укрупненных колхозах Днепропетровской области. В одном только Щорском районе будет 27 домов.

СМОТР ТВОРЧЕСТВА композиторов Казахстана состоялся в Алматинской государственной консерватории. Было исполнено более 70 произведений. Смотр показал значительный творческий рост композиторов республики.

Художники советской Армении

Посетители Всесоюзной сельскохозяйственной выставки помнят статую Иосифа Виссарионовича Сталина, установленную перед павильоном Армении. Скульптор запечатлел вождя, обращающегося с речью к народу.

Автор статуи — Ара Саркисян. Резцу его принадлежат статуя И. В. Сталина в Ереване, монумент «Майское восстание» в Ленинакане, памятники С. М. Кирову в Кировакане, С. Спандаряну и А. Джапаридзе в Ереване, скульптура А. И. Микояна в городе, носящем его имя.

Глубокая идейность, значительность тематики, реалистическая выразительность исполнения, отличающие творчество Ара Саркисяна, характерны для армянского искусства.

Живописцам, скульпторам и графикам Армении свойственна та озаряющая радостность, без которой не представляешь себе произведений Сарьяна, Зардаряна, Исабекяна, Есаяна и многих других художников. В образах искусства они передают то новое и значительное, что каждодневно входит в жизнь республики.

Мартирос Сарьян, депутат Верховного Совета СССР, народный художник Армении, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Сталинской премии,— один из интересных живописцев Армении. Совсем недавно мы слышали его страстную речь на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира. Голосом Сарьяна говорило все армянское искусство, и то, что именно Сарьян был посланцем своего народа, не случайно. Многие его картины любимы в народе. И если раньше зритель знал Сарьяна главным образом как пейзажиста, то в последние годы удачным оказалось и обращение Сарьяна к образу советского человека.

«Интерес к человеку, к строителю и творцу новой, радостной и счастливой жизни,— рассказывает Сарьян,— пробудил во мне желание испытать свои силы в портретной живописи».

На Всесоюзной художественной выставке 1947 года Сарьян показал три портрета с натуры. Среди них выделяются изображения генерала армии И. Баграмяна и поэта Н. Тихонова.

Велика заслуга Сарьяна в создании в Ереване художественного музея. В нем собраны не только работы местных мастеров, но и богато представлены произведения классиков русского искусства. И это закономерно. Если говорить об истоках сегодняшнего искусства армянских художников, то наряду с чудесными национальными традициями здесь сказывается бесспорное и благотворное влияние русской школы.

Оганес Зардарян, тридцатидвухлетний живописец, воспринял реалистические заветы русских мастеров. В эпическом повествовании о строительстве Севангэса художник превосходно передал патриотический порыв стахановцев стройки и этот всепобеждающий патриотизм донес до зрителя. Образы Зардаряна героичны и убедительны. У него есть хватка большого художника, верный глаз и точная мысль. Его исторические работы — портреты Хачатура Абовяна и композитора Комитаса — привлекательны, интересны по композиции, но все же призвание Зардаряна, его сила, его будущее — в современной тематике.

А. Саркисян. — Сурен Спандарян.

На Всесоюзной выставке 1949 года мы видели пейзаж Еревана кисти Хачатура Есаяна. Столица Армении запечатлена художником с любовью и искренним волнением.

Говоря об армянском пейзаже, нельзя обойти народного художника республики Габриэля Гюрджяна, воплощающего на холсте и скалистые речные берега, и дымчатые горы, и пышное цветенье весны.

Армения дала советскому искусству ныне работающего в Москве известного портретиста и мастера сложно-композиционной картины Дмитрия Налбандяна.

Портретом Иосифа Виссарионовича Сталина, удостоенным Сталинской премии первой степени, Д. Налбандян внес выдающийся вклад в развитие советского искусства.

На выставке 1949 года в Москве и на выставках в Ереване мы видели большие композиционные картины: М. Абегяна «Выступление И. В. Сталина на рабочем собрании в Тбилиси», Э. Исабекяна «А. И. Микоян среди аллавердских рабочих», Ц. Азизяна «Встреча Героев Социалистического Труда в колхозе», А. Бекаряна «Вступление 11 армии в Ереван», Е. Асламазян «Герои полей Армении», С. Галстян «Нас отметила «Правда»,— свидетельствующие о росте авторов.

В творческом активе Исабекяна картина «Герой Советского Союза Нельсон Степанян среди молодёжи» и, пожалуй, его лучшее полотно — «Перед бурей». Здесь Исабекян создал впечатляющий образ вождя, ведущего народ к революции, знающего о трудностях борьбы и уверенного в конечной победе.

В Армении много талантливых художников. Немало одаренной молодежи учится в учебных заведениях. Недавно окончивший Ленинградский художественный институт имени Репина А. Папикян работает в бригаде, которой руководит народный художник СССР А. М. Герасимов, над картиной «Великая клятва». В Москве скульптор Н. Никогосян трудится над монументом, увековечивающим память двенадцати комсомольцев — героев Лодейного Поля.

Художники Армении — один из передовых отрядов советского изобразительного искусства.

А. ЯР-КРАВЧЕНКО,
лауреат Сталинской премии

Э. Исабекян. ПЕРЕД БУРЕЙ.

Государственная картинная галерея Армении.

А. Бекарян. ВСТУПЛЕНИЕ 11-й АРМИИ В ЕРЕВАН.

Государственная картинная галерея Армении.

С. Галстян. НАС ОТМЕТИЛА «ПРАВДА». Государственная картинная галерея Армении.

М. Сарьян. СБОР ХЛОПКА В АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЕ.

Государственная картинная галерея Армении.

БИБЛИОТЕКАРША

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

У Нади большая радость. Во вчерашней московской газете напечатан Указ о награждении передовиков животноводства. Доярку Дунаеву, Надежду Сергеевну, наградили орденом Трудового Красного Знамени. По этому поводу днем во Внукове состоялся митинг. А после митинга председатель колхоза рассказал, что этот орден полагается носить на левой стороне груди, там же, где комсомольский значок, что подвешивается он на голубой, под цвет надиных глаз, ленточке с синими каемками по краям. Надя давно знала это, но слушать председателя было все-таки приятно.

До самого вечера поздравлять Надю одна за другой приходили доярки, подруги из полеводческой бригады, агроном, садовод Стозаев. А председатель колхоза специально из-за нее приехал с сенокоса на машине.

Смущенно и радостно отвечая на поздравления, Надя в середине дня стала замечать, что в душе ее растет чувство, похожее не то на огорчение, не то на обиду. Долго она не могла понять, отчего это, но наконец догадалась. Обидно было потому, что ее не пришел поздравить Леонид Михайлович. Надя удивилась. С Леонидом Михайловичем она была мало знакома. Он жил в соседней деревне и только недели две назад, после объединения колхозов, стал заведывать клубом у них во Внукове.

По вечерам Надя работала в библиотеке. Строгий Леонид Михайлович изредка заходил порыться в книжках и проверить, вытирается ли на полках пыль. Между ним и Надей не было ни дружбы, ни хорошего знакомства, и Надя попробовала даже смеяться над собой: как это она может огорчаться из-за такого пустяка? Но время шло, а смутное, неприятное чувство делалось все отчетливей. Уж не считает ли Леонид Михайлович, что она плохо работает в библиотеке? Не сердит ли он на нее? Неужели он не видит, как Надя любит свою библиотеку, свои книги? Мимоходом Надя узнала, что заведующий клубом, кажется, уехал в райком комсомола на полуторке и машина должна вернуться из города вечером. Это ее немного успокоило.

В последние дни у нее было много хлопот: недавно коров свели в одно только что отстроенное помещение, и они еще не привыкли к новому месту. После работы Надя умылась, наскоро поужинала и, как всегда, пошла в библиотеку. Библиотека должна быть открыта с девяти до одиннадцати часов вечера, к этому привыкли и колхозники и эмтеэсовцы, и оттого, что людей награждают орденами, работа останавливаться не должна.

Вечер был темный, беззвездный, только вдали, на скотном дворе, стояло светлое зарево от фонарей. Из окон доносились звуки радио. Надя шла по тропинке, до того наклонной, что иногда приходилось держаться за ограды палисадников, и опавшие осенние листья хрустели под ее ногами, как сухари. В избе Стозаева были настежь отворены окна и на подоконнике дремала кошка, подобрав под себя передние лапки.

Надя перешла дощатый мостик и повернула к клубу. На ступеньке сидел мальчик лет двенадцати.

— Тетя Надя, «Молодой колхозник» есть? — спросил он.

— Не знаю еще. Сейчас разберу почту.

Леонид Михайлович ради экономии запрещал зажигать свет над крыльцом, когда в клубе не было «мероприятий», но сегодня Надя все-таки включила лампочку. Потом она прошла пустынным, гулким коридором мимо доски почета, мимо кабинета Леонида Михайловича, запертого на амбарный замок, и открыла дверь библиотеки. Дверь эта отличалась от других дверей клуба удивительным скрипом. Если ее отворять потихоньку, она наскрипывала что-то похожее на начало песни «Где ж ты, мой сад...»

Надя хотела включить свет, но услышала шум машины и насторожилась. Машина ехала со стороны города. Черные стекла окон постепенно стали светлеть, сделались ослепительно-серебряными, и по ним медленно проплыла тень ограды, потом немного быстрей — тень столба с подкосом и совсем быстро промелькнули тени кустов. Наконец стекла потемнели, и снова стало тихо. Машина прошла мимо, не свернув к колхозному гаражу.

Надя вздохнула и зажгла свет.

— Тетя Надя, дай журнал, — сказал мальчик, — я только картинки погляжу.

Рисунок В. Климашина

Он был в костюмчике из серого бумажного материала, сшитом совсем как у взрослого, даже с грудным кармашком для часов. Из кармашка торчал конец красной резиновой трубки.

— Карандаш есть? — спросила Надя.

— Нет.

— Ну на. Только если увижу, что кроссворд пачкаешь, сейчас же отберу!

Мальчик сел за стол и начал перелистывать журнал. Пальцы слюнить в библиотеке строго-настрого воспрещалось, и поэтому страницы перелистывались по две и по три сразу, и их приходилось раздувать.

Библиотека была светлая и просторная. Вдоль стен, на всю длину, как в магазине, тянулись полки, выкрашенные баканом и по бакану — лаком. На полках аккуратно, по алфавиту, стояли самые разные книги. Под лампой находился большой стол для газет и журналов, а в уголке — маленький надин столик.

Еще пионеркой, во время войны, Надя надумала устроить библиотеку, увидев, как тоскуют женщины по своим мужьям и сыновьям. Она прошла по избам, собрала ненужные хозяевам книги, отвоевала у матери одну полку в буфете и наклеила на окошко бумажку с надписью: «Библиотека имени Октябрьской революции. Открыта с 9 до 11 часов вечера». Но читатели не ходили, и Наде самой приходилось разносить книги соседям и читать вслух. А через год книг стало так много, что председателю колхоза пришлось покупать специальный шкаф со стеклянными дверцами. Шкаф находился в колхозной конторе. Читателей становилось все больше и больше. В правлении по вечерам возле Нади толпилось столько народу, что бухгалтер ругался и затыкал уши. И когда построили клуб, Наде выделили просторную комнату.

Надя разложила свежие газеты, в одной из которых была напечатана и ее фамилия, и села за маленький столик. Вчера она увидела у Стозаевых книгу Михаила Ивановича Калинина «О коммунистическом воспитании» и выпросила ее. Книга была почти новая, но один листик кто-то случайно залил чернилами. Надя решила переписать этот лист и вклеить взамен печатного. Только она принялась писать, вошел братишка тракториста Степана.

— Поздравляю вас, Надежда Сергеевна, с высокой наградой, — начал он торжественно и после небольшой паузы продолжал: — Курносая, где у тебя книжка про «натик»? Степан просит. Ему там надо номер какой-то звездочки для коробки передач.

Он подошел к прогнувшимся полкам и вытащил книгу в мягком, матерчатом переплете.

— Подожди, — остановила его Надя, — не ту берешь.

— Ту самую. Видишь, написано: «Трактор «СТЗ-НАТИ».

— Эта книжка про старый «натик», — сказала Надя, — а твой Степан на новом ездит, на пятидесятичетырехсильном. Тебе бы надо знать это. Вот книжка, которую ему надо... Подожди, запишу!.. Степан домой пришел?

— Пришел.

— Не говорил, машина из города не приезжала?

Из рассказов, поступивших на конкурс журнала «Огонек».

— Не говорил. А что?
— Бери книжку. И скажи, чтобы руки вытирал. А то как вашим, эмтеэсовским, дашь, в момент автолом или солидолом замажут. Это книжка, а не коробка передач.
— Разрешите идти? — спросил парень.
— Я тебе серьезно говорю.
Парень ушел, а Надя снова взялась переписывать. «Какие же человеческие качества надо прививать? Это, во-первых, любовь, любовь к своему народу, любовь к трудящимся массам...»
Дверь пропела: «Где ж ты, мой сад...», — в комнату прошмыгнул босой мальчик и подпихнул своего приятеля боком. Они уселись на один стул, и Надя услышала шепот: «По горизонтали драгоценный камень из пяти букв». Но Наде почему-то на этот раз не хотелось спорить с ребятами, и она снова взялась переписывать: «Человек должен любить людей. Если он людей будет любить, то ему будет жить лучше, веселее будет жизнь...»
— Наденька, вот ведь как, а?
Надя подняла голову. У стола стояла ее подруга из животноводческой бригады Клава. Это была пухлая девушка с ямочками на щеках и с косой, лежащей на голове, как венок.
— А что?
— Счастье-то тебе...
Клава потянулась через стол, обняла и поцеловала Надю, обдав ее запахом теплого сена. Навалившись на стол, она уронила ящичек с формулярами и чуть не опрокинула цветы. Потом она развернула косынку и достала «Далеко от Москвы». Надя бегло перелистала книгу.
— Вместе читали? — спросила она.
— Вместе.
— Ну, конечно, я вижу, что вместе. Вон сколько пепла между страницами. Ах ты, Клава, Клава! Где про любовь, там и пепла густо, а где про строительство, там нет ничего.
— Так мы третий раз читаем.
— А это что?
— Что?
— Кто это подчеркнул?
Надя протянула подруге книгу. На левой странице была подчеркнута фраза: «Лиричность души, если только это действительно серьезно, хорошее качество в человеке».
— Ей богу, не мы! — испуганно сказала Клава.
— Уж не дедушка ли Стозаев? — иронически заметила Надя.
— Ей богу, Надя, мы такими глупостями не занимаемся, — Клава обиделась и надулась.
Надя спрятала книгу в стол, потому что на нее была очередь, и сказала примирительно:
— Ну, не сердись. Лиричность души — действительно хорошее качество. Когда же на свадьбу позовешь?
— Не знаю, Надя. Наверное, когда все овощи свезем, — Клава давно уже не отделяла себя от своего Паши и всегда, говоря о нем, говорила «мы». Паша был тот самый шофер, который уехал сегодня в город. — Разве тут до свадьбы? Паша работает с утра до поздней ночи. Мы и свидания в кабинке назначаем. Вчера ночью ехал на станцию, села к нему, три раза до станции и обратно, туда-сюда по шестнадцать километров проехали. Спину ломит — спасу нет! А дорога, сама знаешь, какая. Трясет так, что и поцеловаться путем нельзя, в губы нацелишь — в нос попадешь. У нас кабинка — дом родной. У нас там на баранке «Клава» вырезано, и «Павел», и «1950 год»... На память...
Хлопнув дверью, вошел Стозаев.
— Писатели... — забубнил он еще на пороге, — только одно название, что писатели... — и бросил на столик книжку «Садоводство». — Вот, глядите: на всю страницу садовые ножницы нарисовали! Эка невидаль — садовые ножницы! А вот как в Хвалове... яблони пересаживать — про это ничего нет. Это дело хорошее — сады соединять. А у них там, в Хвалове, два апорта суховершинят, листочки, как лимон, желтые, хлорозом хворают. У меня тут и бельфлер-китайка, и аркад сахарный, и антоновка, и пепин шафранный растут, как гвоздика в горшке. А как я их в Хвалово пересажу? Вдруг тоже захворают?..
— Так они тебе про каждую деревню и напишут! — сказала Клава.
— А ты как думаешь? Твою-то вон каждую овцу на карточку снимают, тебе и горя нет. Вон какую хохоталку наела! А дерево — это тоже живое существо, тоже дышит.
Стозаев был в сварливом настроении, и Надя уже думала, что бы такое дать ему почитать успокоительное. А то снова дома со своей Василисой Ивановной станет скандалить. Хорошо бы дать что-нибудь вроде «Педагогической поэмы» — он любит такие книги, да нет «Педагогической поэмы» в надиной библиотеке.
Стозаев сварлив, а его Василиса Ивановна еще хуже. Нипочем не уступит. Стала Надя давать им книжки, где мирные старики описываются, вроде «Старосветских помещиков» или «Семейной хроники». Не помогли эти книжки. Даже хуже стало. Прочитал Стозаев «Старосветских помещиков» и решил разыграть свою «Пульхерию Ивановну». Пришел он однажды домой и видит: Василиса Ивановна спит, а в избе темно от чада. Сперва он рассердился, а потом вспомнил про Афанасия Ивановича, тихонько будит жену и говорит: «Молись, старая, горим! Свиноферма горит. А птицеферма твоя и вовсе сгорела». Василиса Ивановна очень на него за это обиделась. Не помогали их семейной жизни такие книжки. А вот «Детство» Горького помогло. Почему, неизвестно, а помогло. Душевней он стал относиться к жене. А она так и вовсе притихла, задумываться стала.
— Пишут, — бурчал Стозаев. — Ты мне пиши, чтобы я знал, можно ли в Хвалово яблони пересаживать.
В библиотеке собралось много народу. Рассуждали о событиях за границей, о том, как погано ведут себя американские представители в Организации Объединенных Наций, читали, не удивляясь, о Куйбышевской гидроэлектростанции, проверяли облигации. Зашел агроном, и мальчик в костюмчике шепотом спросил его, как называется драгоценный камень, состоящий из пяти букв. Агроном не знал. Он был аккуратным человеком и возвращал книги всегда обернутыми в газету.
— А с другой стороны, хорошо, что мы видаемся в машине, — говорила Клава, — мы с ним, бывает, повздорим, все равно как садовод со своей Василисой, прямо спасу нет, как! Он останавливает машину и велит слезать. А я не слезаю. А ему долго стоять нельзя. Ему норму выполнять надо. «Ладно, — говорит, — доедем до дому, я там тебя скину». А пока до дому едем, оба и отойдем. Хорошо в нашей кабинке. Я и названия все знаю: «спидометр», «акселератор», — все знаю. Ни в одном деле таких названий нет, как у водителей. Я барашка своего хотела назвать «акселератор», да заведующий не велит. «У нас, — говорит, — племенная ферма, а не автосбыт». Ничего он не понимает... Паша сегодня умаялся...
— Он приехал из города? — удивленно спросила Надя.
— Давно приехал.
— Что же ты тут стоишь? Почему не идешь к нему?
— А его мать меня выгнала, — отвечала Клава покорно. — Дай, говорит, ему поспать. Ну, я и ушла... Спит сейчас, милый.
— Устала я что-то сегодня, Клавка, — сказала Надя, проведя ладонями по лицу, словно умываясь.
Она попыталась сосредоточиться, но то же самое чувство, похожее на обиду, поднялось в ее душе.
— Сорняк из семи букв, — перебивая друг друга, галдели мальчишки, — по горизонтали... Погоди, я знаю: сурепка, коровяк... круглец...
— Пупавка, — сказал босой мальчик.
— Крапива... Василек...
— Икотник, — сказал босой мальчик.
— Липучка... Молочай...
— Ребята, давайте потише, — проговорила Надя и, посмотрев на полную румяную Клаву, добавила: — А ты, Клавка, тоже счастливая.
— Конечно, счастливая, — спокойно согласилась Клава, — только вот не знаю, как быть, когда женимся.
— А что?
— Да как же! Паша мечтает, когда женимся, чтобы бросила я работать на ферме и шла на курсы водителей. А я не хочу водителем. Я овечек своих люблю...
— А ты говорила ему об этом?
— Говорила. А он все равно велит на курсы идти.
— Вон он какой!
— Что ж, пойду на курсы. Муж велит, чего не сделаешь, — покорно проговорила Клава. — Я уж и так стараюсь привыкнуть, всем говорю, что мне названия нравятся, акселераторы разные, а сама ничего в них не понимаю...
Глаза ее стали наполняться слезами.
Надя посмотрела на нее, подумала и спросила:
— Ты не знаешь, он «Что делать» Чернышевского читал?
— Не знаю.
— Я дам тебе эту книжку, и вы почитайте ее вместе. Пусть посмотрит, как настоящие мужчины должны относиться к женщинам. Только, пожалуйста, чтобы он не курил, когда читает.
Люди постепенно разошлись. Только ребята все так же сидели на одном стуле и сочиняли название драгоценных камней. Наступило время закрывать библиотеку. В коридоре раздались шаги. Надя прислушалась. Шаги смолкли. Щелкнул амбарный замок. Хлопнула дверь. Потом шаги снова раздались в коридоре, и дверь распахнулась, не успев пропеть свою песенку. Вошел Леонид Михайлович, скуластый, худощавый, покрасневший от холода. Он был в плаще и в резиновых сапогах с отвернутыми вниз голенищами, как у д'Артаньяна в «Трех мушкетерах».
— Поздравляю вас, Надя, — сказал он и пожал ее руку своей твердой от холода рукой. — Извините, что так поздно. Павел без памяти спешил к своей Клаве и, не дождавшись меня, уехал. Пришлось добираться на попутных... Вот вам книги. — Он положил на столик стопку книг, перевязанную бечевкой, и строго добавил: — Я вас просил не зажигать свет на крыльце. Надо экономить электричество.
Надя взглянула на него и ничего не ответила.
— Вы что, устали? — спросил Леонид Михайлович. Он посмотрел на часы и покачал головой. — А мне еще к докладу готовиться. Агроном вернул вам первый том Сочинений Сталина? Дайте его мне. Пора закрывать библиотеку. Уже двенадцатый час.
— Еще не все посетители ушли. — Надя кивнула на ребят, склонившихся над кроссвордом.
— Орлы, марш домой! — сказал Леонид Михайлович. — Библиотека закрыта.
— Сейчас, — ответил мальчик в костюме, — вот только сорт каменного угля из восьми букв — и все.
— Антрацит, — сказала Надя.
— Подходит. Теперь русский мореплаватель из шести букв.
— Дежнев, — сказала Надя.
— Тоже подходит. Теперь драгоценный камень из пяти букв.
— Ступай сейчас же домой, драгоценный камень, — раздельно сказал Леонид Михайлович и, пропустив ребят, вышел вслед за ними. На улице стало темней. Наверное, завклубом выключил лампочку над крыльцом.
Надя развязала узелок бечевки и стала просматривать холодные книги. Книги были хорошие, редкие. Сверху лежала «Педагогическая поэма». Вдруг Надя заметила, что на обложках нет карманчиков для формуляров. Значит, литература не получена в коллекторе, а куплена в магазине. Неужели Леонид Михайлович купил всю эту пачку? Неужели он решил сделать подарок Наде и ее любимой библиотеке?
Надя вопросительно посмотрела на закрытую дверь и прислушалась. Шел дождь.
Она достала карточку Леонида Михайловича и долго рассматривала его размашистые, еще не совсем установившиеся подписи. Потом положила карточку на место, заперла библиотеку и пошла домой.

ТОРГОВЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КРОВЬЮ

(Записки корреспондента)

«Видели ли вы, как гибнет город?» — такой сенсационной фразой начинается статья корреспондента агентства Ассошиэйтед пресс некоего Бойла, напечатанная в американских газетах 9 ноября С чисто гангстерским цинизмом Бойл описывает варварскую бомбежку тихого корейского города Синыйчжоу. Сладострастно живописуя ужасы бомбежки, которые он наблюдал с воздуха в качестве пассажира одной из «летающих крепостей», Бойл с восторгом восклицает: «В наш век силы и скорости смерть может быть быстрой и ужасной! Глиняные стены разваливались на части, соломенные крыши горели, деревянные постройки были охвачены пламенем, люди умирали или бежали...»

К сожалению, Бойл не преувеличивает, описывая «подвиги» своих соотечественников. Да. Так было в Синыйчжоу, где в течение нескольких часов восемьдесят «летающих крепостей» сравняли маленький город с землей. Так было в цветущем Сеуле, превращенном сейчас в развалины. Так было в Пхеньяне, где на жилые кварталы летели бомбы весом в тонну...

Гангстер пера заключает:

«То, что должны были делать и делали эти бомбардировщики, было крайне важно и необходимо».

Разрушать, убивать, жечь настолько «необходимо» для американских интервентов, что они отдали летчикам секретный приказ:

«За вылет в воскресенье двойная оплата...»

Двойная оплата за кровь, за трупы, за развалины! Этот короткий приказ настолько воодушевил воздушных бандитов, что воскресенья в Корее поистине превратились в кровавые воскресенья.

Мне довелось беседовать на эту тему с пленным американским летчиком Дональдом С. Сирманом. Этот мастер кровавого бизнеса, видимо, был удивлен моей непонятливостью. Он взял карандаш, бумагу и черным по белому хладнокровно подсчитал, сколько он заработал бы на бомбежках в Корее, если бы не попал в плен.

— Я не сразу рассчитал, как это выгодно, и в начале войны потерял целых три воскресенья,— сказал он огорченно.

Формула, выболтанная на днях Бойлом о «необходимости» истребления мирного корейского населения и превращения Кореи в пустыню, была нами услышана значительно раньше — от рядовых американских солдат и низших офицерских чинов.

Сержант Морис Мильтон из Алабамы зарабатывал доллары на том, что сначала фотографировал корейские селения, а потом вместе со своими подчиненными жег их, снова фотографировал и продавал «экзотические» снимки.

Попав в лагерь для военнопленных, Морис Мильтон продолжал тупо и монотонно повторять формулу, которую ему вдолбило в голову начальство:

— Корейские села необходимо жечь. Такова инструкция.

Разум, воля, чувства — все у этих людей, одетых в американские мундиры, подчинено одному: бизнесу, неутомимой жажде доллара. Так и кажется, что где-то внутри у каждого из них запрятана счетная машинка вроде той, что установлена на такси. Одно убийство — пятьдесят долларов, два убийства — сто, десять убийств — пятьсот. И сладостное щелканье этой долларовой машинки заглушает для них стоны убиваемых, истязаемых жертв, плач детей, слезы матерей.

Но как жалко выглядят эти слуги доллара, когда они оказываются лицом к лицу со славными солдатами корейской Народной армии!

Нахальное, грубое животное Морис Мильтон, промышлявший «пикантными» фотографиями горящих домов, застывших в неестественных позах убитых людей, истерзанных, полуобнаженных корейских девушек, был взят в плен. Его нашли скорчившимся в углу одной из пещер, далеко в горах, куда он забился в страхе. Рядом с ним валялась полусъеденная сырая рыба, выловленная им в ручье. Он был близок к помешательству, этот молодчик, переодетый в корейскую одежду: он украл ее в доме, который он не успел сжечь. Этот представитель «американской цивилизации» рыдал и кидался на колени перед корейскими солдатами, которые с омерзением отворачивались от него...

Кавалер Золотой Звезды Герой республики воздушный асс Ли Дон Гю, сбивший десять «летающих крепостей», поведал нам об одном случае, который врезался ему в память на всю жизнь.

— Нам, вдвоем с товарищем, довелось подбить две «летающие крепости»,— рассказал Ли Дон Гю.— Американские летчики выбросились на парашютах. Мы увидели непередаваемое зрелище: заметив наши самолеты неподалеку от себя, все летчики, как по команде, подняли вверх руки и так и летели вниз. Это было отвратительно! Всегда противно видеть труса. Воздушных «гостей» уже ждали внизу наши партизаны. Когда мы, сделав посадку, пришли опросить пленных, партизаны протянули нам несколько деревянных дощечек. Эти дощечки пленные носили на груди, и на них было аккуратно написано на корейском языке следующее:

«Я богатый человек. Я хорошо вам заплачу. Дайте мне поесть, сохраните жизнь и помогите пробраться к своим».

Прошло недели две после этого разговора, и мы увидели одного из персонажей рассказа Ли Дон Гю — американского летчика, старшего лейтенанта Эрнеста Ривза.

— Многие из наших просят переводчиков написать на дощечках или просто на бумаге такие обращения к корейцам,— спокойно объяснил нам Ривз.— Ведь деньги — это деньги, и за них можно купить все...

В этих словах вся пресловутая американская «идеология». Может ли придти в голову всем этим дональдам сирманам, морисам мильтонам и эрнестам ривзам, хладнокровно переводящим на доллары человеческую кровь, что есть в мире вещи, которые на доллары не купишь: священный патриотический гнев народа против империалистических разбойников!

Корреспондент Юнайтед пресс Чипмэн пишет: «От сильного холода у американских солдат слезятся глаза. Они проклинают холод, проклинают Корею, проклинают армию». Добавим: не только проклинают! Все больше отмечается случаев, когда солдаты простреливают себе руку или ногу, чтобы быть отправленными в тыл.

Воевать в Корее становится все страшнее для американских охотников за долларами

«Усиливается партизанская война в районе Вонсана,— с тревогой сообщает агентство Юнайтед пресс.— Партизаны разрушили железную дорогу и уничтожили мост и транспортные помещения, находившиеся в двадцати милях севернее Вонсана. Они также атаковали американский артиллерийский отряд у Йонхына».

Корейские патриоты не дают американцам передышки ни днем, ни ночью. Неуловимые партизанские отряды появляются то там, то тут, наносят чувствительные удары по коммуникациям врага. Партизаны поджигают склады, взрывают мосты, сбрасывают под откос эшелоны с боеприпасами и живой силой, минируют дороги, на которых подрываются американские танки и автомобили. Свершив все эти акты справедливого возмездия, народные мстители исчезают так же незаметно, как и появились.

После очередной бомбежки...

Каждый город, взятый американцами и предварительно разрушенный ими с воздуха, каждый истерзанный город становится грозной, непобедимой крепостью народного сопротивления уже после того, как в него вошли части американских интервентов.

Так было в Сеуле, где каждый чердак, каждый подвал ощетинился стволами пулеметов, где из-под каждой подворотни в американцев летели гранаты, брошенные меткой рукой. Так было в Пхеньяне. Так повсюду, куда вступил грязный сапог американских оккупантов.

Рядом с корейским солдатом и партизаном стояли и стоят тысячи жителей, действующих с ними заодно, вместе с ними защищающих родину. Женщины доставляют воинам необходимые сведения, сообщают им, где находятся огневые точки врага, укрывают партизан в своих полуразрушенных домах, рискуя жизнью, приносят пищу и перевязывают раненых. Корейский народ продолжает мужественно бороться. Он не стал и не станет на колени перед врагом, он наносит ему беспощадные удары.

Ирина ВОЛК

Новая дорога

Рисуя образ своего читателя, который часто представляется ему юношей, почти мальчиком, молодой армянский поэт Геворк Эмин пишет:

. . . . — я не смею
Беспечно по свету бродить,
Лелеять пустую затею
И в песнях безвольно
грустить,
Вздыхать о небывших
потерях,
Писать кое-что, кое-как:
Ведь каждой строке моей
верит
Тот, маленький, с книжкой
в руках.

Ты слышишь меня,
неизвестный,
Далекий и близкий
дружок?!
Я знаю, что каждою
песней
И самой короткой из строк
Я должен помочь тебе
видеть,
Как годы борьбы хороши...

Стихотворение «Читатель», откуда взяты приведенные строки, говорит о высоком чувстве ответственности молодого «инженера человеческих душ» перед народом, о стремлении автора раскрыть перед читателем красоту нашего сегодняшнего дня.

Но, может быть, это только декларация? Подобные примеры нередки. И к чтению остальных стихотворений из книги Г. Эмина «Новая дорога» приступаешь с желанием утвердиться в чувстве симпатии к поэту.

Конечно, не все в этой книге равноценно. Некоторые стихотворения — «На улице Ленина», «Москве» и другие — слишком риторичны. В стихах о любви большое лирическое дарование Г. Эмина с трудом пробивается сквозь тенета шаблонных ситуаций; здесь поэт становится менее взыскательным к себе.

Но в целом эта книга — несомненная удача молодого поэта.

Своеобразие поэзии Г. Эмина в том, что в ней нашла многокрасочное, подлинно лирическое воплощение та новая дорога, по которой 30 лет назад пошел армянский народ.

Во многих своих стихах поэт остро полемизирует с теми, которые «хотят знать одну красоту цветов да еще, пожалуй, снегов»; поэт негодует, что в стихах у них не встретишь ни завода, ни колхоза, а только «губами красивых слов зацелованный Арарат».

Мы позволим себе усомниться: наверно, в стихах этих поэтов тоже есть и заводы, и колхозы, и многое другое, но только в порядке той самой декларации, о которой говорилось выше.

Поэтический же мир Г. Эмина играет всеми красками нынешней жизни. В его лирике отражены наши сегодняшние мысли, чувства, заботы.

Обращаясь к «другу архитектору», поэт раскрывает свои творческие устремления:

Я, как и ты, люблю
красу былого,
Но все же, друг мой,
наша радость в том,
Что памятники нашей
жизни новой
Мы на камнях былого
создаем.

Заключительная строфа стихотворения «Другу архитектору» — сокрушительный по своей поэтической логике аргумент против людей, погрязающих в изучении старины:

Когда бы предки
в давние столетья
Любили старину,
как ты сейчас, —
Кто создавал бы
памятники эти,
С которых ты теперь
не сводишь глаз?!

Говоря о Севане, некоторые поэты восхищаются древним храмом. Г. Эмин же любуется «простым чудом» — севанской электростанцией.

Оказавшись вблизи границы с Турцией, певцы Арарата славят по традиции его вершину. Совсем другим чувством продиктовано стихотворение Г. Эмина «На берегу Аракса»:

Два берега... Оба в уступах
и травах,
Им поровну солнце дарует
лучи,
Долина Масиса и слева и
справа,
Такие же камни, овраги,
ручьи.
И старый Аракс величаво
струится...
Но выйдем на берег — и
сразу поймем,
Что эта река — не простая
граница,
А грань между прошлым
и завтрашним днем.

Г. Эмин тоже обращается к родной природе, к истории Родины. Особенно часто представляются ему далекие дни 1920 года, которым он обязан тем, что может смотреть на другой берег Аракса, как на безвозвратно минувшее.

Все напоминает поэту об этих решающих днях в истории армянского народа.

Г. Эмин умеет заставить читателя почувствовать значительность такого, например, факта, что армяне возвращаются в СССР из эмиграции на пароходе «Россия» («К любимой отчизне, свободе и счастью корабль «Россия» нам путь проторил...»), он умеет с большой силой выразить историческую закономерность движения народов к коммунизму:

Красный ветер знамен над
Охотным шумит,
пролетая.
Человек сквозь колонны
спешит протолкаться
вперед.
Расступитесь! Дорогу
счастливому сыну Китая!
Он на Красную площадь
сегодня впервые идет.

Расступитесь! Я чувствую,
как его сердце трепещет,—
Ведь и мы волновались так
десятилетья назад,
Когда в буре знамен, что
над Красною площадью
плещет,
В первый раз Ереван
выходил на Московский
парад.

Высоким самосознанием советского человека проникнута книга Г. Эмина. В стихотворении «Вольфгангу Гете» поэт пишет:

Знаю, судьбы сплели все
народы
С нашей правдой и с
нашей судьбой.
Два стрелка из моей
третьей роты
Похоронены рядом с тобой.

Эти сдержанные, сурово-величавые слова говорят о незабываемом подвиге нашего народа, кровью своей завоевавшего счастливый сегодняшний день и еще более светлое будущее, «собственным корреспондентом» которого поэт, по словам Г. Эмина, должен быть уже сейчас.

Завтрашний день советских людей — это «счастье встретить в первый раз при коммунизме Новый год», счастье видеть освобождение многих, ныне порабощенных народов, торжество мира во всем мире.

Чтобы отстоять мир от посягательств воинствующих атомщиков, Г. Эмин стал его «солдатом». В борьбе с поджигателями войны родилось одно из лучших стихотворений поэта — «Бюллетень мира»:

Один за другим подходят
друзья,
Макают перо в чернила.
Стою я меж них,
вспоминаю я:
«Где это было?
Ведь это же было?»
Ах да, это было пять лет
назад:
В таком же строю едином
Расписывались за солдатом
солдат
На дымной стене
Берлина.
Народ заявляет: — Война
войне! —
Но если начнется война на
планете,
Кто знает еще, на какой
стене,
В какой развязавшей
войну стране
Появятся подписи эти...

В словах поэта звучит грозное предупреждение всем тем, кто пытается помешать народам идти новой, счастливой дорогой, хочет навязать им разрушительную войну.

Это стихотворение, написанное Г. Эмином в июле нынешнего года, лучше всего показывает, каких творческих успехов вправе ожидать читатель от молодого поэта.

А. ТУРКОВ

Геворк Эмин. НОВАЯ ДОРОГА. Стихи. Авторизованный перевод с армянского. «Советский писатель». М. 1950. 138 стр.

Поэзия освобожденного народа

Когда-нибудь люди
Счастливого племени,
Сойдясь к огоньку,
Под напевы дождя
Услышат легенды
О Сталинском времени.

Так пишет поэт Алекс Чачи в поэме «Сталин с нами», напечатанной в сборнике «Албанские поэмы». Сталинскому времени — счастливым годам, когда албанский народ стал свободным и вступил на путь новой жизни, — посвящены все четыре поэмы, вошедшие в эту книгу.

Авторы их — поэты старшего поколения Алекс Чачи и Марк Ндойя, молодые поэты Фатмир Гята и Лазар Силичи — активные участники героической борьбы албанского народа против фашистских захватчиков и местных феодалов.

Даже брошенные в концлагерь, как это случилось, например, с Лазаром Силичи, патриоты, говоря его же словами, «боролись и жили в казематах Дахау и в ямах Приштины».

Рассказывая о страданиях заключенных Приштины, Силичи гордо восклицает: «Но это не люди, упавшие духом! Нет, это таящий огонь арсенал!»

О том, как основанная в грозные дни испытаний коммунистическая партия Албании и героический пример Советского Союза придавали народу силы противостоять захватчикам, повествуют поэмы Л. Силичи «Наше солнце не померкнет» и Ф. Гята «Песня о партизане Бенко».

Победоносное наступление советских войск против фашистских орд дало албанцам возможность изгнать из своей страны оккупантов и провозгласить народную республику.

Славным трудом занят сегодня народ молодой республики — трудом на благо своей родины, которую он хочет видеть не только свободной, но и экономически сильной.

Этот путь нелегок: надо залечить нанесенные войной раны, преодолеть прежнюю экономическую отсталость страны, пресечь происки иностранных империалистов, греческих фашистов, титовцев и предателей — баллистов. Об одном из таких героических эпизодов непрекращающейся борьбы с врагами рассказывает поэма Марка Ндойя «На страже».

Албанский народ попрежнему постоянно ощущает бескорыстную, братскую поддержку великого советского народа, которая является залогом полного осуществления заветных чаяний албанских трудящихся.

И албанские поэты взволнованно выражают чувство бесконечной благодарности Советской стране, товарищу Сталину, чувство, живущее в сердцах освобожденного народа, для которого, по словам Ф. Гята,

Немеркнущей теплой
звездою
Сияет окно в Кремле.

«АЛБАНСКИЕ ПОЭМЫ». Перевод с албанского Д. Самойлова. Издательство иностранной литературы. М. 1950. 78 стр.

Атомная энергия и общество

Гигантские перспективы открывает перед человечеством использование атомной энергии в мирных целях, перспективы поистине революционных сдвигов в промышленности! Но отнюдь не эти задачи поставили перед собой американские атомщики. Их человеконенавистнические цели разоблачает американский прогрессивный публицист Джеймс Аллен в своей книге «Атомная энергия и общество».

Автор приводит характерное заявление органа американских «деловых кругов» «Бизнес уик»: «Основным моментом, определяющим промышленное использование атомной энергии, является то, что в США атомная энергетика никому особенно не нужна». Никому, разумеется, отмечает Джеймс Аллен, кроме народа.

Подлинные хозяева комиссии по атомной энергии — это американские монополистические группы Моргана, Меллона, Рокфеллера, Дюпона и других, тесно связанные с военным министерством США. Они выставили лозунг, подхваченный печатью и радио, — «Ни одного атома на мирные цели!»

Показательно, что американские власти вначале не оказывали поддержки видным европейским исследователям, которым приходилось бедствовать и за нищенскую оплату проводить экспериментальные работы. Только с момента, когда руководящие круги США поставили задачу применения атомной энергии в военных целях, были ассигнованы крупные средства на работы в области атомики, точнее говоря, в области усовершенствования атомной бомбы. Что же касается опытов по применению атомной энергии в мирных целях, то они, по словам Джеймса Аллена, в США ведутся черепашьими темпами, в ничтожно малых масштабах. И автор весьма убедительно показывает, что это обстоятельство служит ярчайшим примером вырождения науки в условиях капиталистического строя.

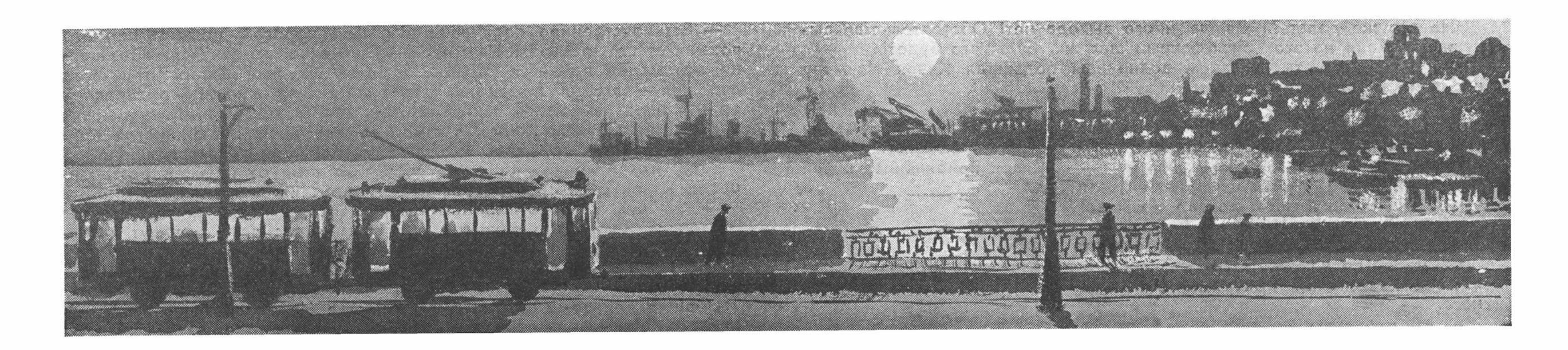
Все, что было потом, представляет собой политику шантажа американских империалистов при помощи мнимой монополии в области атомного оружия. Но, как известно, эта атомная дипломатия позорно провалилась. Оказалось, что никакой атомной монополии у США нет, что СССР тоже владеет атомным оружием. Угрозы со стороны американских империалистов не запугали ни Советский Союз, ни страны народной демократии. Эти угрозы лишь сплотили всех честных, простых людей земного шара в их борьбе против американских поджигателей войны, в борьбе за укрепление мира во всем мире.

Варварским целям американских атомщиков противостоят мирные, благородные цели Советского Союза. Несмотря на то, что СССР уже давно располагает атомным оружием, он попрежнему стоит за безусловное запрещение его применения и за установление строгого международного контроля.

«Мы в Советском Союзе, — говорил товарищ Вышинский на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (в ноябре 1949 г.), — используем атомную энергию не для того, чтобы накоплять запасы атомных бомб, хотя я убежден, что когда, — если, к несчастью, это случится, — они понадобятся, их будет столько, сколько необходимо... Мы поставили атомную энергию на выполнение великих задач мирного строительства, мы хотим поставить атомную энергию на то, чтобы взрывать горы, менять течение рек, орошать пустыни, прокладывать новые и новые линии жизни там, где редко ступала человеческая нога».

Д. УМАНСКИЙ

Джеймс Аллен. АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ И ОБЩЕСТВО. Издательство иностранной литературы. Москва. 1950. 127 стр.

В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

Повесть*

Михаил **МАКЛЯРСКИЙ**

Рисунки О. Верейского

ГЛАВА IV

Кларк встретился с Наумовой в один из августовских вечеров.

Наумова в этот день сильно задержалась в поликлинике, и ему пришлось понервничать: весьма рискованно было так долго кружить неподалеку от проходных ворот завода.

Смеркалось, осенний день быстро переходил в ночь. Очертания заводских корпусов, еще недавно резко выделявшихся на светлом фоне чистого неба, постепенно теряли свою определенность.

«Ну, что же,— утешал себя Кларк,— в таком опоздании есть и плюс: темнота — неплохой помощник в рискованном предприятии».

Кларк нервничал не только потому, что Наумова долго не шла и место, выбранное им для встречи, было не очень подходящим. Он боялся, что его попытка втянуть Наумову в разговор приведет к скандальному провалу.

Однако иного выхода не было.

Вакулов как объект вербовки был Кларком сразу же отвергнут. Жизнь Вакулова, проходившая на виду у всех, простая и ясная биография — все это устраняло какую бы то ни было возможность подступиться к врачу. «Нельзя же действовать очертя голову. Что же касается Наумовой... Впрочем, если рассуждать трезво, это тоже самая настоящая авантюра». Впервые он позволяет себе действовать так легкомысленно, и повинен в этом шеф, полковник Паттон, не пожелавший считаться ни с какими доводами. «Повинен полковник, а отвечать-то, если все пойдет прахом, буду я, Кларк. Начальство ведь никогда не ошибается».

Решение привлечь Наумову пришло не сразу. Поначалу Кларк гнал от себя и эту мысль. В самом деле, не было никаких оснований рассчитывать на эту женщину. Правда, по рождению она принадлежала к классу, враждебному большевикам, но с этим классом ее давно уже ничто не связывало, да и самого класса в стране давно уже не существовало. Она, видимо, еще в молодости решительно порвала со своей старой средой. Ярким свидетельством этого была работа Наумовой в деревне в тот острый исторический момент, когда большевики с поразительной смелостью стали осуществлять свою политику массовой коллективизации. В личном деле, копию которого с трудом достал один из «японцев», хранились вырезанные из газет селькоровские заметки о ее работе, пространная и положительная характеристика, выданная сельсоветом в связи с отъездом Наумовой в Москву.

Еще большее впечатление произвела на Кларка гибель дочери Наумовой в боях под Сталинградом. «Для этих советских фанатиков сталинградское сражение до сих пор является святыней... Нет, нет, лишь идиот может предложить этой женщине доллары или бегство в Америку! Пусть кто-нибудь другой попробует ловить на такую приманку, а я поостерегусь...»

Одно обстоятельство в жизни Наумовой вызывало слабую надежду на успех: женщина жила одиноко, необычайно замкнуто. У нее не было друзей, никто не посещал ее дома, она общалась с людьми только тогда, когда этого требовала работа. «Странный образ жизни!» — констатировал Кларк.

И все-таки попрежнему оставалось неизвестным самое главное: на какой струне можно было бы сыграть. «Страсть, ревность, любовь к драгоценностям и нарядам, жажда развлечений, тайные пороки... инстинкт материнства. Вот и все, кажется, что управляет женской натурой». Кларк нисколько не сомневался в глубине своего понимания женской психологии, но все эти сведения как-то не вязались с образом Наумовой...

И вдруг Кларка осенило: «А что если сыграть именно на погибшей дочери? Представим себе, что дочь вовсе не убита! Да, да, была ранена, а потом... попала в плен... была увезена в Германию, потом... попала в лагерь для перемещенных лиц в американской зоне оккупации...»

Однако бурно расцветшая фантазия Кларка увяла так же внезапно, как и пустила свой первый росток: «Откуда я знаю, что мать не располагает неопровержимыми доказательствами смерти дочери?» И все же Кларку не хотелось расставаться с заманчивой идеей воскрешения дочери Наумовой.

Внимательно перечитывая копию автобиографии врача, он обнаружил деталь, ранее не замеченную: Наумова, очевидно, не знала, как случилось, что ее отец остался в Бобруйске, оккупированном немцами. Она писала: «Видимо, по дряхлости не мог эвакуироваться». Если не удавалось воскресить дочь, быть может, удастся оживить отца? Вот тут-то и открывалась возможность завязать интригующий разговор. После многочисленных репетиций Кларк, играя и свою собственную роль и, по необходимости, роль Наумовой, создал следующий диалог:

«— Вы ошиблись, Ольга Эрнестовна! Я должен сообщить, что ваш отец жив и...

— Это нелепая мистификация!

— Не торопитесь опровергать, Ольга Эрнестовна. В ближайшее время, если вы пожелаете, я смогу вручить вам письмо, им собственноручно написанное...

— Мертвецы не умеют писать.

— Это справедливо, но похороны вашего отца в Бобруйске были инсценированы. Ваш отец жив, здоров и со всеми удобствами, приличествующими его возрасту и общественному положению, проживает в одном из лагерей для перемещенных лиц, находящемся неподалеку от Аугсбурга в американской зоне оккупации.

— Я отказываюсь верить...

— И все-таки это правда. Вы легко можете убедиться. Стоит только захотеть.

— Вы сказали, что похороны были инсценированы? Кем? И зачем это было нужно отцу?

— Затем же, зачем он остался в Бобруйске. Ваш отец был старым кадровым германским разведчиком и еще в первую мировую войну оказал «фатерланду» немало ценнейших услуг...

— Это он сообщил вам за чашкой кофе в роскошной вилле неподалеку от Аугсбурга?

— О нет! Американская разведка узнала об этом еще до личного знакомства с господином Армфельдом. Дело в том, что архив руководителей германской военной разведки адмирала Канариса и полковника Николаи в самом конце войны оказался в наших руках. Ваш отец остался в Бобруйске по прямому приказанию своих шефов. Он был необходим германскому военному командованию, а его блестящее знание лесных массивов Белоруссии впоследствии дало ему возможность сыграть выдающуюся роль в борьбе с партизанами.

— Нет, нет! Я не верю! Я достаточно знаю своего отца...

— Вот как? Вы покинули родительский дом еще в юности, и пути ваши с отцом так сильно разошлись...

— Это правда! Мы давно чужие люди... Но именно поэтому меня абсолютно не интересует все то, что вы рассказали. Ложь это или чистейшая правда — мне все равно!

— Вам все равно, а советским властям было бы небезинтересно... О, вы, кажется, ложно меня поняли! Мы не собираемся сообщать эти сведения кому-либо. Наша цель исключительно гуманная: связать престарелого отца с глубоко любимой дочерью. Но советские органы и сами могут отыскать конец нити. Ведь господин Армфельд почти два года пробыл в Белоруссии при немцах. Правда, он носил вымышленную фамилию Шмерлинг, но его мог кто-нибудь узнать...»

Кларку этот «драматический диалог» казался почти что шедевром. В нем был только один изъян. «Только!» — мысленно издевался над собой капитан. Он-то знал, что Наумовой нечего опасаться разоблачений, связанных с отцом, даже если бы они опирались на реальные факты. Она действительно могла сказать: «Меня это абсолютно не интересует, если даже это и правда», — сказать и прикончить разговор. При этом все его хитроумное предприятие рушилось, как карточный домик.

* Продолжение. См. «Огонек» №№ 46, 47.

«Но что же делать?.. Да, да, иного выхода нет! Обстоятельства вынуждают меня на этот рискованный шаг, и... будь, что будет!»

Легко представить, с каким волнением поджидал Кларк Наумову недалеко от заводских ворот.

Когда Наумова подошла наконец к трамвайной остановке, сумерки сгустились настолько, что Кларк с трудом разглядел ее лицо.

На остановке никого, кроме них, не было. Кларк приблизился к ней и, притронувшись рукой к шляпе, сказал:

— Если не ошибаюсь, доктор Наумова?

— Да,— ответила Наумова, бросив взгляд на Кларка.

— Я имею необходимость переговорить с вами.

Наумовой почудилась в голосе какая-то вкрадчивость... И еще что-то в речи незнакомца привлекло внимание. Она снова посмотрела на него.

— Вы работаете на заводе? — спросила она.

— О нет! Я...

— Имейте в виду,— перебила Наумова,— частных визитов я не делаю и на дому не принимаю. Если вы об этом хотели переговорить, то не трудитесь.

— О нет! Тема совершенно другая... Ольга Эрнестовна.

— Вот как! Вы даже знаете мое имя и отчество?

— Это есть маленькая деталь. Я знаю весьма много больше.

— Весьма много больше? — удивилась Наумова. «Вот в чем дело!.. Этот человек — иностранец».— Послушайте, гражданин, мне не нравится ваш...— Наумова запнулась, не найдя сразу нужного слова,— ваш многозначительный тон. Не имею ни малейшего желания продолжать столь нелепый разговор.

В этот момент она увидела ярко освещенный трамвай, подходивший к остановке, и быстро направилась к нему. Кларк, секунду помедлив, двинулся вслед.

Наумова уже схватилась за поручни и занесла ногу на ступеньку, когда услышала скороговоркой сказанные слова:

— Не делайте поспешных действий: я имею сказать несколько слов о судьбе вашего отца.

— Долго вы еще будете разговаривать?! — крикнула высунувшаяся из окна вагона кондукторша. Не получив ответа, она дернула ремень звонка.— Вагон отправлен!

Но ничего этого Наумова не слышала. Она отпустила поручни и поставила ногу на землю только тогда, когда вагон тронулся. Повернувшись к незнакомцу, она пристально вгляделась в лицо, на которое падал сильный свет из окон проходившего мимо них прицепа.

— Вы слышали правильно,— сказал Кларк,— о судьбе вашего отца.

«Где я видела этого человека?» — спрашивала себя Наумова.

— Может быть, вы согласитесь немного погулять? — Кларк махнул рукой в направлении уходящего трамвая.

— Хорошо! До следующей остановки,— согласилась женщина и широкими, мужскими шагами пошла вдоль трамвайных путей.

Ее согласие было для Кларка неожиданным. Догнав Наумову, он сказал на английском языке:

— Стоит ли так спешить?

— Не понимаю!

— Вот как? — выразил свое удивление Кларк уже на немецком языке.— Мне казалось, что вы хорошо знаете английский, но немецкий-то...

Наумова резко оборвала незнакомца:

— Мой родной язык — русский!

— Приношу мои извинения,— сказал Кларк, тщательно выговаривая русские слова.— Я более или менее... обладаю и этим языком. Однако здесь слишком много ушей, и по этой причине...

— Мой родной язык — русский! — голос Наумовой зазвучал угрожающе.

— Я не настаиваю,— миролюбиво произнес Кларк,— будем говорить на вашем родном языке.

«Чортова баба!» — мысленно выругался он, поспешая за женщиной...

Дальнейший их разговор поразительно напоминал «диалог», разработанный Кларком. Рассказ о жизни и деятельности старого Армфельда подходил к концу. Кларк уже успел бросить свою реплику об отсутствии у Наумовой оснований претендовать на исчерпывающее знание жизни отца. По замыслу автора «диалога», она должна была ответить: «Вы правы. Мы давно чужие люди...» и так далее. Но тут произошло нечто неожиданное: Наумова остановилась, повернулась всем корпусом к собеседнику.

— Я знаю вас,— сказала она.

— О!

— Да! Вспомнила все-таки!.. Однажды я видела вас в театре. Мне объяснили, кто вы.

Кларк опешил. Потом выдавил из себя:

— Я... люблю русское искусство... очень... балет... Я... с нетерпением жду открытия сезона...

— С чем вас и поздравляю! — перебила Наумова и, перейдя от насмешки к угрозе, прибавила: — А теперь, господин дипломат, примите к сведению следующее: если вы еще раз посмеете приставать ко мне со своими дурацкими баснями, я выведу вас на чистую воду... У нас это делается очень просто!

Последнюю фразу Наумова без запинки произнесла на английском языке.

Кларк вернулся домой взбешенным и одновременно сильно напуганным: вербовка скандально сорвалась, Наумова может осуществить свою угрозу, не дожидаясь каких-либо новых действий с его стороны. «Если она побежит доносить, там призадумаются, зачем я попытался заарканить эту бабу. Отсюда один шаг, чтобы разгадать мой интерес к Дмитриеву... Чортова баба!»

На следующий день Кларк встретился с другим «японцем», Агибаловым.

— Есть экстренное поручение. Вы, мой дорогой, должны немного позаниматься доктором Наумовой.— Он криво усмехнулся.— Возможно, что мадам придется убрать... Техника — на ваш выбор. Вы имеете два дня — сегодня и завтра... Не распускайте слюни! — прикрикнул он.— Я наравне с вами заинтересован, чтобы это был обыкновенный несчастный случай... Кстати, в Америке для таких целей иногда применяют тяжелый грузовик. Японские методы мне неизвестны...

Видя, что Агибалов не может придти в себя от крайней растерянности, Кларк с наигранной веселостью добавил:

— Ну, ну! Не надо так трагически воспринимать жизнь. Что вас тревожит? Даю слово офицера, что если на вас даже и падут какие-либо подозрения, я помогу. Вы будете запрятаны в надежное место, а потом тихо поплывете в Соединенные Штаты на американском корабле.

Прошло три томительных дня. Убийство Наумовой было подготовлено; «японец» остановился на американском методе: раздобыл пятитонную машину и выбрал место, удобное для инсценировки «несчастного случая».

«Расторопен!» — с удовлетворением подумал Кларк, но тут же уловил на лице Агибалова выражение неуверенности.

— Ну?! — резко спросил он.

Агибалов мялся.

— Выкладывайте все, что есть здесь! — сказал Кларк, постучав указательным пальцем по своему лбу.

— Еще день — два, мистер Кларк...

— Зачем? О, я вижу вас насквозь: вы трусите!

— Никак нет! — поспешил оправдаться шпион.— Необходимо уточнить маршруты.

Агибалов в самом деле считал необходимым понаблюдать за Наумовой, которую он, выполняя задание Кларка, видел только один раз издали, когда она, выйдя утром из дому, шла к трамвайной остановке. Правда, кроме этой мысли, была и другая: «День — два еще, а там — кто знает! — может быть, надобность убрать Наумову отпадет. Мне-то торопиться не к чему!»

Неожиданно для него Кларк согласился:

— Хорошо! В среду доложите маршруты, однако больше — ни одного часа. Так себе и зарубите здесь! — он притронулся указательным пальцем к носу.

У Кларка тоже были свои причины медлить — за эти три дня он не раз тщательно анализировал свою неудачу и в конце концов стал сомневаться в справедливости первоначального вывода: «Еще неизвестно, провал ли это. Слишком долго она со мной говорила... Подождем еще несколько дней. Если будет тихо, можно рискнуть на новую встречу».

В среду Кларк спросил Агибалова:

— Как маршруты?

— Все в порядке... но...

— Что еще?! — Кларк угрожающе посмотрел на шпиона.

Однако на этот раз Агибалов держался непринужденно.

— Прошу прощения, мистер Кларк,— сказал он с какой-то особенной интонацией,— но я, кажется, узнал эту женщину.

— Что означает «узнал»? — удивился Кларк.

— Да, я почти убежден... Нет, я уверен, что я ее знаю, хотя встречался только один раз в жизни, и это было давно... Это было в Петрограде в восемнадцатом году. Я тогда еще обратил внимание на ее мужеподобную фигуру... Она принесла мне письмо от английского лейтенанта Артура Гревса, который после провала заговора Рейли...

— Рейли?

— Да, Сиднея Рейли. Вам известно это имя?

— Еще бы!

— Так вот Гревс, вынужденный бежать из России, через эту женщину... тогда молодую девушку, прислал мне письмо с инструкциями...

— А кто был Гревс?

— Помощник английского морского атташе в России.

— И она знала, что содержится в пакете? — быстро спросил Кларк, заинтересовавшись этим неожиданным сообщением.

— Это мне неизвестно, но Гревс писал, что я вполне могу доверять ей.

Агибалов замолчал. Кларк нетерпеливо приказал:

— Дальше, дальше!

— Дальше?.. Вот, собственно, и все. Вы считаете, что это не имеет значения? — с удивлением спросил «японец».

— И на этом ваша связь с ней оборвалась?

Разведя руками, Агибалов сказал:

— Обстоятельства сложились так, мистер Кларк, что я должен был вскоре поспешно покинуть Петроград и выехать на юг, в распоряжение командующего Добровольческой армией генерала Деникина.

Кларк погрузился в размышления.

На другой день вечером Агибалов не без волнения нажал кнопку звонка у двери квартиры Наумовой.

Увидев незнакомца, Наумова почувствовала, как сильно забилось ее сердце. Внутренний голос подсказал ей, что это неожиданное посещение имеет связь с недавней встречей. Но она нашла в себе силу сохранить внешнее спокойствие.

— Гревс? Какой Гревс?

Агибалов напомнил ей о встрече в восемнадцатом году.

— Не помню,— решительно заявила Наумова. Она задумалась, потом сказала: — Вы явно ошибаетесь,— и иронически добавила: — Да это и не удивительно: слишком много утекло воды с тех пор.

Наумова внимательно смотрела прямо в глаза своему собеседнику, ничем не выдав своего волнения.

Излагая Кларку во всех подробностях свою беседу с Наумовой, Агибалов сокрушался:

— Разговор получился такой... Я даже не знаю, как его расценить...

Кларк хотел было поиздеваться над своим посланцем, но вспомнил собственную встречу с Наумовой и воздержался.

— Как расценить? — сказал он весело. — Подождем еще два — три дня... если вас не арестуют... Грузовик, полагаю, можно уже убрать. Дня через два — три еще раз потянем за ниточку.

Настроение Кларка улучшилось настолько, что в воскресенье пятого сентября он решил отправиться в оперный театр на открытие зимнего сезона.

В антракте Кларк поднялся на третий ярус, где была расположена курительная комната. У самого входа в курительную кто-то, обгоняя его, тихо сказал: «А вы действительно ценитель русского искусства».

Кларк чуть не выронил из рук портсигар. Он круто повернулся и хотел уже сбежать вниз по лестнице, но огромным усилием воли удержался от этого.

Тут же мелькнула мысль: «Она явно хочет что-то сказать мне». И Кларк заставил себя войти в курительную.

Наумова стояла возле урны, неподалеку от входной двери, и курила.

Закурив сигарету, Кларк подошел к урне, бросил в нее спичку. Женщина в этот миг шепнула:

— Послезавтра я весь вечер дома.

Кларк судорожно затянулся сигаретой и, еле передвигая одеревеневшие от волнения ноги, отошел.

«Что это?.. Ловушка?.. Тогда все пропало, и Паттон не простит мне этого, — лихорадочно размышлял он. — Но если ловушка, она бы вряд ли решилась вести себя так нагло... Подумать только!.. А если не ловушка?.. Тогда... Убей меня бог, если я что-нибудь понимаю!..»

ГЛАВА V

Наумова лежала на железной койке, аккуратно застланной светлокоричневым байковым одеялом, подложив руки под голову и закрыв глаза. Со стороны могло показаться, что женщина погружена в сон или спокойное раздумье. А между тем она не спала, и ее ум, всегда отличавшийся методичностью, сейчас не мог совладать с потоком мыслей.

«...Почему?.. Не я вынула ампулу, и не я открывала ее... Не может же Лазарева отказаться: у меня есть свидетель, Вакулов.. И этот неожиданный приход Вакулова! Это такое счастливое совпадение... Нет, никакой оплошности я не сделала... Почему же тогда арест?»

Наумова в сотый раз задавала себе этот вопрос...

Вчера, вскоре после того как инженеру Дмитриеву было сделано вливание, Наумова и Вакулов вместе ушли из поликлиники. Выйдя за ворота завода, они попрощались. Вакулов пошел на пляж, а Наумова дождалась трамвая и поехала домой.

На одной из центральных улиц она зашла в будку телефона-автомата, позвонила Кларку. Услышав его голос, сказала: «Говорит Раиса Васильевна. Вы меня слышите?» Из трубки донеслось: «О, Раиса Васильевна! Счастлив слышать ваш голос... Как дела?» Она ответила: «Задержалась на службе, сегодня было особенно много работы». В трубке раздалось какое-то восклицание и после небольшой паузы последовал вопрос: «Надеюсь, вы удачно сделали... все свои работы?» Она ответила: «Вполне! Через несколько дней будет посвободней, тогда увидимся. До свиданья!»

Повесив трубку, Наумова усмехнулась и мысленно сказала: «Забеспокоился американец!.. Чего, спрашивается? Случись что — одна я была бы в ответе!»

Она быстро добралась до дома, переоделась, села обедать и почувствовала, что есть не может: ей казалось, что пища издает отвратительный запах.

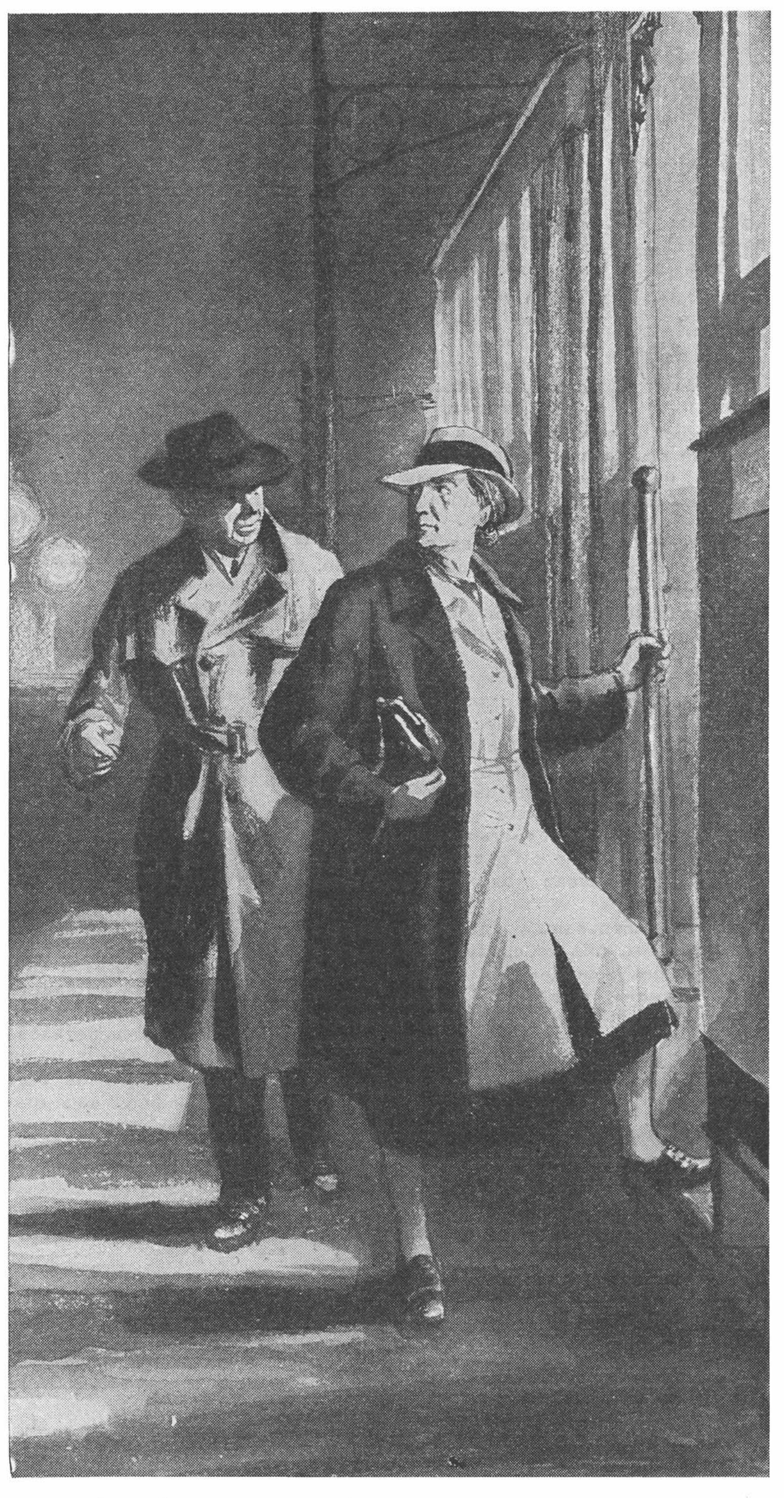
Предстояли долгие часы ожидания: ей должны же были позвонить, как только Дмитриев почувствует себя плохо. «Вызовут, конечно, меня, а не Вакулова: я сегодня смотрела Дмитриева... Впрочем, могут вызвать и обоих. Это даже лучше.. А может быть, лучше уйти из дома? Пусть возится один Вакулов». Но она решила остаться. Время тянулось медленно. Она бесцельно бродила по комнате, временами подходила к окну и подолгу смотрела на улицу, бралась за книгу, но не могла заставить себя понять то, что автоматически читали глаза.. А время все тянулось и тянулось...

Наумова теперь снова и снова задавала себе один и тот же вопрос: «Что же могло случиться? Почему я арестована?.. Неужели американец соврал, уверяя меня, что яд исчезает бесследно?.. Может быть, вскрытие обнаружило... Но почему меня не вызвали на вскрытие? Значит, еще до вскрытия я оказалась на подозре...»

И тут вдруг она отдала себе отчет в том, что лихорадочно работавший мозг завел ее в дикие дебри: «Какое вскрытие?! О чем я думаю?»

Стараясь рассуждать как можно спокойнее, она стала высчитывать время:

«Он сказал, что яд действует медленно — летальный исход наступит не раньше чем через двенадцать — пятнадцать часов... Так!.. Инъекция была сделана около трех... Смерть должна была, следовательно, наступить только под утро. Как же я могла забыть об этом?.. Допустим, что больной организм Дмитриева сопротивлялся слабо, и это случилось раньше — не через пятнадцать и не через двенадцать часов, а через десять, через восемь!.. Три плюс восемь... а за мной пришли?.. Да, конечно, за мной пришли, еще десяти не было... До смерти Дмитриева? Но это же нелепость! Значит, яд подействовал гораздо раньше... Может быть, уже вскоре после того, как я ушла из поликлиники, Дмитриев начал агонировать? Тогда все понятно... Он врал! Конечно, он все наврал, негодяй!.. Негодяй, подлец!»

Наумова вскочила и, не соображая, где она находится, устремилась было к двери. В тот момент электрическая лампа, освещавшая камеру, потухла. Из большого окна, заделанного решеткой, в камеру проник голубоватый свет занимающегося дня.

«Уже утро... С минуты на минуту надо ждать вызова к следователю, а я совсем не готова...»

Она опустилась на койку и снова стала лихорадочно обдумывать свое положение:

«Я не знаю, какие у них могут быть подозрения, но улик у них нет... Их нет и не может быть!.. Никто не видел, как я вчера утром открывала ящик. И не я вынимала ампулу для инъекции. Ее принесла и открыла Лазарева... Это может подтвердить и Вакулов. Лазарева и должна нести полную ответственность... Да, вот еще: надо следователю осторожно указать на то, что Вакулов пришел в поликлинику в свой выходной день. Зачем это ему было нужно?.. Кажется, рассудок мой приходит в норму. Это самое важное — быть спокойной и готовой ко всяким вопросам... А какие могут быть вопросы?.. В том-то и беда, что не знаю».

Наумова вытянулась на койке и снова подложила руки под голову. Высокий белый потолок камеры порозовел: солнце, поднявшееся из-за моря, посылало в город первые свои лучи.

«Будут, конечно, копаться в моей биографии, выискивать подозрительные факты...»

Наумова задумалась над своей жизнью.

«Дорого дал бы уважаемый гражданин следователь, чтобы узнать действительную и нигде не записанную историю моей жизни! — злорадно подумала Наумова. — Но он никогда, никогда ее не узнает! Разве только Гревс?.. Могла ли я думать, что он снова войдет в мою жизнь?.. Но даже если следователь и узнает о Гревсе, то что это ему даст?.. Может быть, отец...»

Мысли о Гревсе, об отце воскресили в ее памяти далекие годы...

Единственная дочь рано овдовевшего отца, Ольга Армфельд с детских лет обнаружила властный характер. Повзрослев, она прибрала к рукам весь дом, так что отец, наблюдая заведенные ею порядки, полушутя, полусерьезно говорил: «Угораздило же тебя, дочка, родиться девицей! Будь ты мужчиной, лучшего компаньона и наследника желать бы нечего». Но Ольга и не прельщалась перспективой ворочать пред-

приятием своего отца, хотя ей вовсе не чужды были его интересы. У нее на уме было другое.

Уже в ранней юности она создала целую систему жизненных взглядов и принципов, в непогрешимость которых верила больше, чем в догматы религии. «Покоряй всех, кто тебя окружает, властвуй над всеми, иначе они сами подомнут тебя» — такова была главная ее заповедь. Для среды, которая ее выпестовала, это была отнюдь не новая идея, но Ольге казалось, что она вполне самостоятельно дошла до этого «величайшего открытия».

Она уверовала в магическую силу богатства, управляемого трезвым и смелым умом. Богатство у нее было—солидный капитал, накопленный поколениями семейства Армфельд и помещенный в процветающее дело. У нее был, она в этом не сомневалась, трезвый и смелый ум. Оставалось неизвестным главное: на каком именно поприще собиралась Ольга Армфельд одерживать свои блистательные победы? Провинциальный Бобруйск — слишком жалкая арена.

Отпраздновав свое девятнадцатилетие, Ольга Армфельд решила, что медлить больше нельзя — нужно пускаться в большое плавание. Казалось, и время этому благоприятствует: была весна тысяча девятьсот семнадцатого года, Февральская революция нарушила веками освященный жизненный порядок, и для сильных, отважных людей открылись, по мнению Ольги, безграничные горизонты.

Сжигаемая лихорадкой авантюризма, она в мае ринулась в Петроград и здесь сразу же с головой погрузилась в столичную жизнь.

Как-то в одном из домов, куда ввела ее кузина, она познакомилась с лейтенантом Артуром Гревсом, помощником английского морского атташе. Гревс быстро разгадал ее честолюбивую натуру. Он рассчитывал, связав с нею жизнь, создать политический салон, за кулисами которого можно было бы заниматься тайными политическими махинациями. Капиталы господина Армфельда, авантюристические наклонности его дочери и, наконец, опыт и связи самого Гревса — это такое великолепное сочетание, что в нем следовало видеть знамение судьбы.

Октябрьский переворот был первым серьезным ударом, который нанесла жизнь Ольге Армфельд. Впрочем, она не сразу ощутила всю тяжесть этого удара. Ей, как и всем окружающим ее людям, представлялось, что пройдет немного времени, и власть Советов падет. Особенно поддерживал ее в этом убеждении Артур Гревс, находившийся в самом центре антисоветского заговора, организованного английским обер-шпионом в России Сиднеем Рейли.

Шел месяц за месяцем. Новая власть отобрала у отца капиталы, лишила ее того источника, из которого она намеревалась черпать силы для завоевания мира. Со всей страстью, на которую она была способна, возненавидела Ольга Армфельд большевиков. Исчез из ее жизни ее наставник и будущий муж лейтенант Артур Гревс. После провала заговора Рейли ему пришлось скрыться так поспешно, что он даже не успел проститься со своей невестой. Последнюю весточку от него Наумова получила через Агибалова. И с тех пор она больше ничего не слыхала о Гревсе. Она даже не знала, жив ли он.

И все же Ольга Армфельд не считала себя побежденной окончательно. Нужно было, не теряя времени, становиться на собственные ноги. Ольга Армфельд решила сделаться врачом. «Эта специальность не подвержена никаким превратностям жизни. Пока существует род людской и пока, следовательно, существуют болезни, врач всегда найдет себе применение».

В тысяча девятьсот двадцать четвертом году она окончила медицинский факультет Московского университета и была зачислена в штат университетской клиники. В этом же году она вышла замуж за Николая Харитоновича Наумова, вместе с ней получившего диплом врача.

Эрнест Людвигович Армфельд был извещен дочерью об изменении ее «семейного положения», а также и фамилии уже после того, как все совершилось. Впрочем, он не был удивлен запоздалостью сообщения: дочь давно уже доказала ему, что для «взаимной пользы» их жизненные пути должны скрещиваться как можно реже. И вот теперь он опять возник в ее жизни.

«Теперь будут, конечно, цепляться за все: от кого узнала, что старик остался в Бобруйске? Почему он остался? Что он делал при немцах?»

Наумова попыталась восстановить в памяти свои встречи с американским разведчиком.

Кларк вывел ее из состояния полнейшей апатии, которая наступила, когда гитлеровская Германия была повержена в прах. В эти дни всенародного ликования она заставила свой «трезвый ум» оглянуться назад. Обозрев ее жизнь, он вынужден был сказать: «Ты все время пыталась идти против силы, которая неодолима, ты упорствовала в этом всю свою жизнь. А теперь уже поздно: ничего исправить нельзя. Надо как-нибудь доживать свой век, ни на что не надеясь, ни о чем не мечтая».

Наумова уехала из Москвы сюда, к морю. Каждый новый день, в сущности, был повторением прошедшего: дом — поликлиника — дом, дом — поликлиника — дом. Встреча с Кларком нарушила это повторяющееся круговое движение.

Вначале она затрепетала от страха: «Опять против этой могучей силы? Нет, ни за что!» Потом, через несколько дней, возникло дьявольское искушение: «Ну, а если на этот раз все же попытаться? У Гитлера не хватило сил... А теперь? Во всяком случае, это последний шанс для всех, кто ищет гибели большевиков. Еще десять — пятнадцать лет, и уже никакая сила в мире их не одолеет!»

Приход Агибалова положил конец колебаниям Наумовой. Она пришла к выводу, что Кларк крепко держит в руках ее судьбу: «Повидимому, я так сильно нужна ему, что он постарался разузнать всю подноготную о моей жизни. Даже Гревса сумел откопать. Сопротивляться бессмысленно, да я и не хочу этого...»

Наумова гадала: зачем она понадобилась Кларку? «Вероятно, надо что-то разнюхать насчет завода. Что же, я готова, но при одном условии...» Условие, которое она намерена была предъявить Кларку, заключалось в отправке ее в Соединенные Штаты. «Именно там и именно теперь я смогу, наконец, сыграть свою роль. Там дозарезу нужны люди, хорошо знающие советскую действительность. Да, я для них буду настоящей находкой, настоящим специалистом по русским делам. И, быть может, хоть на закате моей жизни осуществится мечта юной Ольги Армфельд, когда-то навеянная лейтенантом Артуром Гревсом».

Вспомнив фразу Кларка о том, что он с нетерпением ждет открытия театрального сезона, она пошла в театр и подкараулила его около входа в курительную комнату. «Боже мой, как он тогда перетрусил!» Через несколько дней Кларк, сильно изменив свою наружность, пришел к ней на квартиру. Она насмешливо спросила:

— Вероятно, боитесь ловушек? Зря! У меня больше оснований не любить большевиков, чем у вас. Я это говорю для того, чтобы вы поняли, почему я решила пойти на встречу с вами... А теперь скажите, положа руку на сердце, это правда, что вы говорили об отце? Теперь любой ваш ответ ничего не изменит.

Кларк все же побоялся сознаться в своей лжи, клялся, что сказал правду, и обещал доставить письмо отца. Он рассчитывал при этом, что ампула будет пущена в ход раньше, чем нужно будет выдумывать какую-нибудь новую басню.

— Ладно,— прервала его горячие уверения Наумова,— оставим пока эту тему. Перейдем к тому, что заставило вас искать знакомства со мной.

(Продолжение следует)

Охотники Аджарии

Ежегодно к концу лета в приморскую часть Аджарии прилетает много непрошенных гостей — ястребов-перепелятников. Скопление хищников в этих местах не случайно. Гигантские стаи птиц направляются в теплые края. Перепела имеют излюбленные места, своего рода станции, где кормятся и отдыхают, чтобы затем, со свежими силами, преодолевать немалые расстояния. Одной из таких перепелиных «станций» и являются приморские районы Аджарии. В сентябре, например, прибрежная полоса у Батуми буквально кишит перепелами. Здесь перелетных птиц и ожидают ястребы.

В Аджарии много любителей ястребиной охоты. На снимке вы видите одного из таких охотников — 66-летнего колхозника из артели имени Кирова, Батумского района, Ю. Вардманидзе. Свыше полувека ведет он ястребиную охоту. За это время им выдрессировано около ста ястребов, при помощи которых пойманы тысячи перепелов. Недавно опытный охотник принес домой 136 перепелов — добычу нескольких часов.

В артели села Мнатоби, Батумского района, среди страстных любителей ястребиной охоты славится семья колхозника Х. Айозба. Колхозник Айозба и пятеро его сыновей ежегодно в сентябре вылавливают несколько тысяч перепелов. В нынешнем году эта семья обязалась сдать местному союзу охотников 3 тысячи живых перепелов.

Ю. Вардманидзе с прирученным ястребом.
Фото Н. Анастаснади

Успешно идет охота и на зверя. В республике организовано несколько десятков бригад охотников, которые истребляют волков, гиен, медведей, рысей, шакалов.

Большой известностью пользуется охотник на медведя колхозник села Ахалшени, Батумского района, О. Вердзадзе. Он почти никогда не возвращается с охоты без добычи. Местные медведи очень любят полакомиться молодой кукурузой и фасолью. Вердзадзе пользуется этим обстоятельством. Высоко в горах он засевает кукурузой и фасолью небольшую поляну — медвежье поле, как он ее называет. Когда урожай созревает, медведи тут как тут. Здесь их уже ожидает притаившийся охотник. Однажды на этом поле О. Вердзадзе удалось убить медведя, медведицу и медвежонка.

За 9 месяцев нынешнего года охотники Аджарии истребили 44 волка, 280 шакалов, 32 медведя, 30 диких кошек.

С. ХОДЖАЕВ

Объединенный ордена Ленина колхоз имени А. И. Микояна (Эчмиадзинского района, Армянской ССР) выделил шесть с половиной миллионов рублей на строительство Дворца культуры. На снимке (слева направо): архитектор Сос Манукян, председатель колхоза Егия Маркарян, начальник строительства Саркис Исаян и парторг колхоза Николай Потеян на строительной площадке Дворца культуры.

Солистка Государственного ордена Ленина театра оперы и балета имени А. Спендиарова Гоар Гаспарян в роли Ануш в одноименной опере А. Тиграняна.

Фото Дм. Бальтерманца

МЕХАК ХАЧАТРЯН

Анаид САИНЯН

Деревня, где он родился, называлась Кёса[1]-Махмад. Почему она звалась так, крестьяне толковали разно: вероятнее всего, давнишние жители назвали деревню по имени всем им известного безусого Махмада или из-за скудости растительности вокруг деревни.

Земля здесь большей частью — необработанные, каменистые пустыри. Уже весной, как только, бывало, стает снег, наступала жара, и от ветров, со всех сторон хлещущих, опалялась земля и гибли ростки зелени.

Едва увидев свет, Мехак стал привыкать к тяжелому труду, который вкладывали крестьяне этой деревни в обработку полей. Крестьянин иссыхал, выматывался, орошал землю слезами и потом, пока зерно давало росток.

Медленно вырастали колосья. Они были тощими, хилыми, как рахитичный ребенок. Но земля не могла дать больше. А иной раз наступала засуха, появлялась саранча или обрушивался злобный ветер с дождем и градом, будто он, затаившись, дожидался созревания нив, чтобы наброситься на поля и пожрать все плоды труда крестьянина.

Оставались тогда пустыми клети, овины, ясли. Основной пищей скота на зиму была солома, но и ее не хватало.

Между тем для армянского крестьянина мычание голодного скота так же невыносимо, как плач голодного ребенка. Мехак берет ребенка на руки, баюкает его, рассказывает сказку про азаран-бюльбюль[2], чья песня превращает пустыню в райский сад, рассказывает про дочь пастуха, на которой женится добрый королевич, оценив ее ум и красоту, рассказывает про волшебный жезл, который получает в воздаяние за добрый поступок бедный человек, и стоит ему пожелать — чего-чего только не появится перед ним по одному удару жезла! — и... засыпает ребенок на руках у отца с улыбкой на губах, погрузившись в мир сладких сновидений.

Мычит в хлеву голодная корова, Мехак подходит к ней, ласкает ее, а она лижет пальцы хозяина, заглядывая в его глаза так жалостно, что будь у Мехака камень в груди — и тот растаял бы, но как может Мехак накормить голодную скотину?

Лишившись урожая, Мехак, прежде чем подумать о хлебе для детей, заботился о корме для скота. Завернув в платок скудную пищу на два дня, подвесив узелок к поясу, он вскидывал на плечо косу и шел в дальние горы косить сено.

Проходили пять дней, неделя, начинала тревожиться жена. Утром просыпалась она, напуганная страшными сновидениями, и, поручив соседке детей, шла по следу мужа. Шагала целый день. Заходило солнце, спускался вечер, а она блуждала между гор и уставшим, хриплым голосом звала:

— Меха-ак! Э-гей, Меха-ак!..

Но вот мелькнет на одной из круч, на кромке обрыва, фигура Мехака: невысокий, согбенный с детских лет непосильным трудом, с искривившимися ногами, со спутанной бородой.

«Эх ты, женушка, на помощь пришла»,— думал с благодарностью Мехак, но, скрыв это чувство под внешней строгостью (ему почему-то казалось, что нежность несовместима с его тяжелой долей и нищетой), сердито гремел с высоты:

— Эй, баба, здесь я, в чем дело?..

Жена карабкалась к нему наверх, но он сам быстро спускался вниз, перескакивая с утеса на утес.

— Бог как будто нарочно устроил так, чтобы отдалить от нас все добро: самая хорошая обильная трава вон на тех утесах, куда и чорт не ступит,— говорил он, указывая пальцем на высоту, откуда только что спустился. Потом он расспрашивал жену о доме, детях, показывал у подножья горы стог сена, который скосил по травинке, брал у жены скудную еду и снова карабкался на уступ.

Потом он возвращался домой и, сев на арбу, уезжал за сеном. А на следующий день, снова вскинув на плечо косу, отправлялся в хлебные районы наниматься в косари.

Присоединившись к группам таких же, как он, работников, Мехак подходил к берегам Гехамского моря[3]. Судно забирало путников и, разрезая студеные прозрачные волны, выносило их на водную гладь озера.

Ни Мехака, ни его спутников не привлекали, не радовали синие волны Севана, солнечные блики, безоблачное, голубое небо.

— Столько воды на вершине,— шептал Мехак,— среди этих гор, а внизу высыхают плоды и деревья, сгорают нивы, вянут колосья.

Единственная река вытекает из этого моря, и та, как нарочно, словно на зло людям, сброшена в глубокие ущелья, чтобы не помогать никому. Как разъяренный зверь, шипя и брызгая пеной, стремительно несется она вниз.

* * *

Как-то в зимний день 1930 года в деревню пришел докладчик и рассказал о намеченных советской властью планах, по которым должна была быть исправлена несправедливость природы. Русло реки Занги должно измениться, река будет выведена из ущелий, пропущена через тоннели, отведена в равнины; на ней будут построены электростанции и каналы, чтобы оросить безводные земли, чтобы зацвели пустыни. Мехак не очень силен в грамоте, но он глубоко верил в науку и в ученых людей. И ему было ясно, что то, о чем говорил докладчик, не сказка, а живое дело, которое нуждается в его, Мехака, помощи.

И вот Мехак вызвался работать. Он одним из первых ступил на строительную площадку Канакерской ГЭС, сначала как бригадир на вспомогательных работах, затем, когда началась проходка тоннеля, — как тоннельщик.

Вскоре его бригада стала одной из лучших на строительстве. Осмотрительный, смелый, настой-

Воды озера Севан через реку Зангу спускаются к выжженным полям Араратской долины. На своем пути они приводят в движение электростанции. Это дало возможность построить и развить армянскую промышленность, механизировать труд колхозного крестьянства, залить светом города и села Армении.

Сейчас продолжается строительство новых гидростанций.

На снимке: проходчики тоннеля одной из станций Севанского каскада — бригадир Арам Казарян (слева) и Людвиг Погосян.

---

1 Кёса — безусый, безбородый.

2 Азаран-бюльбюль — Жар-птица.

3 Так называлось встарь и сейчас называет народ озеро Севан.

Моя улица

Ашот ГРАШИ

Улица —
моя.
Дома —
мои.

Маяковский.

Как важно, чтоб ученый написал
Историю родного Еревана!
Какой неоценимый материал
Для очерка, поэмы и романа —
Улица Баграмяна!
Мой друг, прошу, внимательно взгляни:
Прекраснейшая улица столицы
Растет,
Она нова, как наши дни,
И песнь о ней еще должна родиться.

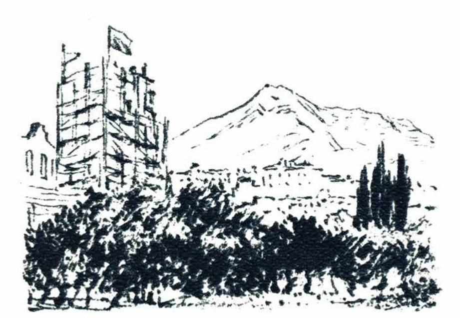
Как прав был планировщик-архитектор:
От Сталинского светлого проспекта,
От сердца Еревана, мчится вдаль,
На Арабкир, большая магистраль.
Здесь то же, что по всей родной стране:
Как башни мира — вышки новостроек,
И дух строителей неукротим и стоек,
И флаги алые в голубизне.

Вот эти флаги в синей вышине,
И вышки,
И широкие плакаты
Всем говорят:
— Мы дружбою богаты!
Строитель! Чем ответил ты стране!..
Нам нужен дом,
Большой, многооконный.
Последнюю хибарку мы снесли,
И старый мир, в хибарке воплощенный,
Сошел с лица земли.

Маляр и плотник,
Каменщик и слесарь,
Мир укрепляйте доблестным трудом!
Из дерева, из камня, из железа
Скорее воздвигайте новый дом.

Вглядись в дома на улице любимой,
Строитель их воздвиг в короткий срок.
На вышке, в синеве непостижимой
Трепещет и горит флажок.
В домах простых, но светлых, величавых
Мои соседи и друзья живут.
Их всех сдружила трудовая слава.
Каких профессий не найти нам тут!

Мы у крыльца базальтового дома.
Войдем в квартиру, где живет знакомый
Шофер с семьей.
Пришел с работы он.
В передней на гвозде комбинезон.
После обеда нас ведет шофер
В тенистый сад.

Цветами наших гор,
Черешней, персиком и абрикосом
Шофер украсил сад свой небольшой.
Пристрастен он к армянским розам,
Что дышат свежестью и жаркою весной.

А здесь живет, прекрасна и скромна,
Даниэлян, как ласточка Армении.
Услышу я актрисы нашей пение,
И на сердце — веселье, свет, весна.
А здесь — электрик с нашего Севана.
Его я с книгой вижу постоянно.
Чтобы наукой осветить свой труд,
Заочно он окончил институт.

А здесь живет поэзии отрада —
Исаакян, наш мастер, наш варпет [1].
Здесь — каменщик Каро.
Он со своей бригадой
Возвел немало стен.
Недаром горсовет
Квартиру дал ему в одном из тех домов,
Что строил он...

Под этот милый кров
Войди, мой друг:
Живут здесь брат и мать
Хачатуряна, — должен бы ты знать
Его сюиты, песни и поэмы
На многочисленные темы.
В его мелодиях родной простор,
Они бурлят, как реки наших гор.
Когда я слушаю поэму «Сталин»,
Передо мной встает советский век,
И наш родной советский человек
В неизмеримые шагает дали...

Перевел с армянского Лев ОЗЕРОВ

[1] Мастер (по-армянски).

чивый в труде Мехак Хачатрян становился вместе со своей бригадой на самые ответственные участки прокладки тоннеля.

Прошли годы, и он научился читать чертежи, с полуслова понимать прорабов; не зная формул сопротивления материалов, чувствовал внутреннюю закономерность распределения сил, их равновесия. Бригадир накладывал узду на коварные силы, со всех сторон давящие на тоннель.

И в списке рабочих, представленных к наградам, первым стояло имя Мехака Хачатряна.

Закончив работы на Канакер-ГЭС, Мехак вместе со всем строительным коллективом отправился на следующий объект — на сооружение другой гидростанции.

Стройка велась в исключительно трудных геологических условиях. Тоннель, протяжением в пять с половиной километров, прошел целиком сквозь подземные плывуны. Там, где был слабый грунт, вода размывала стенки тоннеля и затопляла его; там же, где грунт был твердым, вода быстро расшатывала породу и громадные обломки скал заваливали тоннель. Мехак Хачатрян со своей бригадой крепильщиков всегда становился там, где угроза была реальнее всего: по стенкам выстраивались столбы и поверху они крест-накрест скреплялись бревнами. Стихии преграждался путь.

Был период, когда в тоннеле из-за нехватки леса перешли на металлические крепления. Однажды под разрушительным действием подземных вод сорвался большой кусок скалы и, давя всей своей тяжестью на металл, согнул его. Глыба угрожала завалить тоннель.

Мехак Хачатрян вызвался влезть между согнувшейся конструкцией и опустившейся на нее скалой и поставить бревна. Опытный глаз и знание дела придавали Мехаку решительность. К мастерству присоединилась смелость. И Мехак выполнил задачу.

Станцию сдали в эксплуатацию. Верховный Совет СССР, высоко оценив героический труд коллектива, наградил многих орденами и медалями.

В праздничном, украшенном цветами и знаменами зале клуба председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР вручил Мехаку Хачатряну орден Ленина.

Вскоре Мехака навестили его односельчане, чтобы от имени всей деревни поздравить с высокой наградой.

Предложив гостям стулья, Мехак выслушал теплое приветствие земляков, потом, исполняя их желание, обратился к жене:

— Сируш, принеси орден, пусть посмотрят.

Жена прошла в другую комнату и вернулась со всеми наградами, которые в разное время получал Мехак за два десятка лет своей трудовой деятельности. В красивом переплете лежали почетные грамоты Верховного Совета Армянской ССР и общественных организаций; в коробках — медали: «За трудовое отличие», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией». Одну коробку Сируш несла особенно бережно, на правой ладони. Когда грамоты и медали были рассмотрены, жена вынула из красной коробки орден Ленина.

Один из крестьян, почтительно разглядывая орден, как бы сомневаясь, достоин ли он притронуться к нему, сказал:

— Спасибо тебе, Мехак. Это честь не только тебе — ты прославил все наше село. Желаем, чтобы ты увидел ордена у всех своих детей.

Жена Мехака, смуглая тоненькая женщина, перебила его со смехом:

— Желать, так пожелай и мне.

— Разве полученного тобой не довольно, чтобы на равных правах стать с ним рядом? — ответил крестьянин.

Женщина не успела возразить, как стоявшая возле нее дочка, десятилетняя Розик, кинулась в другую комнату и принесла ордена: «Материнская слава» 1-й и 2-й степени и орден «Мать-героиня».

— Нет, не довольно, — сказала, улыбаясь, женщина. Лицо ее сияло гордостью и счастьем.

Словам матери, казалось, улыбнулись два ее сына в военной форме, которые смотрели с больших портретов на стене...

Потом разговор перешел на другую тему. Односельчане рассказывали Мехаку о невиданном урожае картофеля в этом году. Раньше они сеяли только зерно, а когда деревня получила воду, то широко развернулось и огородничество, земля полюбила картофель. Они рассказывали о новом большом канале, об электрических столбах, которые выстраивались вдоль полей, о новых массивах земли, об электрификации сельскохозяйственных работ.

Преобразилась бывшая деревня Кёса-Махмед. Вместе со старым обликом она откинула и старое название и теперь носит имя одного из славных героев народного восстания 1920 года, имя Бадикяна, который пал в борьбе за народное счастье.

Мехак слушал, прищурив немножко усталые, улыбчивые глаза. Сияло его ясное, румяное лицо. Он не прерывал односельчан, не говорил им, что все это известно ему, что с того дня, как он ступил на строительство, он хоть и издали, а помогал своим трудом родной деревне.

И как еще предстояло измениться некогда жалкому Кёса-Махмеду!

Вот Мехака дожидается стройка следующей станции. Чего только не расскажут, придя к нему, односельчане о своем селе, когда будет завершена и эта стройка!

Перевод с армянского
Евг. МЕЛИКЯН

В БРЯНСКОМ ТЕАТРЕ

На столе у главного архитектора города Б. П. Шавырина лежит альбом фотографий. Это виды старого, дореволюционного Брянска. Маленькие деревянные домишки, грязные улицы. А на стенах проектной мастерской большие панорамы, планы, рисунки нового, возрожденного после войны Брянска. Многие из изображенных здесь строений возвышаются уже на улицах города: пятиэтажные, окрашенные в светлые тона жилые дома, здания обкома, лесохозяйственного института, величественное здание Брянского областного драматического театра.

Год тому назад — в день, когда жители Брянска праздновали шестилетие со дня освобождения города от фашистских варваров,— торжественно раздвинулся занавес театра-дворца. Город вновь получил свой театр.

И вот недавно труппа театра отметила первую годовщину. За это время коллектив сумел не только познакомиться, но и сродниться со зрителем, стать для него любимым и нужным. Каждая новая постановка — немаловажное событие в жизни города, и поэтому театр тщательно продумывает свой репертуар.

В репертуаре театра не было пьесы о людях, борющихся за высокий урожай, а освещения этой темы требовал зритель. Так появился спектакль В. Пистоленко «Дубовы».

Все улыбалось в жизни Денису Дубову; хорошо было и то, что он, деревенский парень, заканчивал сельскохозяйственный институт, и то, что он свою давнюю мечту о многолетней пшенице воплотил в дипломе, и то, что его любила Наташа, и то, что они вместе собирались поступить в аспирантуру.

И вдруг диплом забракован, Дубов лишен аттестата. В числе ярых противников взглядов Дубова — известный ученый, профессор Коптелов, отец Наташи.

Так начинается спектакль о молодом мичуринце, видевшем силу науки в служении народу.

Коллективу исполнителей и постановщику А. Я. Шумилину удалось создать интересный спектакль. Художник И. Григорьев со вкусом оформил постановку. Недаром так аплодируют зрители, когда видят в финале участок пышно заколосившейся пшеницы. Они приветствуют осуществление мечты Дубова.

* * *

...Пятнадцать спектаклей показал театр за свой первый сезон; из них десять — пьесы советских драматургов.

В многочисленных отзывах в местной прессе, выступлениях на зрительских конференциях с особой теплотой отмечалась работа молодых актеров. Молодежь здесь определяет лицо театра. Из 36 актеров труппы 20 молодых.

Л. Первова, Б. Райкин, Н. Басин, К. Вологдин, Р. Ростинин, В. Кузнецов, В. Андрианова — все это актеры, которым немного более чем по 20 лет, но брянский зритель успел узнать их и оценить созданные ими образы.

* * *

...До начала спектакля еще два часа, а зрительный зал уже освещен. Блестят золотые лепные украшения, мягко розовеют стены зала, алеет бархат кресел и портьер. На сцене воздвигаются декорации спектакля «Таланты и поклонники».

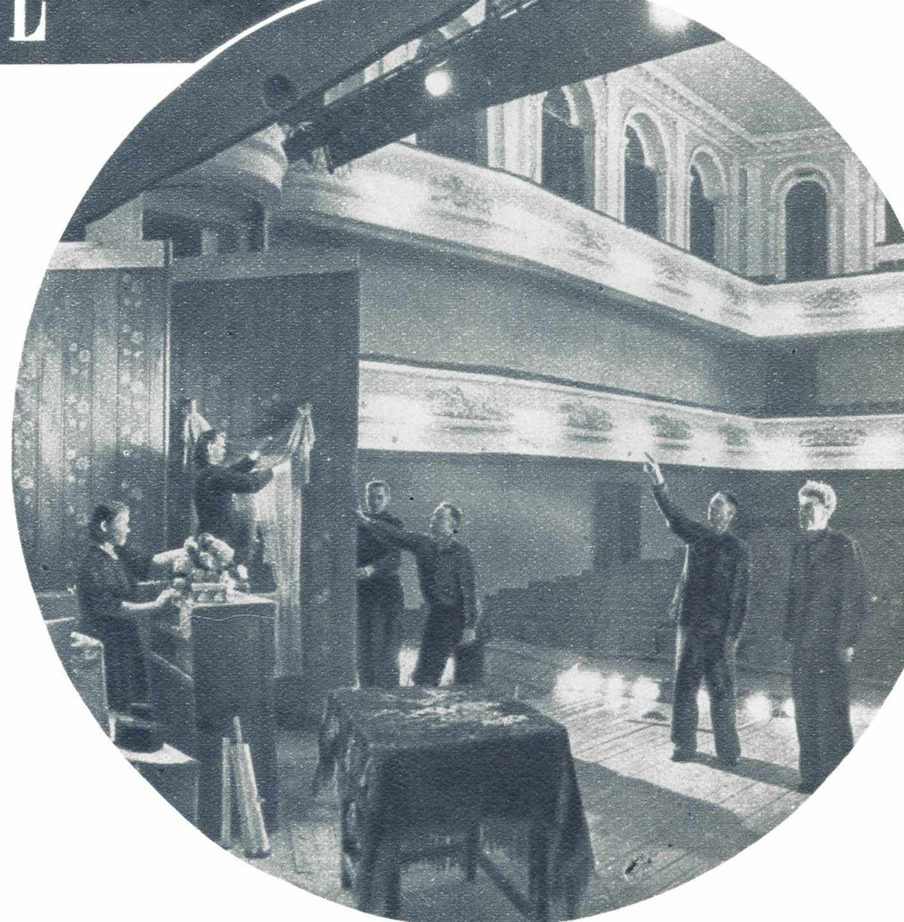
Большая площадь вертящегося круга позволяет за стенами комнаты Негиной уже к началу спектакля установить декорацию следующего акта. А в боковых широких «карманах» подготовлено все, что понадобится в течение спектакля.

7 часов 50 минут. Режиссер, ведущий спектакль, включает микрофон — и в технических цехах, в 35 актерских гримерных, в будке электроосветителей, в комнатах отдыха за кулисами разносится: «Внимание! Второй звонок. Включаю сцену! Актерам, занятым в первом действии, на выход!»

Спектакль начался, а за кулисами идут приготовления к следующей, новой постановке.

Недавно театр показал «Калиновую рощу» А. Корнейчука, и вот уже афиша извещает о новой премьере — пьесе «Люди доброй воли» Г. Мдивани.

В этом сезоне Брянский театр познакомит своего зрителя и с другими новыми произведениями советских драматургов — «Кандидат партии» А. Крона, «За здоровье молодых» В. Поташова. Затем он покажет пьесу М. Горького «Васса Железнова».

На сцене перед спектаклем «Таланты и поклонники» А. Н. Островского.

Фото Е. Умнова

Сцена из спектакля «Дубовы» В. Пистоленко в Брянском театре.

ФЛАГ АДМИРАЛА

СПЕКТАКЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕАТРА КРАСНОЙ АРМИИ

Зарисовки художника **В. ВЫСОЦКОГО**

Матрос Пирожков (артист Н. Сергеев).

Федор Ушаков (артист Б. Ситко).

Тихон Прокофьев, по прозвищу «Рваное ухо», (артист А. Иванов).

Н. ВОЛКОВ

Современник Суворова флотоводец Федор Федорович Ушаков справедливо назывался морским Суворовым. Он был не только новатором в деле морского боя, но и строителем военно-морского флота, создателем Черноморской эскадры. Его пытливый ум не довольствовался повторением стратегических и тактических приемов, которые к его времени стали рутиной. Ушаков отказался от тактики линейного боя, его не удовлетворяла «артиллерийская дуэль» двух флотов. Он был гением маневра. Планы ушаковских сражений до сих пор можно изучать как воплощение глубоких стратегических замыслов, виртуозных тактических приемов.

Драматург Александр Штейн написал об адмирале Ушакове историческую драму, назвав ее «Флаг адмирала». По существу, эта драма, поставленная на сцене Центрального театра Красной Армии, является своеобразной исторической хроникой, потому что из богатой событиями и подвигами жизни знаменитого адмирала взяты лишь отдельные факты.

Действие пьесы начинается с 1783 года, когда в Херсоне строились корабли будущего Черноморского флота.

Будучи капитаном второго ранга, Ушаков прибыл в Херсон в то время, когда там свирепствовала чума. Его блестящие организационные мероприятия не только обеспечили спуск на воду грозных кораблей и в первую очередь флагманского судна «Святой Павел», но и помогли ликвидировать страшную болезнь, уносившую ежедневно сотни людей.

Последние картины пьесы относятся к 1798 году. Ушаков тогда участвовал в Средиземноморском походе против французского флота Наполеона и совершил такой неслыханный, по мнению современников, подвиг, как взятие в 1799 году сильнейшей крепости Корфу на Ионических островах.

В конце пьесы Ушаков уже адмирал.

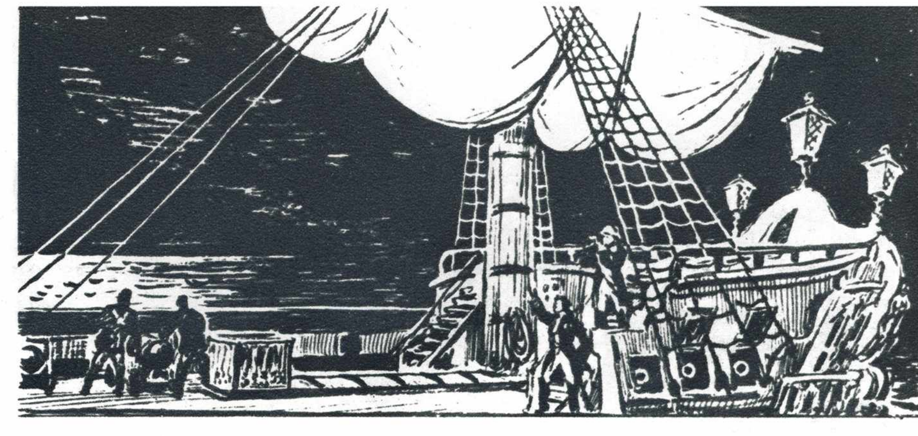
Драматург стремился всюду показать Ушакова как подлинного сына народа. Ушаков умел находить общий язык с простыми русскими людьми, и его всегда окружала любовь матросов и рабочих верфей. Ему были чужды всякие придворные «политесы» сухопутных моряков из адмиралтейской коллегии. Недаром его ценил один из своеобразнейших вельмож времен Екатерины II, Потемкин-Таврический, который обладал широким государственным умом и понимал, что России нужны и могучий Черноморский флот и талантливые флотоводцы.

А. Штейн справедливо выводит рядом с Ушаковым колоритный образ Потемкина (артист А. Хохлов), который всячески выдвигает Ушакова из среды придворной знати вопреки наушникам и доносчикам, вроде графа Мордвинова (К. Нассонов).

Вследствие растянутости времени действия пьесы она представляет как бы собрание отдельных исторических картин, переносящих нас то из Херсона в Севастополь, то из Петербурга на остров Корфу, то с палубы «Святого Павла» на флагманский корабль лорда Нельсона, то из России в Неаполь. Здесь и Екатерина II (В. Окунева) и Павел I (Р. Ракитин).

В борьбе с Наполеоном союзником России выступала Англия, но в этом «союзе» было со стороны англичан больше лютой вражды, чем подлинной дружбы. Недаром английский дипломат Уорд (М. Майоров) поручает своему агенту, корабельному подрядчику греку Орфано (Т. Бочарников), убить Ушакова. К счастью, покушение не удалось.

В пьесе подчеркнута резкая противоположность облика благородного русского адмирала и его талантливых сподвижников и ограниченного, узколобого политика лорда Нельсона, служившего орудием в руках самых реакционных и темных сил того времени. И если Ушаков дает освобожденным Ионическим островам респуб-

Сенявин, флаг-офицер, будущий русский адмирал (артист В. Зельдин).

Потемкин, генерал-фельдмаршал (народный артист РСФСР А. Хохлов).

Грек Орфано, корабельный подрядчик (артист Т. Бочарников).

Метакса, офицер, переводчик Ушакова (артист Л. Черток).

ликанское устройство, то жестокая фанатичка королева неаполитанская Каролина стремится огнем костров и виселицами подавить свободолюбивый Неаполь. Все это, конечно, трудно вместить в пределах одной пьесы, но драматург и Центральный театр Красной Армии, тем не менее, создают ряд ярких эпизодических лиц и отдельных сцен.

Очень интересна фигура матроса Тихона Прокофьева, бывшего пугачевца по прозвищу «Рваное ухо» (А. Иванов), которого Ушаков высоко ценит и всячески оберегает на своем корабле от угрожающей ему лютой казни. И рядом с Тихоном, хотя и коротко, но достаточно четко, обрисованы лекарь Ермолаев (П. Константинов), матрос Гордиенко (А. Петров), матрос Лепехин (С. Чекан), будущий русский адмирал Сенявин (В. Зельдин), офицер Метакса (Л. Черток).

С отличной сатирической заостренностью сделана группа лорда Нельсона (А. Хованский). Выживший из ума неаполитанский король Фердинанд (М. Перцовский), кровожадная королева Каролина (В. Попова), авантюристка леди Гамильтон (Л. Добржанская), льстивый царедворец Мишеру (С. Корнев) — все это запоминающиеся сценические портреты.

Сам Федор Ушаков в изображении Б. Ситко — прежде всего простой русский человек, внешне оправдывающий свое прозвище «медведь», а внутренне соединяющий острый ум с добрым сердцем. С каким достоинством и независимостью он говорит с иноземцами, как теплы и задушевны интонации его мужественного голоса, когда он беседует с матросами и корабельными мастерами!

Режиссура спектакля (А. Попов, Б. Афонин, И. Ворошилов) придала постановке «Флага адмирала» характер грандиозного живописного зрелища. Сцены морских баталий, спуск корабля, эскадра, стоящая на рейде, взятие Корфу — все это показано, как панорамы, декоративно и с большим искусством выполненные художником Н. Шифриным.

Пьеса и спектакль «Флаг адмирала», конечно, не исчерпывают биографии гениального флотоводца Федора Федоровича Ушакова. Но и в этих отдельных исторических картинах вы чувствуете Россию как великую морскую державу.

С гордостью звучат в спектакле вещие слова Ушакова, обращенные к морякам: «Попутный ветер вам, русские матросы! Да шумит ваша слава в веках!» И недаром на груди прославленных советских моряков сияет боевой орден Ушакова, учрежденный в честь великого флотоводца.

Фото О. Кнорринга

Любимая дочь

Невысокая девушка с университетским значком на лацкане жакета, чуть прихрамывая, подходит к своему рабочему столу и протезом правой руки пододвигает к себе пачку старых фотографий. С выцветшего, пожелтевшего снимка смотрит на нас худенькая девочка в больничном халате.

— Как, похожа? — спрашивает Анна Ильинична, и на мгновение жизнерадостное спокойное лицо ее становится напряженным и скорбным, очень напоминая лицо ребенка на фотографии.

— Детство... — продолжает она задумчиво.—Мало хорошего можно вспомнить о моем детстве.

Но все-таки, уступая нашей просьбе, Анна Ильинична Кучмина начинает рассказывать. Сдержанно, скупо...

Город Шахты. Многодетная рабочая семья. Раннее сиротство.

В жаркий и пыльный июньский день 1934 года, возвращаясь на трамвае домой, Аня Кучмина сорвалась с подножки и попала под колеса. Через несколько часов на больничной койке, сквозь тошнотворный привкус хлороформа и нестерпимую боль, до ее сознания дошло: изуродованные трамваем руки и левая нога ампутированы.

— Крепкий у девочки организм. Какую операцию выдержала! — говорил хирург, стараясь приободрить потрясенных несчастьем родных.

И он оказался прав, этот человек, с таким упорством боровшийся за жизнь подобранного на улице умирающего ребенка. Неиссякаемый запас энергии был заключен в крохотном, спеленутом бинтами тельце, на долгие месяцы обреченном на неподвижность, прикованном к постели.

С помощью сестер и сиделок девочка пробовала подниматься с койки, а потом и самостоятельно передвигаться по палате, прыгая на единственной ноге. Начиналась зима. Сквозь морозные узоры на оконных стеклах виднелись припорошенные снегом больничный парк, тихая улочка. Ребята возвращались из школы — сверстники Ани ходили уже в третий класс.

А она? Неужели никогда больше не сядет она за парту, не будет выводить по косым линиям тетради красивые, строгие буквы? Нет, так не должно быть!

В больнице Аня нашла вторую семью. Врачи и сестры заботливо ухаживали за ней, читали ей книги, приносили цветные карандаши, рассказывали, что и не имея рук можно выучиться писать. Да, да! Писать ногой.

Никто не сердился на Аню за то, что светлая стена около ее койки с каждым днем все более и более пестрела каракулями. Наоборот: и врачи, и сестры, и соседи-больные — все радовались первым самодеятельным урокам девочки. Новые друзья уже решили ее судьбу. Выздоровев, Аня не пойдет домой. Недаром главный врач возвратился из Новочеркасска таким довольным, сияющим: ему удалось добиться приема своей маленькой пациентки в школу-интернат для инвалидов-детей.

Из многих сел и городов были собраны в Новочеркасске ребята — жертвы несчастных случаев и уличных катастроф, изувеченные на всю жизнь последствиями болезней. Много страданий испытывал каждый ребенок, прежде чем попадал в эту необыкновенную школу, где педагоги умели сочетать нежность любящих родителей с требовательностью строгих наставников. Терпеливо и вдумчиво учили они безруких детей умению писать, развивали у безногих способность самостоятельно передвигаться. В психологии ребенка-инвалида постепенно исчезало сознание неполноценности, воспитывались воля к жизни, стремление к труду.

За три года, проведенные в Новочеркасске, Аня Кучмина стала отличницей, вступила в пионеротряд, кончила пятый класс с похвальной грамотой. «Хочу учиться дальше»,— решительно заявила она инспекторам Наркомата социального обеспечения, посетившим детдом. Девочку направили в образцовую школу-интернат в Переделкино, близ Москвы.

Москва!.. Сколько раз, бывало, отрываясь от любимых книг, уносилась Аня мечтами к великому городу, чье имя было для нее символом справедливости и доброты. Какой сказочно далекой казалась ей столица! А теперь вот с экскурсией переделкинских школьников, которую ведет учительница Б. К. Бродская, она шагает по Красной площади.

Давно это было, назад тому лет двенадцать, и, конечно, Анна Кучмина забыла этот короткий эпизод. А вот Берта Карповна помнит. Много подробностей, на первый взгляд мелких, но характерных по существу, хранит в памяти учительница-коммунистка Б. К. Бродская. До сих пор зовет она своих питомцев уменьшительными именами, хотя каждый из этих питомцев давно уже взрослый человек.

Врач Лев Чернявский, переводчица Галина Еременко, педагог Людмила Добронравова, техник Анатолий Перелыгин, бухгалтер Клавдия Калашникова и другие товарищи Анны Кучминой по переделкинской школе в свое время попали сюда, страдая тяжкими недугами. Это для них в тенистом парке подмосковной усадьбы советское государство выстроило просторный, светлый дом с лечебными кабинетами, мастерскими, классами.

Лечение физических дефектов шло параллельно с воспитанием и учебой. Доктора редкий день не присутствовали на уроках. Учителя не раз занимали места сиделок в палатах, становились рядом с хирургом к операционному столу, чтобы подбодрить ребят. Знающие жизнь, немолодые уже люди, они самоотверженно служили трудному и благородному делу. Глубоко вникая в душу больного ребенка, они быстро постигали особенности каждого детского характера, правильно оценивали врожденные способности своих воспитанников и умело эти способности развивали. И больные дети, так неразумно и зло обиженные природой и случаем, обретали действенный, творческий интерес к жизни.

Аня Кучмина стала в переделкинской школе активной комсомолкой, непременным организатором художественной самодеятельности, редактором стенных газет. Как любили одноклассники слушать ее доклады о жизни и творчестве писателя-большевика Николая Островского! Казалось, Павел Корчагин, оживая, сходил со страниц книги, призывая своих младших братьев и сестер бороться и созидать наперекор всем несчастьям и болезням.

Вот окончена семилетка. Выпускники переделкинской школы возвращались к родителям, поступали в техникумы и училища. Но Аня не покинула школу. Она осталась в Переделкине пионервожатой, продолжая заочно учиться в десятилетке.

Грянула война. Над подмосковным парком рвались снаряды зениток. Школу вместе со всеми ее питомцами эвакуировали в глубокий тыл. В селе Верхний Бор, под Тюменью, ребят разместили в крестьянских избах. Было холодно, временами голодновато. Но лишения только крепче сплачивали маленький дружный коллектив учителей и учеников.

Радио доносило в сибирское село новости с фронтов, вести о подвигах советских людей, защищающих Родину. Зоя Космодемьянская, Шура Чекалин, Лиза Чайкина!.. С любовью и благоговением повторяли школьники их имена. Юным патриотам посвящали стихи, в их честь устраивали вечера и концерты, им старались подражать в учебе и быту.

Всегда, даже в самые трудные периоды войны, далекая Москва помнила о юных питомцах, живущих в Сибири. Когда Анна Кучмина окончила десятилетку, Наркомат социального обеспечения вызвал ее в столицу для поступления в университет.

Уже на первом курсе филологического факультета избрала Анна Кучмина своей специальностью русскую литературу.

«Училась, как все»,— вспоминает Анна Ильинична студенческие годы, ни словом не оговариваясь, как тяжело было ей не отставать от сверстников. Зато с восхищением говорят об этом товарищи-студенты. Свою дипломную работу Кучмина посвятила большой и важной теме: «Проблема взаимоотношения искусства и жизни в эстетике Максима Горького».

«Целеустремленность, редкое в столь молодом возрасте умение вникать в суть изучаемого предмета, пытливый, ищущий ум, последовательность и принципиальность в суждениях»,— так характеризовал Кучмину профессор Николай Александрович Глаголев, рекомендуя ее на научную работу.

Сдав экзамены в аспирантуру, Анна Ильинична легла в клинику института протезирования.

— Занятия литературой, как известно, требуют умения писать,— поясняет она с шутливой улыбкой и подробно рассказывает о преимуществах нового, усовершенствованного протеза с движущимися пальцами.

Мы беседуем в квартире Анны Ильиничны, в одном из новых домов по Песчаной улице. В окно видны широкая асфальтированная магистраль, проложенная на месте былых пустырей, мчащиеся по ней автомашины.

Аспирант Московского университета Кучмина делится планами своих ближайших научных работ, вдохновенно и горячо говорит о будущем. Служить Родине! Матери Родине, для которой девочка из города Шахты всегда была и будет любимой дочерью.

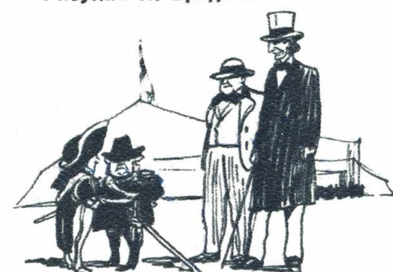
С. МОРОЗОВ

Американец об Америке

Авраам Линкольн (1809—1865 гг.) был президентом США в период гражданской войны Севера с Югом, в результате которой рабовладельческие южные штаты потерпели поражение. Линкольн во многом способствовал ликвидации рабовладения. Реакция жестоко расправилась с прогрессивным президентом: он был убит вскоре после того, как его переизбрали на второй срок.

Линкольн любил и ценил сатирическую литературу, сам считался одним из остроумнейших людей своего времени. Он зло высмеивал тупых генералов-дипломатов, консерваторов, врагов прогресса. Многие его высказывания до сих пор не потеряли актуальности.

Рисунки Л. Бродаты

ЭКЗАМЕН ДЛЯ ШВЕЙЦАРА

Один человек пришел к Линкольну с пачкой рекомендательных писем и попросил должность швейцара в конгрессе. Линкольн, вообще не любивший протекции и протеже, был возмущен еще и тем, что из-за такого пустяка ему пришлось отрываться от государственной работы. Он догадался, что его недоброжелатели нарочно подослали «кандидата в швейцары», чтобы посмеяться над президентом.

— Так вы хотите быть швейцаром конгресса? — спросил Линкольн серьезно.— А вы когда-нибудь служили швейцаром? Имеете опыт работы на этой ответственной должности?

— Нет... практического опыта не имею, сэр!

— Тогда теоретическую подготовку? Какие-нибудь лекции об обязанностях и этике швейцарского дела?

— Нет, сэр.

— Вы посещали занятия, кончили учебное заведение для получения звания «швейцар»?

— Ммм... нет...

— Может быть, самостоятельное изучение вопроса? Занятия с частным педагогом?

— Нет, сэр, боюсь, что нет, сэр...

— Так неужели вы не видите, что у вас нет ни одной причины, которая объясняла бы, оправдывала бы ваше притязание на столь важный пост?

— Да, сэр, вижу,— сказал претендент и ушел.

АМЕРИКАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Линкольн не любил своих многочисленных генералов, которые — за небольшим исключением,— воюя за Север, в душе сочувствовали Югу — рабовладельцам. Поэтому и успехи северян, находящихся под командованием этих генералов, были очень незначительны. Линкольн вынужден был терпеть плохих офицеров, так как ему некем было их заменить.

Когда в цирке Барнума выступали знаменитые лилипуты «Генерал Том» и «Адмирал Натт», президент пошел их посмотреть. После представления Линкольн сказал Барнуму:

— Я не понимаю, чему публика удивляется, глядя на этих крошечных генералов! Ведь у меня, Барнум, генералы еще меньше, клянусь вам!

* * *

Когда Линкольн получил известие, что несколько генералов и обоз мулов попали в плен к южанам, он воскликнул:

— Какая жалость! Ведь каждый мул стоит двести долларов!

* * *

Генерал Джордж Б. Мак Клеллан был сторонником «выжидательной кампании» и не ввязывался в бои с южанами. Однажды он получил от Линкольна послание:

«Мой дорогой Мак Клеллан! Если вам пока не нужна ваша армия, я хотел бы одолжить ее на некоторое время. С уважением — Линкольн».

Мак Клеллан ответил:

«Господин президент, вы считаете меня дураком?»

Линкольн написал на письме Мак Клеллана:

«Конечно, нет... Но я могу ошибаться...»

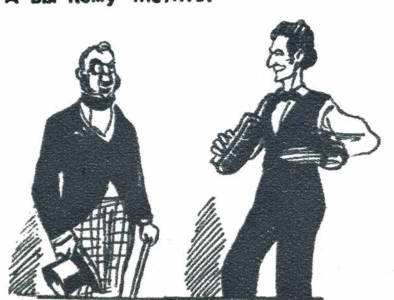
* * *

ВОПРОС К АНГЛИЙСКОМУ ДИПЛОМАТУ

Некий английский дипломат, пройдя в Белый дом, застал Линкольна за весьма прозаическим занятием: президент чистил ботинки.

— Как, господин президент! — воскликнул он.— Вы сами себе чистите ботинки?!

— Конечно,— ответил Линкольн:— А вы кому чистите?

«Мировой рекорд»

Репортеры бредят кроссом...
Под свистки и смех
Джонни Хэйвуд катит носом
Земляной орех...

Он в пути уже давненько,
В прессе говорят,
Что он полз на четвереньках
Много дней подряд.
Что без чувств он падал в поле,
Умирал в лесу,
Что орех натер мозоли
На его носу...
Что, должно быть, в этом марше
Он побьет рекорд
И что мистер Хэйвуд-старший
Сыном очень горд...
Что еще молокососом
Джонни дальше всех
Закатить мог юным носом
Земляной орех.

По гнилым бананным шкуркам
Медленно вперед,
По плевкам и по окуркам
Человек ползет.
За рекорд ему заплатят,
Ждет его успех!
Джонни Хэйвуд носом катит
Земляной орех.
Не затем, наверно, рос он,
Жил не для того,
Чтоб для смеха в землю носом
Ткнули бы его...
Он ползет, волочит ноги,
Ест ему глаза,
Может, злая пыль дороги,
Может быть, слеза.
Будь над ним иное небо —
К чорту б этот «спорт»!
Он бы на уборке хлеба
Показал рекорд,
На литье иль на прокате
Мог прославить цех...

Чорта с два!
Он носом катит
Земляной орех...
Почему он продан боссам!
За какой же грех!
Как в аду, он катит носом
Земляной орех.
Он ползет. Ползет и стонет,
Слякотью покрыт...

. . . .

О культуре в Вашингтоне
Трумэн говорит!..
Свой «порядок» превознес он,
Как пример для всех...

. . . .

Джонни Хэйвуд катит носом
Земляной орех...

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

КОЕ-ЧТО ДЛЯ ИСКАТЕЛЕЙ ТЕПЛЫХ МЕСТЕЧЕК

В начале правления Линкольна искатели государственных должностей толпами осаждали Белый дом. Президент сказал им:

— Я не хочу уподобляться домохозяину, который так занят сдачей комнат в одном конце здания, что не имеет времени погасить пожар в другом конце.

Но когда Линкольн заболел оспой, он дал швейцару следующую инструкцию:

— Скажите всем искателям должностей, чтобы они пришли ко мне. Наконец-то у меня есть кое-что, чем я могу их наградить!

* * *

МЕЧТА АГРЕССОРА

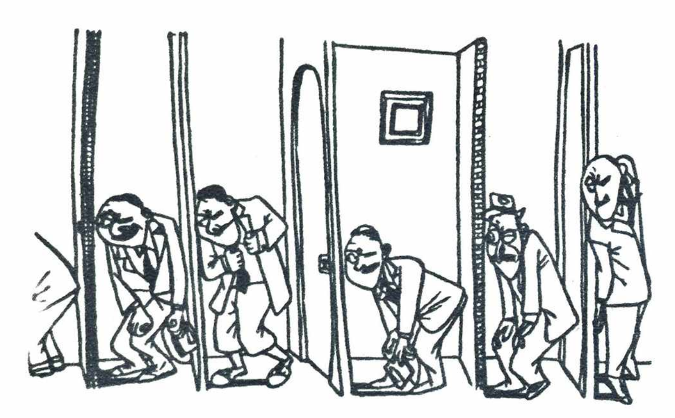
Линкольн в бытность свою членом конгресса выступил против войны с Мексикой. Он заявил, что те, кто утверждает, будто война с Мексикой не агрессивная война, а война оборонительная, напоминают ему одного фермера в штате Иллинойс, который, как все агрессоры, говорил: «Вообще я не жаден на землю. Я хочу только ту, что рядом с моей».

* * *

СЭМБО И ДОКТОР РОСС

В знаменитых дебатах с Дагласом Линкольн развил свой взгляд на теорию «добровольного отказа от рабства», теорию, которую усиленно пропагандировали сторонники южан:

— Вся идеология проповедников рабства сводится к следующему афоризму: «Рабство не абсолютно хорошо, но и не дурно. Для некоторых людей лучше быть рабами, и в таких случаях это божья воля, чтобы они ими были». Предположим, например, что у преосвященного доктора Росса есть раб по имени Сэмбо. Вопрос стоит так: в чем божья воля? В том, чтобы Сэмбо остался рабом, или в том, чтобы он был отпущен на свободу? Всемогущий не дает слышимого ответа на этот вопрос. Никто и не думает спросить об этом Сэмбо. Значит, дело сводится к тому, что решать этот вопрос будет преосвященный доктор Росс, и пока он обдумывает его, он сидит в тени, пьет и ест то, что заработал ему Сэмбо. Если он решит, что бог хочет, чтобы Сэмбо продолжал быть рабом, то он сохранит свое комфортабельное положение. Но если доктор Росс решит, что бог хочет, чтобы Сэмбо был отпущен на свободу, то ему, доктору Россу, придется покинуть тенистый уголок и под палящим солнцем в поте лица добывать хлеб свой. Будет ли доктор движим той строгой беспристрастностью, которая всегда считалась наиболее благоприятствующей вынесению справедливого приговора? Не думаю!

«Охота за шпионами» в Вашингтоне.
(Ирландский журнал «Дублин Опиньон»).

Обложка работы Н. В. Гоголя

«До сих пор я больше держал в руке кисть, чем перо. Мы с Жуковским (поэтом.— Б. А.) рисовали на лету лучшие виды Рима»,— сообщает Н. В. Гоголь в одном из своих писем.

Гоголь рисовал и писал красками, иногда даже целиком отдавался этому занятию, дружил с художниками и понимал их искусство. «Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи»,— отмечает писатель в «Арабесках».

Поэтому, когда в 1842 году Гоголю понадобилось нарисовать обложку к первому изданию «Мертвых душ», он, повидимому, не испытывал затруднений, тем более, что опыт в области книжной графики у него уже был: в нежинской гимназии высших наук он нарисовал немало обложек и виньеток для ученических журналов и украшал своими рисунками переписанные им для себя стихи и поэмы Пушкина.

До нас дошло очень немного экземпляров первого издания «Мертвых душ», сохранивших свою оранжевую с черным рисунком обложку, и если она воспроизводилась позднее, то лишь по второму изданию — 1846 года. Между тем эта обложка представляет большой интерес не только как единственный в своем роде образец графики Гоголя, но и потому, что по этой обложке можно судить, что именно сам автор находил нужным подчеркнуть в своем произведении.

На рисунке писателя прежде всего бросается в глаза не самое заглавие, а подзаголовок: «Поэма». Это слово вставлено в богатую рамку и написано самыми крупными «светлыми» буквами по совершенно черному фону. Всем графическим существом Гоголь как бы подчеркивает этот подзаголовок, и понятно, почему: называя свое написанное прозой произведение поэмой, писатель шел против литературных канонов, по которым поэмы следовало писать стихами, а романы — прозой. Пушкин создал непредусмотренный теорией словесности роман в стихах «Евгений Онегин», а Гоголь вслед за ним поэму в прозе.

Кроме того в этом бросающемся в глаза, огромном подзаголовке нашла свое отражение обширность замысла писателя, «творения необъятно художественного» (Белинский).

Второе, что Гоголь нашел необходимым выделить,— это заглавие поэмы: «Мертвые души». Наряду с крупным шрифтом оно своеобразно подчеркнуто разбросанными кругом в орнаменте человеческими костями. Это те кости, о которых Чичиков говорил Коробочке.

Навязанная цензурой, чуждая Гоголю «надстройка» над заглавием — «Похождения Чичикова» — дана самыми небольшими буквами, не столько для читателей, сколько для цензуры. Совсем скромно, внизу, прописным готическим шрифтом обозначено имя автора. Такова в основном центральная часть обложки.

Вся она затейливо орнаментирована. Рисунок сделан тонко, пером, с заливкой, штриховкой и тушёвкой, не без изящества. По существу, это уже не орнамент, а арабески, тем более затейливые, что как среди них, так и на полях разбросаны различные изображения того, что упоминается в поэме, или того, что мог видеть Чичиков в своих разъездах по Руси.

Вот мчится запряженный парой тарантас, напоминающий о чичиковской бричке; вот избы и колодец с журавлем; вот бокалы, бутылки и рыба на блюде, напоминающая того осетра, который «доехал» Собакевич; вот танцующая пара, быть может, с губернаторского бала; вот верстовой столб и так далее. Одним словом, это своеобразные графические вариации на темы «Мертвых душ».

Ими было положено начало той серии великолепных рисунков, которые дали к поэме Гоголя художники А. Агин, П. Боклевский и П. Соколов.

Борис АЛЕКСЕЕВ

Обо всем

РЫБЫ АМУРА

Дальневосточная поговорка гласит: «Волга — матушка, а Амур — батюшка». Амур на 666 километров длиннее Волги, в нем водится 99 видов рыбы, тогда как в Волге — 74; река Амур по добыче в ней рыбы занимает одно из первых мест в мире.

Среди обитающих в Амуре рыб есть такие гиганты, как калуга, достигающая в длину 4 метров, и такие своеобразные, как касатка-скрипун, змееголов и толстолоб.

Касатки - скрипуны устраивают в прибрежном грунте целые гнездовые колонии. Они роют под водой норки, в которые откладывают икру, охраняемую самцами. Таких норок бывает до 20 на квадратный метр.

Змееголов строит для икры плавучее гнездо из растительности.

Толстолоб — травоядная рыба и питается водорослями, вследствие чего его кишечник в 15 раз превосходит длину тела. Толстолоб интересен еще тем, что при сильном стуке или появлении резкой тени не уходит в глубину, как это обычно делают рыбы, а, наоборот, выскакивает из воды, иногда даже попадая при этом в лодку.

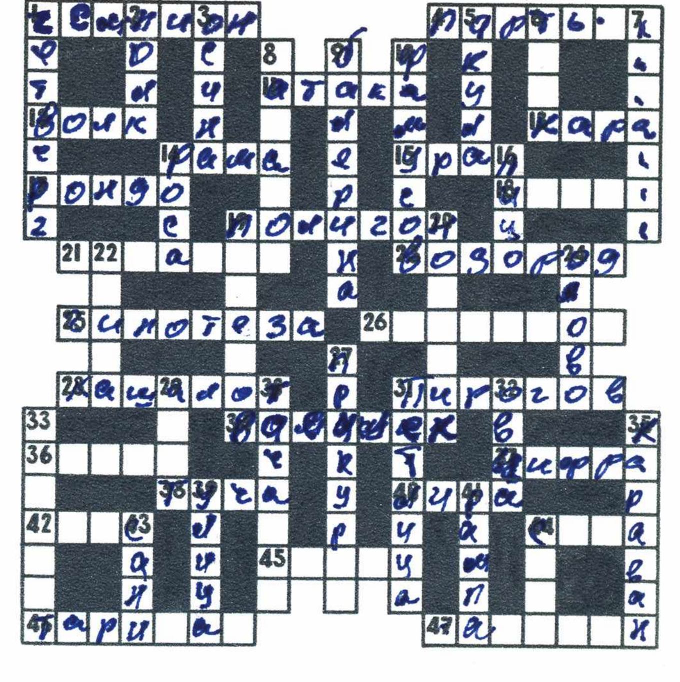
ГЛАЗА СТРИЖА

Стрижи прилетают в среднюю полосу России позднее ласточек, а улетают раньше их, хотя ведут такой же образ жизни и так же питаются насекомыми, как и ласточки.

Поздние прилеты и ранние отлеты стрижей связаны, как это ни удивительно, с особенностями устройства их глаз. Глаза стрижа расположены так, что он видит отчетливо только перед собой, боковое зрение у него отсутствует, и поэтому стриж может ловить лишь тех насекомых, которые оказываются в воздухе впереди него. Насекомые же поднимаются в воздух только в самое теплое время года: в начале весны и в конце лета они обычно ползают.

Ласточка, обладающая одинаково острым передним и боковым зрением, может ловить как летающих, так и ползающих насекомых, вспугивая их и хватая со стен, с дороги, с деревьев, а стрижу это недоступно: он может ловить насекомых только на лету.

В иных климатических условиях, например, в Туркмении, стрижи прилетают одновременно с ласточками и даже раньше их.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Спортсмен, добившийся первенства. 4. Занавеска. 11. Стремительное нападение. 12. Хищный зверь. 13. Наказание. 14. Окно вместе со стеклами. 15. Горный хребет в СССР. 17. Музыкальное сочинение. 18. Приток реки Москвы. 19. Стрельбище. 21. Советский драматург. 23. Легкий газ. 25 Научное предположение. 26. Прибор для охлаждения воды. 28. Морское животное. 31. Знаменитый русский хирург. 34. Полевой цветок. 36. Вареное льняное масло. 37. Знак для обозначения числа. 38. Большое облако. 40. Итальянская монета. 42. Рукоятка холодного оружия. 44. Горная порода, содержащая металл. 45. Минерал. 46. Обозначенная цена. 47. Город в РСФСР.

По вертикали:

1. День недели. 2. Воинская часть. 3. Дерево. 5. Хищная морская рыба. 6. Кустарниковое степное растение. 7. Столица союзной республики. 8. Выдающийся русский архитектор. 9. Танцовщица. 10. Персонаж комедии Грибоедова. 14. Атмосферные осадки. 16. Часть головы человека. 19. Русский художник. 20. Залив моря Лаптевых. 22. Маслина. 24. Металл. 27. Судебное учреждение. 29. Скотовод в Монголии. 30. Боевая повозка. 31. Нашивка на воротнике форменной одежды. 32. Домашнее животное. 33. Художественный стенной ковер. 35. Группа вьючных животных в пустыне. 39. Два ряда домов с проездом между ними. 41. Барьер вдоль авансцены. 43. Зимняя повозка. 44. Озеро на Кавказе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

1. Доброволец. 5. Патриотизм. 11. Бедный. 12. Белугин. 13. Маршак. 15. Нарды. 16. Витим. 18. Вика. 19. Цинк. 21. Возраст. 25. Чехи. 28. Араб. 29. Курорт. 30. Кролик. 31. Лоза. 32. Щенок. 33. Айва. 36. Резина. 37. Бурдюк. 38. Окно. 40. Идея. 42. Делегат. 45. Клей. 48. Депо. 49. Лихта. 50. Алтын. 53. Панова. 54. Таракан. 55. Апогей. 56. Черепановы. 57. Кукрыниксы.

По вертикали:

1. Дубрава. 2. Руно. 3. Вайгач. 4. Лебедев. 6. Танкист. 7. Измаил. 8. Тире. 9. Макушка. 10. Суппорт. 14. Акцент. 17. Низами. 20. Циклотрон. 22. Обращение. 23. Структура. 24. Чаковский. 26. Архаизм. 27. Олеандр. 34. Хикмет. 35. Хребет. 39. Депутат. 41. Скрипач. 42. Детство. 43. Теленок. 44. Корейцы. 46. Сигара. 47. «Цыганы». 51. Фойе. 52. Коми.

Запорожский дуб

Во времена Киевской Руси в районе теперешнего города Запорожья и его окрестностей на берегах Днепра росли могучие дубовые леса. Еще в 1904 году на правом берегу Днепра в районе села Верхняя Хортица можно было увидеть тысячелетние дубы, но уже одряхлевшие.

Сейчас в В. Хортице сохранился так называемый «Запорожский дуб». Его возраст около 600 лет. Дерево, заботливо охраняемое, находится в полном расцвете. Ежегодно с дуба собирается большое количество желудей, которые используются для посадки лесозащитных полос.

Дуб-великан возвышается среди колхозного сада в небольшой лощине. Крона его состоит из могучих веток и занимает площадь диаметром 33 метра. Ствол дуба разветвляется почти на высоте роста человека. Длина окружности ствола в 1915 году равнялась 5 метрам 35 сантиметрам, в 1949 году — 6 метрам. Диаметр ствола у земли 2,5 метра. Высота кроны 25 метров.

Среди местных жителей живет легенда, будто бы запорожцы писали под этим дубом письмо турецкому султану...

В. МАРКОВ

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. **Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А — 07881. Подписано к печати 21/XI 1950 г. Изд. № 688. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2819. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Сберегательные кассы:

ПРИНИМАЮТ ВКЛАДЫ до востребования, срочные, выигрышные, условные и на текущие счета;

ВЫДАЮТ ВКЛАДЫ по первому требованию вкладчика или его доверенного лица;

ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ по поручению вкладчиков из одной сберегательной кассы в другую;

ВЫДАЮТ И ОПЛАЧИВАЮТ АККРЕДИТИВЫ.

По вкладам, внесенным в сберегательные кассы, вкладчикам выплачивается доход в виде выигрышей и процентов.

Сберегательные кассы имеются во всех городах и районах СССР

Храните деньги в сберегательных кассах!

Цена 3 руб.

